

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ:

ГЕНЕЗИС, ФОРМИРОВАНИЕ,
РАЗВИТИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы
в мировой и отечественной истории и политике»

Ивановская городская дума

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ: ГЕНЕЗИС, ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

**Материалы
XXXI Международной
научно-теоретической конференции**

**Конференция приурочена к 20-летию журнала
«Интеллигенция и мир»**

Иваново, 23—24 сентября 2021 г.

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2021

УДК 3
ББК 6/8
И 73

Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. — 312 с. — ISBN 978-5-7807-1368-5.

В сборнике опубликованы материалы XXXI Международной научно-теоретической конференции, посвященной проблемам генезиса, формирования, развития и деятельности интеллигенции и интеллектуалов от Античности до современности. В конференции приняли участие историки, социологи, философы, филологи и специалисты других отраслей знаний из многих регионов России, из Белоруссии и Пакистана.

На этапе подготовки конференции был проведен опрос «Журналы социально-гуманитарных наук на современном этапе: ожидание и реальность», на который откликнулся 51 эксперт из 20 регионов, и результаты которого приведены в настоящем сборнике.

Издание подготовлено НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» в рамках выполнения внутривузовского гранта № 26-21-Г.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ивановского государственного университета

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **В. Л. Черноперов** (*ответственный редактор*),
кандидат исторических наук **И. А. Буданова** (*выпускающий редактор*),
доктор исторических наук **Г. А. Будник**,
доктор исторических наук **В. В. Комиссаров**,
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**,
доктор исторических наук **С. М. Усманов** (*ответственный секретарь*),
кандидат исторических наук **Н. Г. Юркин**

Рецензенты:

И. К. Лапшина, доктор исторических наук,
заведующая кафедрой всеобщей истории (Владимирский
государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых)
И. В. Рыжов, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории и политики России (Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского)

*Ответственность за содержание материалов
несут авторы публикаций*

ISBN 978-5-7807-1368-5

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Ivanovo State University
Scientific and Educational Center
“Intelligentsia and Intellectuals in World and National History and Politics”
Ivanovo City Council

**INTELLIGENTSIA AND INTELLECTUALS:
GENESIS, FORMATION, DEVELOPMENT,
ACTIVITY**

**Proceedings of the
XXXI International
Scientific and Theoretical Conference**

**The conference is dedicated
to the 20th anniversary of the journal
“Intelligentsia and the World”**

Ivanovo, September 23—24, 2021

Ivanovo
Publishing house “Ivanovo State University”
2021

Intelligentsia and Intellectuals: genesis, formation, development, activity: materials of XXXI International Scientific-Theoretical Conference, Ivanovo, September 23—24, 2021. — Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. — 312 p. — ISBN 978-5-7807-1368-5.

The proceedings of the XXXI International Scientific and Theoretical Conference, dedicated to the problems of genesis, formation, development and activities of Intelligentsia and Intellectuals from Antiquity to the present, have been published in the collection. The conference was attended by historians, sociologists, philosophers, philologists and specialists in other branches of knowledge from many regions of Russia, from Belarus and Pakistan.

At the preparatory stage of the Conference, a survey “Journals on Social Sciences and Humanities at the Present Stage: Expectation and Reality” was conducted. 51 experts from 20 regions responded to the survey and the results are presented in the current collection.

The publication was prepared by the Research Center “Intelligentsia and intellectuals in world and national history and politics” in the framework of the implementation of the internal university grant № 26-21-Г.

*Printed by the decision of the Editorial and Publishing Council
of Ivanovo State University*

Editorial Board:

Doctor of Historical Sciences **V. L. Chernoperov** (*Editor-in-Chief*),
Candidate of Historical Sciences **I. A. Budanova** (*Executive Editor*),

Doctor of Historical Sciences **G. A. Budnik**,

Doctor of Historical Sciences **V. V. Komissarov**,

Candidate of Historical Sciences **A. K. Kalinin**,

Doctor of Historical Sciences **S. M. Usmanov** (*Executive Secretary*),

Candidate of Historical Sciences **N. G. Yurkin**

Reviewers:

I. K. Lapshina, Doctor of Historical Sciences,
Head of the Chair of General History
(A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University)

I. V. Ryzhov, Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of Russian History and Politics
(Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod)

*The responsibility for the content of materials lies
with the authors of the publications*

Слово от организаторов конференции

Конференция, материалы которой представлены в настоящем сборнике, посвящена 20-летию журнала *«Интеллигенция и мир»*. Издание учреждено и издается Ивановским государственным университетом с 2001 года. Создателем и первым главным редактором журнала был доктор исторических наук, профессор Валерий Сергеевич Меметов (1939—2019) — основоположник ивановской школы интеллигентоведения, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат знака «За заслуги перед городом Иваново», автор более чем 250 научных работ, организатор 30 общероссийских и международных конференций по проблемам изучения интеллигенции.

С 2010 года и по настоящее время журнал *«Интеллигенция и мир»* входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отечественной и всеобщей истории.

Миссия журнала — создание форума для специалистов России и ближнего зарубежья по обмену собственными научными достижениями и информацией о результатах крупных международных мероприятий в области интеллигентоведения.

Основное содержание журнала составляют научные статьи, сообщения, аналитические обзоры научных конференций и рецензии книг.

За годы существования журнал объединил историков, философов, филологов, социологов, политологи и специалистов других отраслей знаний из примерно 100 вузов и академических институтов большинства регионов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Владивостока, Владимира, Екатеринбурга, Иванова, Казани, Костромы, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Омска, Самары, Саратова, Сыктывкара, Тулы, Перми, Рязани, Улан-Удэ, Ульяновска, Челябинска, Ярославля и мн. др.), а также стран ближнего (Белоруссия, Украина) и дальнего (США, Италия, КНР, Франция) зарубежья.

«Интеллигенция и мир» является единственным в России и на постсоветском пространстве междисциплинарным научным журналом социально-гуманитарных наук по интеллигентоведческой тематике. Периодичность журнала — 4 выпуска в год.

Редакция и Международная редакционная коллегия журнала «Интеллигенция и мир» всегда будет рада видеть Вас и Ваших коллег на страницах нашего издания.

Редакция журнала в разные годы

Главный редактор

- Валерий Сергеевич Меметов**, д-р ист. наук, проф. (2001—2019)
Сергей Михайлович Усманов, д-р ист. наук, проф., и. о. (2019),
заместитель главного редактора (2009—2019), (2020 — наст. время)
Василий Львович Черноперов, д-р ист. наук, доц. (2020 — наст. время)

Редакция / редакционная коллегия

- Галина Анатольевна Будник**, д-р ист. наук, проф. (2020 — наст. время)
Юрий Михайлович Воронов, д-р полит. наук, проф.,
заместитель главного редактора (2001—2005); (2010—2019)
Валерий Петрович Раков, д-р филол. наук, проф. (2001—2002);
заместитель главного редактора (2003—2009)
Владимир Вячеславович Комиссаров, д-р ист. наук, доц.
(2003 — наст. время)
Ирина Константиновна Лапшина, д-р ист. наук, проф.
(2020 — наст. время)
Владимир Викторович Селезнёв, начальник Управления печати
и информации Ивановской области (2001—2009)
Дмитрий Александрович Смирнов, д-р ист. наук, доц. (2013—2019)
Григорий Станиславович Смирнов, д-р филос. наук, проф.
(2002—2005), (2010—2019)
Светлана Семёновна Садина, канд. ист. наук, доц. (2001 —2010)
Александр Константинович Калинин, канд. ист. наук
(2009 — наст. время)
Николай Георгиевич Юркин, канд. ист. наук, доц.,
ответственный секретарь (2001 — наст. время)

Международная редакционная коллегия (2020 — наст. время)

- Георгий Владимирович Корзенко**, д-р ист. наук, проф. (Беларусь)
Румяна Ангелова Михнева, д-р ист. наук, проф. (Болгария)
Зорислав Паункович, гл. редактор «Русского альманаха» (Сербия)
Роман Янович Юрковский, д-р ист. наук, проф. (Польша)

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 930.85

Н. Н. Васильев

Саратовский полиграфический комбинат (Саратов)

НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В работе рассматривается трансформация сущностных свойств интеллигенции, обнаруживаемая в современный период обострения её отношений с государством и обществом. Выявлены некоторые, связанные с этим обострением, аспекты деятельности интеллигенции новой формации.

Ключевые слова: Новая интеллигенция, формации интеллигенции, бизнесификация сознания, пространства проявления гражданской позиции, протестные движения, разложение правового сознания.

N. N. Vasiliev

Saratov printing plant (Saratov)

NEW INTELLIGENTSIA AGAINST STATE AND SOCIETY

The paper examines the transformation of the essential properties of the intelligentsia, which is revealed in the modern period of aggravation of its relations with the state and society. Some aspects of the activity of the intelligentsia of the new formation, connected with this aggravation, have been identified.

Key words: New intelligentsia, formations of intelligentsia, businessization of consciousness, space for manifestation of civic position, protest movements, decomposition of legal consciousness.

Историческим процессам как в российской, так и в мировой истории свойственна цикличность, периодическая повторяемость некоторых явлений. На эту тему имеется много исследований

(например, [7, 18]). В начале 20-х годов прошлого века выдающийся российский экономист Н. Д. Кондратьев пришел к выводу, что циклические движения представляют собой процесс отклонений от состояния равновесия [9, с. 148]. Эти равновесные состояния определяются некоторыми, социальными и гуманитарными закономерностями, которые обществу либо неизвестны, либо оно не может их эффективно применять. Таким образом «маятник» отклоняется и диалектически мобилизуются процессы, направленные против этого отклонения, что приводит к остановке, а затем и к ускоряющемуся обратному движению «маятника», который опять двигаясь инерционно, проходит точку равновесия.

Один из таких циклов российской истории проявляется в том, что в первой четверти столетия чрезвычайно обостряются отношения интеллигенции с обществом и государством: Эти периоды обострения всегда сопровождалась сильным недружественным внешним влиянием из-за границы (военным, политическим, экономическим, агентурным) и сложной внутренней обстановкой, большими внутренними проблемами. После первой четверти века все эти проблемы как-то нивелируются.

В начале 21-го века интеллигенция вовлечена в массовое протестное движение, активно проявляет антипатриотизм и русофобию, пытается дискредитировать православие. Влияния извне в этот период — мощный прессинг консолидированного Запада в экономическом, политическом, военном и агентурном направлениях. Внутренние проблемы — экономическая слабость (годового бюджета РФ 2020 года меньше чем налоговые отчисления фирмы Apple в бюджет США), обнищание значительной части населения, гипертрофированное имущественное расслоение, коррупция во власти.

В начале 20-го века интеллигенция разворачивает революционные движения и антиправительственные выступления. Влияния извне — войны, сильное дестабилизирующее влияние немецкой и английской агентуры. Внутри — нищета и безграмотность большей части населения, тяжёлые условия труда в промышленности и сельском хозяйстве, революционные движения.

В начале 19-го века против государства и общественных устоев действуют декабристские «реформаторы». Влияния

извне — войны в Европе с участием России, сильное английское недружественное влияние. Внутри — Отечественная война против Наполеона, подъём национального самосознания в среде дворянства и человеческого самосознания в крестьянской среде.

В каждый из таких периодов происходит сильная трансформация духовно и интеллектуально активного слоя общества — интеллигенции и интеллектуалов. Появляется не просто новое поколение, а новая *формация* этого слоя, которая в исторически короткий срок (около четверти века) либо заменяет старую, либо становится доминирующей. При этом происходят важные качественные изменения, мировоззренческий и ценностный разрыв с предыдущей формацией. В начале 20-го века трансформация интеллигенции привела к потере относительной независимости от власти и возможности легальной и нравственно позитивной оппозиционности. В начале 21-го века новая интеллигенция потеряла приоритет морали в мировосприятии и на этой основе приобрела внутреннюю органическую оппозиционность власти.

Процесс формирования современной новой интеллигенции отчётливо выявлен после протестных событий конца 2011 года. Его глубокое рассмотрение и осмысление с учётом разносторонних оценок начато работами профессоров О. В. Золотарева [4] и И. В. Сибирякова [14].

Для интеллигенции свойственно видение мира через призму морали. При этом мораль и её истоки, основания столетиями носили сакральный характер — были либо от Бога, либо от единственно верного и непобедимого марксистско-ленинского учения. Мораль была ядром, фундаментом мировосприятия, по крайней мере в гуманитарной и социальной сферах. Далее на этом фундаменте обосновывались разные жизненные принципы, установки.

В постсоветское время произошла фундаментальная трансформация мировосприятия интеллигенции (и, наверное, не только интеллигенции). В центре мировосприятия встали догмы о фундаментально ценности материального благополучия и успешности бизнеса. Произошла, можно сказать, *бизнесификация* сознания. Бизнесифицированное сознание — ось, на которой «вращается» всё мировосприятие. Мораль стала вторичной, вытекающей из

(базирующейся на) догматах индивидуализма и бизнесового восприятия всех общественных проявлений. Все виды *служения* (наука, образование, культура, власть) превратились в виды бизнеса (вытеснены, заменены бизнесом). Это, не всегда ясно осознаваемое, обстоятельство является принципиально важным.

Формирующаяся таким образом мораль, по-видимому, сильно отличается даже от классической протестантской этики, беря от неё только эгоцентризм и индивидуализм, забывая о чувстве долга и аскетизме, привлекая особенность российского менталитета — эмоциональную подоплёку и окраску всякой деятельности.

Общественно-значимые виды деятельности интеллигенции новой формации во многом направлены против государства и общества. В частности, *протестные движения* направлены фактически против государства. Декларируемый их лидерами «антипутинизм» лишь тактическая уловка, основанная на том, что президент Путин сейчас — главное действующее лицо всероссийского государственного спектакля [16].

Выделить интеллигенцию из «массы» участников протестного движения очень сложно. Тем не менее, опираясь на данные социологических исследований можно уверенно сказать, что большая часть участников протестного движения может быть отнесена к интеллигенции. Например, в исследовании [6] выявлено, что в одной из очень значимых протестных акций в Москве 70 % участников имеют высшее образование. Руководитель Центра изучения элит Института социологии РАН Ольга Крыштановская отмечает: «По поводу субъекта протеста: называют креативные классы, хипстеры, и так далее, какие-то слова не очень понятные; есть очень простые определения, понятные всем. Протест — это российская интеллигенция» [11].

Организаторы протестов высоко ценят участие в них интеллигенции, опираются на неё. «Главное, что дает нам силы, во-первых, это то, что выходящие с нами протестовать сотни тысяч по всей стране люди образованные, культурные в основном. Радует, что в протест активно вливаются люди творческие — рок-музыканты, композиторы, пианисты, поэты, писатели, художники» [17, с. 24].

В совокупности с «новой» моралью *лучшими* мотивами для участия в протестной деятельности могут быть стремление добиться изменений, которые позволили бы:

- достичь успешности в бизнесе (для тех, кто не совсем успешен);
- стать очень успешным в бизнесе (для тех, кто имеет какой-то, но не впечатляющий успех);
- получить общественное признание и уважение своих достижений в бизнесе и своего мировоззрения, лежащего в основе достигнутого (для тех, кто имеет очень значительные достижения).

Это может побуждать к участию в протестах против государства (власти), которое, как им представляется, мешает, препятствует в достижении желаемого.

Протестные и другие публичные акции являются формой *проявления гражданской позиции* относительно государства и общества, что само по себе достойно уважения. Для её проявления существует два *пространства*: пространство мнений и пространство действия. Пространство мнений поддерживается средствами, интернета, радиовещания, печатных изданий. Оно непрерывно расширяется и активизируется в первую очередь за счёт интернета. Второе пространство жёстко контролируется институционально и действиями правоохранительных органов. Объём его периодически меняется, но в среднем рост не наблюдается. Пересечение этих пространств представляет собой *организацию* гражданской активности.

Особая, всё более усиливающаяся и уже можно сказать ключевая роль принадлежит интернету, прежде всего социальным сетям. «...роль Интернета полностью выходит за границы инструментальности, так как создает коммуникационную и организационную среду «автономности» от любого институционального контроля на основе низовых объединений, не требующих лидеров и институтов, а также культуру постоянной подключённости (perpetual connectivity), самопрезентаций и множественных интеракций. Предполагается, что это настолько радикально меняет культуру и практику социальных движений, что производит, по сути, их новый тип» [5, с. 262]. «Интернет к тому же остается главной формой выражения для тех, кто по разным причинам не

способен выйти на улицы» [5, с. 261]. Тот факт, что «идеология — главная тема и цель интернет-активности» [5, с. 205] подчёркивает важнейшую роль интеллигенции во всех общественных движениях.

В связи с участием интеллигенции в протестных мероприятиях и других публичных акциях обнаруживается антиобщественный фактор — разложение правового сознания.

Участники протестных движений и несистемная оппозиция борются за демократию, как на Западе, чтобы у нас было как у них, всё по закону, без произвола властей. При этом они участвуют в противозаконных мероприятиях, считая это нормальным. Ведь у них на Западе демократия и закон нарушать нельзя. Поэтому, когда германская полиция жёстко разгоняет демонстрантов, то поступает законно и справедливо. У нас же всё можно, поскольку у нас не демократия, а «кровавый режим».

Открытое письмо — очень популярный жанр публичного выражения гражданской позиции. Эта форма часто используется представителями новой интеллигенции для демонстративного и безнаказанного проявления своего презрения к закону и обществу. Особенно ярко это было выражено в связи с делом Михаила Ефремова — да, он виновен, он убил человека, но он артист, творец и его наказывать нельзя, надо помиловать [13, 8].

Более 400 музыкантов подписали открытое письмо в поддержку авантюриста Навального. «Холодная Гражданская война, развязанная государством по отношению к самой думающей, образованной и неравнодушной части общества, переходит, если уже не перешла к своей горячей стадии», — говорится в обращении, переворачивая всё с ног на голову [1].

В длинном ряду таких «душевных порывов» выступления в поддержку кинорежиссёра и террориста Олега Сенцова [3], театрального режиссёра и жулика Кирилла Серебренникова [12], журналистов студенческого журнала Доха, призывавших молодых людей к участию в противозаконных протестных мероприятиях [15], историка и педофила Юрия Дмитриева [10].

Кроме новой интеллигенции в настоящее время общеизвестна и ещё одна тенденция «развития» интеллигенции — *перерождение в интеллектуалов*. Последние для своей общественно-значимой деятельности в морали, даже такой деформированной

как у новой интеллигенции, не нуждаются вовсе, разве только как в ширме для махинаций и авантюр. (Вспомним с чего «начались» интеллектуалы — дело Дрейфуса! [2]).

Интеллектуалы наносят сознательный вред обществу и государству прежде всего *использованием отечественных образовательных ресурсов* для поддержки западных экономик через *эмиграцию и работой на иностранные организации* на территории России (иноагентов).

Помимо рассмотренных выше, есть ещё ряд направлений негативных общественных проявлений деятельности новой интеллигенции, например, борьба с русским языком и русскими (русофобия), борьба с Православием, антипатриотические выступления. Их рассмотрение выходит за рамки настоящей работы.

Возникновение новой интеллигенции пока не привело к исчезновению интеллигенции старой формации. Даже трудно сказать, представители какой формации составляют большинство в интеллигентском сословии. По поводу ближайшего будущего возникает вопрос: оформится ли окончательно раскол с сохранением в российском обществе в значимых масштабах обеих формаций интеллигенции или интеллигенция старой формации (сохранившая определённую преемственность с советской интеллигенцией) окончательно уступит место в обществе интеллигенции новой формации, аналогично тому как было в первой четверти 20-го века.

Хочется надеяться, что будет раскрыта загадка циклов обострения отношений интеллигенции с государством и обществом и будут выявлены *реально осуществимые* условия стабильного равновесного состояния их взаимодействия. Естественно, как и всегда бывает в природе, это равновесное состояние должно иметь *динамический характер*, то есть предполагать постоянные встречные движения отдельных слоёв общества (интеллигенции — прежде всего), а также общественных и государственных институтов.

Библиографический список

1. Более 400 музыкантов подписали открытое письмо в поддержку Навального. URL: <https://www.afisha.ru/article/news-bolee-400-muzykantov-podpisali-otkrytoe-pismo-v-podderzhku-navalnogo/> (дата обращения: 13.05.2021).

2. Дело Дрейфуса. Цит. по: *Дельнов А. А.* Франция. Большой исторический путеводитель. М.: Эксмо, Алгоритм, 2008. С. 729—732.
3. За освобождение кинорежиссёра Олега Сенцова. URL: <https://memohrc.org/ru/monitorings/za-osvobozhdenie-kinorezhissyora-olega-sencova> (дата обращения: 13.05.2021).
4. *Золотарев О. В.* Новая интеллигенция? // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 60—71.
5. Интернет и идеологические движения в России: Коллективная монография / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 480 с.
6. «Марш миллионов» 12 июня: социальный портрет протестного движения (материалы специального исследования ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2012/2012-06-27-marsh mln.pdf (дата обращения: 13.05.2021).
7. *Пашинский В. М.* Цикличность в истории России // Политические исследования. 1994. № 4. С. 111—124.
8. Петиция Помилование Михаила Ефремова. URL: https://www.change.org/p/президент-рф-помилование-михаила-ефремова?source_location=topic_page (дата обращения: 13.05.2021).
9. *Плотинский Ю. М.* Модели социальных процессов: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001. 296 с.
10. Почему российские либералы выбрали себе в герои педофила? URL: <https://fishki.net/anti/3434076-pochemu-rossijskie-liberaly-vybrali-sebe-v-geroi-pedofila.html> (дата обращения: 13.05.2021).
11. Протестное движение в России: взгляд социологов. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-vzglyad-sotsiologov/> (дата обращения: 13.05.2021).
12. Рената Литвинова, Чулпан Хаматова, Юлия Снигирь и другие выступили в поддержку Кирилла Серебренникова. URL: <https://spletnik.ru/buzz/chronicle/97097-litvinova-khamatova-snigir-vystupili-v-podderzhku-kirilla-serebrennikova.html> (дата обращения: 13.05.2021).
13. Российские звезды шоу-бизнеса поддержали Ефремова. URL: <https://iz.ru/1021775/2020-06-09/rossiiskie-zvezdy-shou-biznesa-podderzhali-efremova> (дата обращения: 13.05.2021).
14. *Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 71—81.
15. Студенты и выпускники обратились к руководству ВШЭ с открытым письмом в поддержку журналистов Доха. URL: <https://esquire.ru/articles/256433-studenty-i-vypuskniki-obratilis-k->

- rukovodstvu-vshe-s-otkryтым-pismom-v-podderzhku-zhurnalіstov-doxa/
(дата обращения: 13.05.2021).
16. Сущность навалънизма. URL: <https://rusvesna.su/news/1619283245>
(дата обращения: 13.05.2021).
17. *Удальцов С. С.* Катехизис протеста. За что мы боремся. М.: Алгоритм, 2017. 192 с.
18. *Яковец Ю. В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.

УДК 930.85

Э. Б. Ершова

профессор, руководитель исторического клуба,
Совет ветеранов Академического района города Москвы (Москва)

**ПРОЦЕССЫ ГЕНЕЗИСА И ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ
В 1990—2000-е ГОДЫ
(АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ)**

В статье дан авторский взгляд на возникшие в 1990—2000-е годы проблемы генезиса духовно-нравственных ценностей интеллигенции России в результате изменения политической и общественной ситуации после развала СССР в 1991 г., которое поставило интеллигенцию, как и всё общество, в сложные условия необходимости выживания, и соответственно выбора того или иного жизненного пути: продолжать прежнюю деятельность, несмотря на ухудшение материального положения, или перейти в новый статус предпринимателя и тому подобной деятельности ради создания наилучших условий жизни по правилам нового общественного строя (сделать новый перевод).

Ключевые слова: Оппозиция, переустройство общества, смена духовных и нравственных ценностей, бизнес, свобода слова, критика власти, выживание в условиях развала экономики.

E. B. Ershova

Professor, Head of the History Club,
Council of Veterans Academic district of Moscow (Moscow)

**PROCESSES GENESIS AND EVOLUTION SYSTEM
OF THE WORLD OF THE RIGHT IN THE 1990s — 2000s
(AUTHOR'S VIEW ON THE PROBLEM)**

The article reveals the author's view on the problems of genesis of the spiritual and moral values of the Russian intelligentsia in the 1990 s and 2000 s as a result of the change in the political and social situation after the collapse of the Soviet Union in 1991, which has put the intelligentsia, as well as the whole society, in difficult conditions of need for survival, and accordingly the choice of a life path: to continue the former activity, despite the deterioration of the financial situation, or to move into a new status of entrepreneur and such activities for the sake of survival.

Key words: Opposition, the restructuring of society, the change of spiritual and moral values, business, freedom of speech, criticism of power, survival in the conditions of economic collapse.

Первая половина 1990-х годов уже вошла в историю России как период перехода страны на капиталистический путь развития, который поставил её интеллигенцию в очень сложные условия. С одной стороны, часть советской интеллигенции, находившейся в оппозиции к власти, постоянно будировала в народе недовольство партийно-хозяйственной элитой, ее засильем во власти, присвоением все больших привилегий, постоянно углублявшимся кризисом плановой экономики, идеологическим давлением и постоянным навязыванием теории марксизма-ленинизма, которая уже не работала в обществе, фактически отделиваясь лозунгами, и т. д. К этому добавлялось стремление руководителей в национальных республиках к обладанию полнотой власти в управлении своими территориями в надежде признания их всем мировым сообществом Запада и его лидерами. Немаловажное значение имела личная неприязнь между некоторыми руководителями Политбюро ЦК КПСС, что привело к созданию должности Президента СССР, которую занял М. С. Горбачёв без организации всенародных выборов. Фактически с этого началась ломка политической системы, основой которой было партийное руководство КПСС во всех сферах жизни страны.

С другой стороны, перед интеллигенцией ещё в 1980-е годы все четче вырисовывалась необходимость введения отдельных черт такого политического и экономического строя, при котором можно было бы получать не уравнительную оплату, а соответствующую затраченным усилиям. Поездки представителей интеллигенции за рубеж позволяли видеть разницу в уровне жизни на Западе и в СССР, что вызывало огромное желание строить жизнь по западному образцу, иметь такую же «свободу слова», многопартийность, передвижения по другим странам, и т. д. Этому способствовала деятельность различных структур западной пропаганды своего «прекрасного» образа жизни, что приводило так или иначе к стремлению многих советских чиновников к мысли об изменении всей политической системы в СССР.

Но подведя общество к пониманию свершения его переустройства с приходом к руководству в стране вначале М. С. Горбачёва, а затем Б. Н. Ельцина, интеллигенция оказалась устраненной от власти, и переход к своего рода рыночной экономике начался спонтанно, когда интеллигенция еще не была готова к таким глобальным переменам. Существовали лишь первые ориентиры типа: легализация свободы слова и критики власти, отмены привилегий партийной элиты, ликвидации руководства КПСС в стране, введение многопартийности, свободного въезда и выезда из страны и передвижения по миру, и многое другое.

Однако ситуация в стране развивалась как снежный ком и сложилась таким образом, что процессы развала не только экономического, а скорее всего политического управления оказались вне контроля со стороны интеллигенции. К власти пришла на этой волне коррумпированная часть бывшей партийно-хозяйственной элиты, не лучшая как в нравственном плане, так и в плане законности своих действий. Интеллигенция, стремившаяся своими действиями к демократизму, плюрализму и человеческому существованию, оказалась, как и в 1917 г., «выброшенной за борт», предоставленной самой себе, предоставленной выживать любыми возможными для нее способами, и в конечном счете — находящейся далеко от власти.

В этих условиях вся российская интеллигенция, не будучи единой и в советское-то время, в современных условиях рубежа XX—XXI вв. разделилась на множество подтипов по своему

статусу: сокращение производства и научных исследований привело научно-техническую интеллигенцию на рынок, в торговлю; преподаватели вузов уходили в новый бизнес, либо выезжали за границу, или существовали на нищенскую зарплату, выделяемую им государством; творчески одаренные личности вынуждены были пробивать себе дорогу в шоу-бизнесе и т. д.

Главной задачей интеллигенции 1990-х гг. была задача выживания, приобретения нового статуса — участника и действующего лица становившейся рыночной экономики, характерной особенностью которой были первичное накопление капитала любыми путями (бандитской приватизацией, присвоением огромных государственных средств, приобретением части государственной собственности и т. д.). И вряд ли можно отрицать, что в этот период с помощью интеллигенции шло разрушение нравственных устоев общества, его идеалов межнационального сотрудничества, провал надежд на лучшую жизнь.

Художественная интеллигенция национальных регионов лишилась огромной аудитории, в которой знали выдающихся деятелей культуры разных территорий, знали представителей культуры всех народов, живущих в разных концах великой страны. Оказались невостребованными писатели, художники, актеры и режиссеры из-за потери ориентира в творчестве, ибо при советской власти это был предмет для создания серьезных социально-значимых произведений, для проведения в сознание людей определенных нравственных ценностей, хотя зачастую под идеологическим давлением.

Пришло время, когда стала создаваться такая современная литература, которая была переполнена произведениями легкого жанра: детективами и женскими романами, о возможно необходимом существовании которой сегодня никто не спорит. Однако при этом должна была иметь право на читательский отклик и социально-значимая литература, отражающая, как и всегда в переломные эпохи России, проблемы ее общественного и нравственного бытия, должна учить человека добру и любви ко всему окружающему, а не уничтожению всего ради наживы.

Анализируя параметры современного состояния всех сфер жизни российского общества, нельзя не видеть того, что, как и всё общество, интеллигенция до сих пор разобщена, ибо нет об-

щей идеи, общего высокого смысла ее деятельности. Она в то время оказалась лишена смысла служения своему Отечеству. За выдвижение общерусской идеи ее критикуют и обвиняют в шовинизме и национализме. Идея строительства общества равных и справедливых ушла в небытие, как неосуществимая и не оправдавшая себя, а идея создания государства ради формирования небольшого слоя олигархов никого не прельщает, сколько бы ни пытались доказать, что именно они, олигархи, вытаскают Россию из кризиса. В это не верит и сама интеллигенция.

Характерной чертой осмысления современности является понимание многими ее представителями того, что не все было плохо в недавнем нашем прошлом, что нельзя было одним махом разрушать то положительное, что было наработано десятилетиями: единение культур всех народов, проживавших в стране, социальная работа с детьми и юношеством, социальная защита малообеспеченных людей и семей, и т. д. И тот, кто ощущает себя интеллигентом даже в этом сложном времени, стремится к сохранению или даже возрождению тех нравственных устоев, которыми они сами живут — веру и надежду на лучшее, на возрождение России не с точки зрения имперских амбиций, а с позиции величия ее духовности и нравственности.

Анализируя то, что произошло в те годы в нашей стране, вольно-невольно возникает чувство потери интеллигенцией в определенной степени своего статуса как ведущей к светлому будущему всего народа, всех его слоёв и возрастов, ибо большая часть интеллигенции трудилась на ниве просвещения, технического прогресса, культуры и многих других направлений. В то же время нельзя отрицать и того, что политическая элита в то время не смогла понять необходимость совершенствования как политической системы, так и экономической стратегии, что приводило к кризису во всех сферах жизни общества.

Спустя три десятилетия после происшедших в то время событий остаётся только анализировать, что тогда произошло и уповать на более чёткое понимание возникающих уже в эти годы серьёзных угроз со стороны ряда западных государств любыми методами подчинить Россию и заставить её выполнять их стремления разрушения нашей страны. Безусловно, вернуть прежнюю идеологию невозможно, но необходимо уже сейчас, пока не

поздно, самой интеллигенции выработать ту генетику, которая спасёт наш народ и другие народы от потери своего самосознания как истинно человеческого, а не приобретения навязываемых всем нам многих неприемлемых ценностей Запада.

УДК 930.85

О. В. Золотарев

заведующий кафедрой, Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина (Сыктывкар)

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА

Исследуется динамика социального статуса советского учительства. Констатируется, что его уровень зависел от положения интеллигенции в структуре общества.

Ключевые слова: учительство, власть, социальный статус, заработная плата, профессиональная подготовка.

O. V. Zolotarev

Head of the Department, Syktyvkar State University named after P. Sorokin (Syktyvkar)

SOCIAL STATUS OF THE SOVIET TEACHERS

The dynamics of the social status of Soviet teachers is investigated. It is stated that its level depended on the position of the intelligentsia in the structure of the society.

Key words: the teachers, power, social status, salary, professional training.

Социальный статус российского учительства претерпел к началу XX века серьезные перемены: произошло не только значительное увеличение численности школьных педагогов, но и повысился уровень подготовки преподавателей, заметно улучшилось их правовое и материальное положение.

В целом учителя являлись своеобразной частью российской интеллигенции, которую многие современники (особенно это касалось учителей начальной школы) нередко относили к «полуинтеллигентам». Это определение в значительной степени относилось к характеристике положения сельского педагога, которое усугублялось его сравнительно невысокой образованностью, зависимостью от местного начальства и уязвимостью перед произволом крестьян.

И все же нельзя не констатировать значительный авторитет дореволюционного учительства, а, значит, и его особую роль в формировании настроений населения (особенно сельского). И это прекрасно осознавало руководство пришедшей к власти в России в октябре 1917 г. Коммунистической партии.

Однако в первые годы Советской власти сложное материальное положение педагогического персонала вкупе с ожесточенным административным и идеологическим давлением на учительство привели к уходу многих педагогов из школ, и как следствие — к серьезной их нехватке. Это происходило, несмотря на то, что новый режим уделял большое внимание подготовке педагогических кадров, которые должны были работать в русле господствующей идеологии. Поэтому мы наблюдаем процесс быстрой замены старых школьных работников на выходцев из рабочих и крестьян.

Впрочем, новое учительство не отличалось высоким уровнем профессиональной подготовки, что в свою очередь приводило к резкому падению всегда большого, особенно на селе, авторитета педагога (даже советское название учительской должности, данное в духе того времени — шкраб (школьный работник), казалось, отражало его унижение). Усугублению подобной ситуации способствовала и политика местных сельсоветов, когда работники образования использовались в качестве «сельисполнителей». Общественные нагрузки занимали в работе учительства гораздо большее место, нежели его непосредственные педагогические обязанности.

На положении учительства сильно сказывалась и общая линия властей по отношению к интеллигенции. Нэповский период определил весьма четкий дифференцированный подход в вопросах материального обеспечения интеллектуалов: труд нужных

властям технических специалистов уже в 1920-е годы начинает хорошо оплачиваться. Инженеры получают на производстве в пять—шесть раз больше рабочего, а вот, например, учительские оклады в тот период — в два — три раза меньше заработной платы рабочего [2, с. 382].

Положение осложнялось и определенной двойственностью положения учительства (особенно сельского). Школьные педагоги воспринимались населением как проводники государственной линии. В глазах крестьян они не выглядели социально близкими, хотя в целом именно к середине 1930-х гг. изменения в социальном составе учительства привели к резкому возрастанию доли педагогов из крестьян [3, с. 254]. Вместе с тем, сами власти как в 1920-е, так и в 30-е годы с недоверием относились к учительству. В итоге школьные работники оказывались чужими как для властей, так и для крестьянства [1, с. 148].

Нельзя не учитывать и настороженное отношение крестьян к новой школе 1920-х годов, которое переносилось ими и на педагогов. Ситуация изменилась в ходе проведения школьной реформы 1930-х годов, которая создавала весьма эффективную образовательную систему. Что не могло не сказаться в положительном плане и на отношении крестьян к учительству.

Кроме того, реформа существенно улучшила и материальное положение педагогической интеллигенции. Работникам просвещения был предоставлен ряд льгот. Определенные шаги были сделаны и в деле обеспечения учителей пенсиями. Власти значительно повысили и заработную плату школьным работникам. В конце 30-х годов она превышала средний ее уровень по промышленности.

Впрочем, это лишь в малой степени увеличило популярность учительской профессии. Ведь профессию педагога не окружал ореол героизма, причастности к происходившим в стране изменениям.

Нельзя не отметить, что курс на всеобщее обучение привел к значительному росту количества учителей. Они теперь представляли десятую часть интеллигенции. Причем три четверти учителей работали на селе, где другой интеллигенции практически не было [4, с. 15]. И это придавало им особый вес. Хотя

невысокий уровень подготовки педагогов в определенной степени снижал авторитет учительства среди населения.

В военный период власти видели и отмечали героизм школьных работников, стараясь если не материально, то хотя бы морально поощрить учительство.

После окончания войны положительные сдвиги в развитии народного образования происходили во многом потому, что государственные структуры уделяли особое внимание важнейшим аспектам работы образовательных учреждений: материальному и интеллектуальному обеспечению их деятельности. В конце 1940-х годов предпринимаются меры по улучшению материального положения учительства, серьезно пострадавшего в годы войны. Продолжает совершенствоваться и уровень подготовки педагогических кадров. Надо упомянуть и о других мерах, направленных на повышение социального статуса учителя. Особо следует выделить широкую пропагандистскую кампанию. Возобновилась и практика награждения учителей орденами и медалями. Увеличивается и партийная прослойка школьных работников.

В итоге постепенно теряет свою остроту проблема нехватки учителей. Качественные изменения в педагогических кадрах позволяли решать вопросы улучшения учебно-воспитательной работы в школах.

Говорить об учительстве военных и послевоенных лет нельзя без учета положения советской интеллигенции в эти годы в целом. Режим сознательно и последовательно поднимает престиж ученого и специалиста. Жалованье работников умственного труда начинает превышать доходы рабочих.

Приоритетность знаний и престижность интеллектуальной деятельности в этот период определяли эффективность образовательной системы и сравнительно высокий статус учительской профессии. В целом положение педагога в этот период было относительно благополучным. Престиж учительской профессии пока удавалось поддерживать на приемлемом уровне.

В некоторой степени на положении учителя по-прежнему негативно сказывалась перегруженность школьных работников различными формами внеучебной работы. На селе учительский коллектив являлся главной опорой администраций деревень и

поселков. Все учителя были пропагандистами и агитаторами. И это продолжало отнимать немало времени.

Однако в начале 1960-х годов на положении педагогических работников начал сказываться тот факт, что Н. С. Хрущевым была похоронена наблюдавшаяся в последние сталинские годы некоторая устойчивость в интеллигентских кругах. Во многом данные проявления были результатом возвращения «полумахаевского» отношения власти к интеллигенции. Социальный престиж квалифицированных работников, начиная с хрущевских времен, последовательно снижался.

И эти перемены в положении интеллигенции не могли не сказаться на учительстве, как ее неотъемлемой и весьма многочисленной части. Мы видим определенное уменьшение внимания к проблемам педагогических работников, сползание (несмотря на громкие слова) к снижению социального статуса учителя. Еще одной особенностью хрущевского десятилетия становится феминизация целого ряда интеллектуальных профессий. Это относится в первую очередь к образованию и медицине.

Подобная линия сохранилась и в 1970—1980-е годы. В итоге деградация интеллектуального слоя в советском обществе, начавшаяся при Н. С. Хрущеве, к началу 1980-х годов стала фактом. Интеллигенция, пережив количественный рост, потеряла в качестве. Это замечание в полной мере касается и «брежневского учительства».

Например, рост зарплаты работникам образования с началом хрущевской «оттепели» стал отставать от темпов увеличения уровня средней заработной платы по стране. Доход педагогов (при всех громких словах о важности их труда) был невысок. Впрочем, социальная защищенность, невысокие и стабильные цены обеспечивали приемлемое для большинства из учителей социальное самочувствие.

Продолжало уделяться немало внимания и моральному поощрению учителей. Работники просвещения награждались орденами и медалями, было введено звание «Народный учитель СССР», учрежден День учителя.

Таким образом, советское учительство прошло за 1950—80-е годы значительный путь. Оно в основном состояло уже из хорошо подготовленных, имеющих высшее образование специа-

листов, которые представляли немалую часть лиц интеллектуального труда. Школьные педагоги осознавали важность своей деятельности для общества и справедливо полагали, что она недостаточно оценена в материальном плане. Предъявляя повышенные требования к педагогу, говоря о престиже учительской профессии, партийно-государственные структуры так и не смогли в полной мере решить материальные и социальные проблемы учительства.

Надо добавить, что создавшаяся ситуация не была случайной. Именно к началу 1980-х годов ясно проявился конфликт между возросшей ролью интеллигенции в общественном производстве и падением ее социального статуса. Последнее было связано с заметно снизившимся уровнем материального обеспечения интеллектуалов по сравнению с рабочим классом. Это в полной мере затронуло и советское учительство.

Библиографический список

1. *Золотарев О. В.* Свежий взгляд со стороны... Размышления над книгой Е. Т. Юинга «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.» // Интеллигенция и мир. 2013. № 3. С. 143—152.
2. *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. 662 с.
3. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
4. *Юинг Е. Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

И. В. Купцова

профессор, Московский государственный университет (Москва)

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена анализу проблемы генезиса интеллигенции в современной отечественной историографии. Представляются точки зрения на происхождение как термина «интеллигенция», так и самой интеллигенции. Анализ взглядов исследователей на проблему происхождения интеллигенции показывает необходимость ее рассмотрения в контексте подхода к дефиниции, учитывая количественные и качественные характеристики. В связи с этим все предложенные точки зрения можно характеризовать как этапы развития интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, генезис, понятие «интеллигенция».

I. V. Kuptsova

Professor, Moscow State University (Moscow)

THE PROBLEM OF THE GENESIS OF THE INTELLIGENTSIA IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the analysis of the problem of the genesis of the intelligentsia in modern historiography. The author presents the points of view on the origin of both the term «intelligentsia» and the intelligentsia itself. The analysis of the researchers' views on the problem of the origin of the intelligentsia shows the need to consider it in the context of an approach to definition, taking into account quantitative and qualitative characteristics. In this regard, all the proposed points of view can be characterized as stages of the development of the intelligentsia.

Key words: intelligentsia, genesis, the concept of «intelligentsia».

Проблема генезиса интеллигенции является актуальной научной задачей. Несмотря на то, что свой вклад в поиски ее реше-

ния внесли многие исследователей самых разных научных направлений, данный вопрос в начале XXI века остается таким же сложным, как и в начале прошлого века. Целью статьи является анализ идей и теорий относительно проблемы генезиса интеллигенции в современной отечественной историографии.

В первую очередь, интерес исследователей был обращен на возникновение самого термина «интеллигенция». Одним из авторов термина, по его собственному признанию, считался П. Д. Боборыкин, который в статье 1904 году отметил, что в 1866 г. «пустил в обращение в русский литературный язык... слово интеллигенция, придав ему то значение, какое оно... приобрело только у немцев: интеллигенция, т. е. самый образованный, культурный и передовой слой общества» [3].

Другой точки зрения придерживался С. О. Шмидт, который считал, что В. А. Жуковский в 1836 г. впервые употребил термин интеллигенция в русскоязычном тексте и в понимании, близком к, ставшему позднее, признанным [11, с. 52].

Третья точка зрения была подробно изложена в 2020 г. в статье Ф. А. Гайда [5], в которой он рассматривает эволюцию термина во второй половине XIX века. По его мнению, термин «интеллигенция» для обозначения определенной социальной группы сформировался в 60-е гг. XIX столетия под польским влиянием. В конце 1860-х гг. новое понятие было принято на вооружение народническими публицистами, для которых имело значение внесловное понимание «интеллигенции». В 1870-е гг. появилось понятие «передовая интеллигенция». Эволюцию термина Ф. А. Гайда объясняет необходимостью сохранения позитивного смысла в условиях кризиса сословного строя и формирования общественности как самостоятельной политической силы [5, с. 242]. Польской версии происхождения термина «интеллигенция» также придерживались Б. М. Маркевич, Ю. С. Сорокин, Б. А. Успенский, Е. Едлицкий [5, с. 230].

Дискуссия по проблеме происхождения термина «интеллигенция» подтверждает важность исторического подхода. В разные периоды содержание термина менялось. Ф. А. Гайда, например, отмечал, что В. А. Жуковский и его современники вкладывали в это понятие значение «личность», «самопознание» [5, с. 233]. Только с 1860-х годов под интеллигенцией начали

понимать социальную группу. Причем типовой портрет интеллигенции также изменялся со временем.

Содержание понятия «интеллигенция» связано с генезисом самой интеллигенции.

Большой вклад в решение проблемы генезиса интеллигенции внес основатель школы интеллигентоведения В. С. Меметов. Еще в 1996 г. он указал на важность обращения к проблемам истоков интеллигенции [8, с. 4]. Если принимать во внимание занятие интеллектуальным трудом, то истоки интеллигенции нужно искать в Древней Руси и Московском царстве. Для обозначения этого «штучного произведения» окружающей его природы, общества и государства Валерий Сергеевич ввел понятие «прединтеллигенция».

Если понимать интеллигенцию как носителя западной интеллектуальной традиции, то тогда ее генезис относится к началу XVIII века — времени правления Петра I. Этой точки зрения придерживается, например, М. А. Дакоро. По ее мнению, «возникновение интеллигенции в России было связано не с внутренними процессами социальной дифференциации и усложнением культуры, но с реформаторской политикой российской власти» [7]. М. А. Дакоро считает, что интеллигенция появилась в результате преобразований Петра I, с появлением науки и системы образования. Она обратила внимание на слабое развитие интеллектуальной традиции в российском обществе, получение этой традиции как «готового продукта», что обусловило «вторичный характер деятельности российской интеллигенции, её зависимость от внешнего источника смыслов... С другой стороны, эта ситуация привела к появлению специфической функции российской интеллигенции — служить посредником между западной и российской культурами» [7].

Ряд авторов, принимая во внимание политологический подход в определении интеллигенции, отмечают ее оппозиционность власти. В таком понимании возникновение интеллигенции связывается с появлением оппозиции.

Некоторые исследователи точкой отсчета считают последнюю четверть XVIII века. Согласно данному подходу, интеллигенция в России появляется во время правления Екатерины II [6, с. 34]. А. В. Антюхина считает, что, «как неформальная духовная

общность, интеллигенция начинает формироваться уже в XVIII веке» [1, с. 95]. Академик Д. С. Лихачев первыми интеллигентами считал А. Н. Радищева, Н. И. Новикова.

Другие начинают отсчет оппозиции с правления Николая I. Так, Б. А. Успенский указывает, что «интеллигенция как специфическое социальное явление возникает именно как реакция на этот новый порядок... Русская интеллигенция — всегда оппозиционна, это та группа общества, которая в принципе, по самой своей природе, не может быть привлечена к участию в государственной деятельности, не может быть вовлечена в бюрократическую машину; строго говоря, интеллигент не может принадлежать к бюрократической администрации, он не может управлять, администрировать» [10, с. 12—13].

Большинство исследователей акцент делают на возникновении интеллигенции как массовой социальной группы во второй половине XIX века — во время правления Александра II. В. В. Блохин и Е. Н. Лобанова считают 1860—1870-е годы временем «появления самой интеллигенции, ее идейного становления, когда в полной мере проявилась почти религиозная вера в историческое творчество интеллигенции» [2, с. 24]. Появление интеллигенции на исторической сцене они объясняют процессом модернизации страны: «интеллигенция — явление маргинальное, ее генезис был обусловлен распадом традиционных социальных связей и групп... Социальная установка интеллигенции с момента ее появления, очевидно, имела оппозиционный характер» [2, с. 24].

Самой поздней по времени считается возникновение интеллигенции в период правления Николая II. И. В. Рудакова, например, считает, что традиционно причинами ее появления считают ряд причин: социокультурная ситуация того времени, влияние ницшеанской идеи сверхчеловека и философии марксизма» [9, с. 515].

Подводя итог анализу взглядов исследователей на проблему генезиса российской интеллигенции, следует согласиться с В. С. Меметовым, который считал, что отечественная интеллигенция «как живой общественный организм, прошла в своем развитии абсолютно все этапы, присущие человеческой цивилизации — от зарождения, формирования (общих и специфических

черт), развития их, к активной творческой деятельности» [8, с. 5]. В связи с этим можно рассматривать все предложенные выше точки зрения в рамках первых этапов периодизации развития интеллигенции, предложенной В. С. Меметовым и В. В. Возиловым еще в 1997 г. Они выделяли 5 этапов: 1 — период прединтеллигенции; 2 — период дворянской интеллигенции XVIII — первая треть XIX веков; 3 — период разночинской интеллигенции 40-х годов XIX — начала XX века; 4 — период советской интеллигенции; 5 — современный [4, с. 14]. На каждом этапе интеллигенция менялась и количественно, и качественно.

Библиографический список

1. *Антохина А. В.* Интеллигенция: социально-исторический портрет // Вестник экспертного совета. 2015. № 2. С. 92—97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-sotsialno-istoricheskiy-portret> (дата обращения: 10.05.2021).
2. *Блохин В. В., Лобанова Е. Н.* Дихотомия «народ — интеллигенция» в радикальной мысли России середины XIX — начала XX вв. (К проблеме истоков русской смуты начала XX в.) // Локус: люди, общество, культуры. Смыслы. 2017. № 1. С. 22—31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dihotomiya-narod-intelligentsiya-v-radikalnoy-mysli-rossii-serediny-xix-nachala-xx-vv-k-probleme-istokov-russkoy-smuty-nachala-hh-v> (дата обращения: 10.05.2021).
3. *Боборыкин П. Д.* Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 80—82.
4. *Возилов В. В., Меметов В. С.* Этапы развития российской интеллигенции и феномен нигилизма // Интеллигенция в России: традиции и новации: тез. докл. межгосудар. науч.-теорет. конф. Иваново, 25—27 сентября 1997 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 13—17.
5. *Гайда Ф. А.* «Русская интеллигенция»: рождение понятия // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. IV. № 2. С. 229—248.
6. *Гранин Д. А.* Интеллигенция и власть // Судьба российской интеллигенции. СПб.: ИГУП, 1996. С. 34—37.
7. *Дакоро М. А.* Проблема генезиса и специфики российской интеллигенции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. Вып. 2. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-genezisa-i-spetsifiki-rossiyskoy-intelligentsii> (дата обращения: 10.05.2021).
8. *Меметов В. С.* О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенция» // Интеллигенция. Провинция, Отечество: проблема истории, культуры, политики: тез. докл. межгосудар. науч.-теорет. конф. Иваново, 24—25 сентября 1996 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 4—7.
 9. *Рудакова И. В.* Советский тип интеллигенции как социальное целое // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 515—518. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-tip-intelligentsii-kak-sotsialnoe-tseloe> (дата обращения: 12.05.2021).
 10. *Успенский Б. А.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: материалы Междунар. конф., май 1997 г. / сост. Б. А. Успенский. М.: ОГИ., 1999. С. 3—14.
 11. *Шмидт С. О.* Этапы «биографии» слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: сб. / сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. СПб: ИГУП, 1996. С. 45—56.

УДК 008

В. А. Порозов

доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В последнее время цифровизация выступает в качестве одной из главных черт глобализационного процесса. Её сущность, мера и перспективы воздействия на этот процесс являются предметом острых дискуссий. Интеллигенция находится в центре не только этих дискуссий, но и самого процесса цифровизации.

Ключевые слова: интеллигенция, цифровизация, глобализация, интернет, система образования, социум.

V. A. Porozov

Associate Professor, Perm State Humanitarian
Pedagogical University (Perm)

DIGITALIZATION AND INTELLIGENTSIA

Recently, digitalization has emerged as one of the essential features of the globalization process. Its essence, measure, and prospects for influencing this process are the subject of heated discussions. The intelligentsia is at the center not only of these discussions, but also of the process of digitalization itself.

Key words: intelligentsia, digitalization, globalization, internet, education system, society.

В последнее время о цифровизации мы слышим и говорим едва ли не чаще и не больше, чем о глобализации. Очевидно, что эти явления взаимосвязаны и цифровизация, наряду со средствами коммуникации, выступает в качестве одной из существенных черт глобализационного процесса. Между тем теоретическое осмысление явления явно отстает от темпов внедрения и распространения того, что, пожалуй, и определить-то четко пока не получается. Прежде всего, цифровизация — это, в первую очередь, концепция экономической деятельности, качественно отличающаяся от фактически триумфально шествующей по миру оцифровки. Однако ее достижения в сфере экономики пока скромны и сложно фиксируемы, тогда как в сфере образования цифровизация продавливается буквально «по головам».

На это справедливо обращает внимание директор Центра геополитики Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ Ольга Четверикова: «...По сути дела, мы... реально присутствуем при какой-то зачистке... Вы посмотрите с какой ненавистью цифровики говорят о книгах, с какой радостью они говорят о том, что тексты будут уничтожены...»; «Покажите, где у нас современное производство, которое использует роботов? Что компьютеризировано в тяжёлом производстве?.. Но зато они лезут в мозги нашим детям, лезут в организм. Ломают всё... Пытаются заменить машиной всех и вся: учителей, продавцов, юристов» [2]. Вряд ли это только внутрироссийская ситуация. «Вот и в Японии роботы танцуют, играют на скрипке и болтают

без умолку, а японские люди в это время бегают вокруг атомной станции и вручную пытаются залить ее водой...», — замечает в комментарии на публикацию блогер Мария Иванова [2, комментарии]. Актуальность проблемы за две недели подтвердили 200 тыс. читателей репортажа об интервью О. Н. Четвериковой (80 % открывших публикацию), 15 тыс. из них отметили материал как понравившийся и 1,5 тыс. высказываний зафиксировано в обмене мнениями.

С другой стороны, не следует считать усиление глобализационных процессов обязательным следствием информатизации. Не далее как в январе сего года мир вновь заставил задуматься «австралийский инцидент», когда интересы государства пришли в противостояние с международными информационными гигантами. Видный австралийский специалист по деятельности крупных технологических компаний Крис Купер на соответствующем уровне нынешней дипломатии языке прямо заявил: «Нынешние вопиющие угрозы показывают, что Google обладает телом чудовища и разумом негодяя». А первый зампред комиссии Общественной палаты России по развитию информационного общества Александр Малькевич прокомментировал события так: «Ситуация, при которой наднациональные IT-корпорации напрямую и открыто шантажируют целое государство, причем немаленькое, и выдвигают условия, просто дикая. Это страшный сон и самая невозможная антиутопия» [8]. Что уж говорить о Twitter, практически объявившей войну половине населения США [6]!

Однако из противостояния государственных органов внешнему диктату можно сделать и далеко идущие, весьма оптимистичные для интеллигенции выводы. По мнению директора Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) Сергея Плуготаренко, скандал в Австралии показал, что власти отдельных стран наконец-то начинают ставить под контроль «наднациональные» методики международных корпораций: «Мир переходит в некую новую реальность, где цифровая экономика становится все менее глобальной. Причем происходит это начинает теперь даже в англоязычных странах». Российские интеллектуалы всерьез планируют лишить западные корпорации монополии на российском рынке, уже имея и определенные наработки, и своих IT-лидеров, и конкретные планы действий.

Так, директор одной из компаний Игорь Ашманов надеется даже на помощь иностранных инвесторов: «Если США и дальше продолжат свой идиотизм с насаждением цензуры в Google и Facebook, они нам в этом только помогут» [8].

На состоявшейся в Ивановском университете в декабре 2020 г. конференции по проблемам информатизации, цифровизации и гуманизации Р. Тьяги (Индия, Дехрадун) в совместном выступлении с А. С. Тимощуком (Россия, Владимир) сформулировала точку зрения, согласно которой «идея создания единой уникальной учебно-информационной интерактивной среды, способной постоянно обновляться и настраиваться под определенные нужды образовательного процесса вуза, является очередной технократической утопией, равно как и попытки контроля всего образовательного процесса. Для устойчивости системы необходимо множество саморазвивающихся локальных подсистем, которые по факту подменяет преподаватель, будучи лектором, программистом, администратором защиты, тестирующим, персоналом техподдержки, решая неспецифические технические задачи» [5, с. 147].

Тем более, за пределы виртуального мира выходят моральные проблемы, которым цифровизация дает основание появиться и которые обуславливают индивидов в их повседневной реальности. Это относится и к интеллигенции, и к перспективам ее существования. «Люди умственного труда» становятся придатком цифровых систем. Эти процессы уже несколько лет отслеживает видный представитель ивановской интеллигентоведческой школы И. В. Сибиряков. Еще в 2013 г., анализируя интернет-сайт «Intelligentia.ru», он отмечал, что в информационной среде «традиция формирования устойчивого интеллектуально-нравственного дискурса почти утрачена» [4, с. 96].

Однако владельцев современных информационных систем моральные проблемы волнуют мало. А что ж вы хотите? Бизнес! — объяснял наш Президент ситуацию на встрече с учителями [3]. Зато политические интересы не только не забываются, они сплошь и рядом превалируют в самой организации подачи материала. Заместитель председателя Совбеза Дмитрий Медведев привел пример, когда при регистрации в качестве специалиста номер один по проблемам культуры (музеи, театры, искусство)

Twitter рекомендует россиянам находящегося под судом за финансовые махинации политического оппозиционера Алексея Навального [3]. Заметим, что в данном случае личные качества известного блогера и его способность отвечать за интересующую пользователей интернета сферу жизнедеятельности уже не имеют значения. За этим именем уже символ, всеобъемлющий сайт, который ответит пользователю на все вопросы.

При всём том В. В. Путин подчеркнул, что государство видит проблему: «Современные информационные платформы начинают все больше и больше управлять сознанием. Изучают своего клиента и подбрасывают ему то, что они считают нужным. И тот начинает принимать решения, даже не осознавая того, что им руководят» [3]. Президент добавил, что власти должны как-то реагировать на ситуацию, не ограничивая при этом свободу выбора людей. Для начала планируется создание в стране представительств зарубежных ИТ-компаний, ужесточение контроля за достоверностью информации, уплатой налогов и т. д. Но ясно, что открытого противостояния всемогуществу информационных систем государство побаивается и никогда на это не пойдет.

Итак, учитель устраняется из учебного процесса, личность блогера из информационного пространства, личность пользователя из сферы выбора и предпочтений. Идеал цифровизации — передача этих функций самой цифровой системе. Базовые характеристики, составляющие гордость российской интеллигенции, перестают работать, а функция выразителя интересов народа трансформируется в управление послушной заграничному «твиттеру» человеческой массой. Реализуется самый мрачный из обсуждаемых сценариев будущего социума, в котором гуманистические идеалы и подлинная свобода личности приносятся в жертву всемогущей и анонимной Цифре.

Однако, выпущенный джинн пока ещё, в общем и целом, послушен его создателю и формируется под его контролем и воздействием. Именно на этом, определяющем будущее человечества этапе решается элементарный вопрос: будет ли в цифровых системах поставлен фильтр для порноинформации, призывам к насилию и политическому вмешательству в дела другой страны? Тогда это будет один путь развития. Если все эти мерзости с экранов компьютеров будут развиваться, совершенствоваться,

определять производственный процесс и воспитание человека, да ещё и по своим собственным законам — путь другой. Технически такой фильтр еще можно организовать. Но близка та грань, точка бифуркации, за которыми возврата к прошлому уже не будет. Сможет ли человечество передать этому самоценному, самоуправляемому цифровому монстру максимально возможный набор своих человеческих черт? Пока речь в процессе цифровизации идет лишь об интеллекте. Но интеллект без нравственного начала, как показывает исторический опыт, вполне уживается с геноцидом, камерами пыток, трагедиями Освенцима и Хиросимы.

Оптимизм многих политиков и интеллектуалов зачастую зиждется на здравомыслии человека. «Сегодня глобальный информационный рынок открыт, — пишет В. А. Никонов, — И уже на Западе начинают запрещать, например, российских СМИ, как RT или «Спутник», тогда как в России свобода СМИ полная. Только российских телеканалов 20 тысяч, из них 60 % — частные, и 2000 зарубежных телеканалов в кабельных сетях. И люди могут сравнивать» [1, с. 418]. Но вопрос в том, успеют ли они провести это сравнение, как говорят на Руси, «в здравом уме и твердой памяти». Ведь вещание всех этих телеканалов, спаянных рекламой, организовано по единой кальке и никакого выбора человеку, кроме элементарного политического (будем считать, что он есть), по сути, не оставляет. Да уже и не смотрит их молодежь. А ситуация в Интернете еще сложнее.

«Мир перестраивается быстрее, чем когда-либо, и мы тонем в океане данных, идей, предсказаний и угроз, — справедливо отмечает Ю. Н. Харари, — Люди уступают права свободному рынку, коллективному разуму и внешним алгоритмам, в частности, потому, что не в состоянии совладать с информационным наводнением» [7, с. 463]. Для того, чтобы даже лучшие школьники и студенты ничего не знали о превалирующей роли базиса над надстроечными явлениями, сегодня не нужно доказывать несостоятельность этой теории: достаточно просто пореже упоминать о ней в интернете.

Роль интеллигенции не уменьшается, она в очередной раз возрастает. Задача состоит в том, чтобы лучшие черты интеллигенции и интеллигентности передать процессу цифровизации.

Библиографический список

1. *Никонов В. А.* Код цивилизации. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русское слово, 2020. 471 [1] с.
2. О. Четверикова о цифровизации в России: Мы реально присутствуем при какой-то зачистке. URL: https://zen.yandex.ru/media/human_resources_inform/ochetverikova-o-cifrovizacii-v-rossii-my-realno-prisutstvuem-pri-kakoito-zachistke-6076f4f6b98df9344ec87598 (дата обращения: 15.04.2021).
3. Путин обвинил интернет-платформы в управлении сознанием пользователей. URL: https://www.rbc.ru/society/02/02/2021/6019599d9a79472d63ad9f5e?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1612334294000 (дата обращения: 15.04.2021).
4. *Сибиряков И. В.* Феномен «intelligentia.ru» // Интеллигенция и мир. 2013. № 4. С. 89—96.
5. *Смирнов Д. Г.* Всероссийская научная конференция с международным участием «Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация», Иваново, 11—12 декабря 2020 г. // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 140—154.
6. Сын Трампа назвал «смертью свободы слова» постоянный бан отца в Twitter. URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/45585792-syn-trampa-nazval-smertyu-svobody-slova-postoyanny-ban-otsta-v-twitter/> (дата обращения: 24.01.2021).
7. *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. 494 [2] с.
8. Чем грозят России «вопиющие угрозы» Google // Взгляд. Деловая газета. 24 янв. 2021. URL: https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/politics/2021/1/24/1081440.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1611502529000 (дата обращения: 24.01.2021).

Е. М. Раскатова

профессор, Ивановский государственный
химико-технологический университет (Иваново)

КУХНЯ КАК КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОСТСТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Доклад посвящен анализу такого историко-культурного феномена как «кухня в отдельной квартире» («хрущевке», «брежневке» и др.), в пространстве которой рождались новые практики повседневной культуры. Анализ документов, преимущественно личного происхождения, позволил автору показать трансформацию и нарастающую подконтрольность творческих, поведенческих и других практик художественной интеллигенции.

Ключевые слова: «хрущевка», новая повседневность, художественная интеллигенция, неофициальное искусство, квартирник, оперативная информация.

E. M. Raskatova

Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology (Ivanovo)

KITCHEN AS A CULTURAL SPACE IN THE POST-STALIN ERA

The report is devoted to the analysis of such a historical and cultural phenomenon as «a kitchen in a separate apartment» («khrushchevka», «brezhnevka», etc.), where new practices of everyday culture were born. The analysis of documents, mainly of personal origin, allowed the author to show the transformation and increasingly controlled status of the creative, behavioral and other practices of the artistic intelligentsia.

Key words: «khrushchevka», new everyday life, artistic intelligentsia, unofficial art, a house concert, latest information.

«Я бы в герб русской интеллигенции ... обязательно вставил вид кухни — тесной, еще без холодильников и моечных машин, с нехитрой мебелишкой — и стол! А вокруг — дым табачный, разговор до хрипоты», — писал А. Р. Брусиловский [2, с. 194].

Кухня в отдельной квартире выполняла функции «третьего места» — пространства объединяющего интеллигенцию отношением к жизни, политике, искусству. Рождение новых культурных практик было связано с изменившейся атмосферой в стране, рожденной оттепельными процессами. «Российское общество стало оттаивать в знаменитой «оттепели» — утверждает А. Р. Брусиловский, — люди постепенно стали приобретать личные, персональные черты». Для него самое важное в новой культурной ситуации связано с появившейся возможностью свободного самовыражения, проявления индивидуальности [2, с. 206]. В. П. Аксенов отмечает появление новых практик повседневной культуры (досуговых, художественных, бытовых и др.) и утверждает, что это было время, когда вдруг Россия стала вспоминать о какой-то более-менее нормальной, человеческой жизни [1, с. 163]. Значительная часть этой новой жизни была связана с пространством *кухни* в отдельной квартире: выделенной государством или построенной на собственные сбережения (кооперативной). Историк советской повседневности Н. Б. Лебина именно с этим видом жилья связывает возникновение культурного феномена «кухня», ссылаясь на «судьбоносное» решение власти «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31 июля 1957 года. Государственная программа решения жилищного вопроса объективно способствовала возникновению частного пространства, а значит и новых форм частной жизни. «Современники хрущевских реформ в маленьких, но индивидуальных кухнях, на 5 квадратных метрах между холодильником и обеденным столом размером 60 на 70 сантиметров, сидя на тонконогих табуретках, могли, не опасаясь доносов, поговорить о политике, послушать «вражеские голоса» по «транзистору», попеть под гитару песни Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого». Именно индивидуализация жилого пространства способствовала формированию менее контролируемого со стороны государства стиля жизни» [3, с. 399—400].

«Кухня 1960-х — 1970-х гг.» — знаковая зона свободы в несвободной стране — воспринималась как пространство творчества, сотворчества, обсуждения художественных проблем. И. П. Уварова вспоминает кухню в Первушково, на которой Булат Окуджава впервые читал главы из своего романа «Свидание

с Бонапартом». «Сейчас, перечитывая роман... снова вижу перед собой обжитую нами первушковскую кухню, древнюю клеенку на круглом столе, отмытую содой, протертую специальной тряпкой, покрытую салфеткой ... Роман родился на наших глазах...» [8, с. 69].

Кухня была и местом обсуждения современного искусства, так как отдельная квартира все чаще становилась пространством представления художественного творчества. П. Тартаковский вспоминал квартиру А. Глезера в Москве, на Преображенке: «Сашина квартира... Несмотря на почти полное отсутствие того, что именуется мебелью ... и на стене, и на полу, на многочисленных панелях... картины, акварели, рисунки, чеканка. Немыслимо ярко-красный Целков, страшно-голубоватый Свешников, неожиданно в бубновых и червовых пятнах Немухин, черно-грязно-мрачный, убивающий тяжелой иронией Рабин ... ошеломляющий разноцветьем Зверев мир [7, с. 35—36]. Выставки знакомили с творчеством художников-авангардистов, собирали знатоков и любителей, отечественных и иностранных коллекционеров.

Именно в пространстве собственной отдельной квартиры советский человек мог позволить себе определенную свободу поведения — он осваивал новые виды досуга, «примерял» западный образ жизни. В. Аксенов объясняет, почему молодые поэты и писатели так полюбили роман Э. Хемингуэя «Фиеста»: образ жизни, который там описывается, просто покорила нас, и мы старались поддерживать дух этой фиесты, дух сумасбродства, брожения по жизни» [1, с. 163—164].

Занятие творчеством было не единственным признаком общества. Особенно ценилось чувство юмора. С. Юрский подчеркивает, что всякое важничанье, обида на шутку, отсутствие самоиронии были губительны. Этим интеллектуалы и артисты отгораживали себя от власти, которая в XX веке была слишком серьезной и шуток с собой совершенно не терпела» [9, с. 334—335]. Юмор был в этой среде нередко опасным. Так, в 1970 г. смеялись над пародией на роман Кочетова «Чего же ты хочешь?», текст которой «Чего же он хочет?» (Комикс) был предоставлен руководством КГБ В ЦК КПСС 1 апреля 1970 года [5], информаторы называли предполагаемого автора — З. Паперного. Именно в этом тексте присутствует злая ирония по поводу сменившегося

на рубеже 1960—1970 гг. государственного курса. Смех интеллигенции и на кухне становился грустным и тревожным.

Дух свободы наполнял частное пространство, позволял на время забыть о внешней опасности и приглашать иностранцев домой. Именно на кухне в московской квартире Уваровой-Даниэля встречались, разговаривали, спорили известные иностранцы и москвичи. «...Сегодня вечером мы ждем гостя — и какого! Мы ждем Степана Татищева, нашего друга, чудесного человека...». Но уже установлена слежка за квартирой, уже прозвучали дикие угрозы физической расправы («ноги переломаем») спецслужб в случае несоблюдения времени визита к опальному Даниэлю... Но пока «в комнате шел пир горой», на кухне Ирина Павловна вела переговоры о спасении гостя и создании с друзьями «ситуации дипнеприкосновенности», в результате чего Татищев благополучно уехал [4, с. 123—126].

Кухня — место рождения интеллектуального сообщества духовно близких людей «своего круга», например, круга Биргера на его картине «Красные фужеры». Внутри этого круга человек ощущал себя почти свободным, разговаривал на опасные темы, спорил, порой кричал, доказывая свою правоту. Н. Н. Садамская в интервью автору рассказывала, как на 5-метровую кухню набивалось порой до 20—25 человек. Это была кухня позднего советского времени, в ее пространстве не только читали самиздат, тамиздат и т. п. «На политические темы мы орали как сумасшедшие. У нас установка была на гласность ... мы не боялись... Кто боялся засветиться, те от нас уходили». Именно частное пространство становилось местом выражения общественного мнения — здесь сочинялись и подписывались «письма во власть». Одна из болезненных «кухонных» тем — тема эмиграции. «Много лет назад гремели яростные споры, вопрос «ехать — не ехать» на московских кухнях приобретал характер митингов — Гайд-парк, а не кухня!» [8, с. 177].

В позднюю советскую эпоху жестче и очевиднее становился государственный контроль за времяпровождением художественной интеллигенции в ее частном жилище, что подтверждают данные, полученные «путем оперативного наблюдения». Крайне неприятно читать сообщения о разговорах «на кухне» — этом последнем оазисе свободы интеллигенции в поздний советский

период. Одна из справок, направленная в ЦК КПСС заместителем председателя КГБ С. Цвигуном, так и называлась: «О поведении Е. Евтушенко в гостях у Р. Рождественского» (26 июля 1968 года). Руководитель сообщал «в порядке информации» не только дословно заявления Е. Евтушенко о «необходимости свергнуть существующую власть», но и о реакции присутствовавших гостей В. Аксенова, В. Ежова и других. Интересно, что предоставление сведений, полученных таким сомнительным путем, С. Цвигун объяснял возможной, но нежелательной их международной оглаской, так как во время встречи в квартире находилась М. Влади, т. е. иностранка [6].

Власть доказывала свое право на тотальный контроль жизни художника. «Свои» и «чужие» бывали на одной «кухне». Ощущения находящегося «под наблюдением» в самых нестандартных ситуациях частного пространства тонко и точно передает А. Найман: «Ты, девятнадцатилетний, мотался с дурачки сиявшими глазами, посещал, говорил, читал стихи, все это безоглядно и полнокровно, сколько бы кто за тобой ни подсматривал и ни записывал. Что подсматривают, сидело где-то в сознании, как множество других бесполезных сведений вроде того, что ты стареешь и умираешь, — но ты этого не знал. Ты думал, что жизнь перетекает из сердца в сердце и надо только следить, чтобы струя была как можно более подлинной, чистой, а её, окazujeается, отводили, пропускали через картонную папку с твоим именем» [4, с. 224].

Таким образом, анализ источников показал широкий спектр культурных практик в пространстве кухни и их трансформацию: от культурных событий, рожденных оттепельной атмосферой («квартирники») к практикам оппозиционной, а потом и сопротивляющейся культуры (самиздат, тамиздат; дискуссии по политическим вопросам, создание и сбор подписей «пишем во власть и др.); «кухня» проявила разнообразные модели поведения художественной интеллигенции (поиск и свободное общение внутри «своего круга», демонстративный эпатаж по отношению к абстрактному обывателю, поздний эскапизм и др.). В то же время кухня в отдельной квартире так и не стала пространством абсолютной свободы от власти, оставаясь в значительной степени зоной контроля ее спецслужб за состоянием умов интеллигенции.

Библиографический список

1. *Аксенов В. П.* Лекции по русской литературе. Москва: Эксмо, 2019.
2. *Брусиловский А. Р.* Студия. СПб.; М.: Летний сад, 2001.
3. *Лебина Н. Б.* Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917—1991. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
4. *Найман А. Г.* Славный конец бесславных поколений: Роман. М.: Эксмо, 2003.
5. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 37. Д. 22. Л. 2—6.
6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5 Отдела культуры ЦК КПСС. Оп. 60. Д. 61. Л. 115.
7. *Тартаковский П.* Воспоминания // История счастливого человека Жизнеописание Александра Глезера / сост. Е. Рейн. Москва: Московский рабочий, 1994.
8. *Уварова И. П.* Даниэль и все, все, все. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014.
9. *Юрский С.* Игра в жизнь. М.: Вагриус, 2002.

УДК 908

А. М. Семененко

доцент, Государственный архив Ивановской области (Иваново)

«КРАСНОЕ» ИЛИ «БЕЛОЕ» В ПРОШЛОМ, В НАСТОЯЩЕМ И В БУДУЩЕМ ГОРОДА ИВАНОВО

В статье сделана попытка рассмотрения истории города Иваново в историко-культурном контексте цветовых символов — «белого» и «красного», каждый из которых имеет свою коннотацию. Белый цвет — чистоты и приверженности традиции. Красный — революции. Автор делает вывод о превалировании внимания к «красному», что приводит к диссонансу в триаде село Иваново — город Иваново-Вознесенск — город Иваново.

Ключевые слова: Иваново, Иваново-Вознесенск, «красное», «белое», история, революция, Гражданская война, интеллигенция.

A. M. Semenenko

Associate Professor, State Archives of the Ivanovo Region (Ivanovo)

«RED» OR «WHITE» IN THE PAST, PRESENT AND FUTURE OF THE CITY OF IVANOVO

The article makes an attempt to consider the history of the city of Ivanovo in the historical and cultural context of color symbols — «white» and «red», each of which has its own connotation. White — purity and adherence to tradition. Red is revolution. The author concludes that attention to «red» prevails, which leads to dissonance in the triad of the village of Ivanovo — the city of Ivanovo-Voznesensk — the city of Ivanovo.

Key words: Ivanovo, Ivanovo-Voznesensk, «red», «white», history, revolution, Civil war, intelligentsia.

В этом году городу Иваново исполнилось 150 лет. 2 августа (21 июля) 1871 года император Александр II утвердил принятое Комитетом министров переименование села Иваново и Вознесенского посада Владимирской губернии в безуездный город Иваново-Вознесенск. 27 декабря 1932 года Постановлением ЦИК СССР он был переименован в город Иваново.

Спустя какое-то время эти два наименования одного и тоже населенного пункта стали предметом общественного внимания, в котором активную роль играет еще со времен перестройки интеллигенция города.

На первый взгляд, тема настоящей публикации носит некий абстрактный характер, не имеющей практического наполнения. Но, если взглянуть пристальней в историю, то окажется, что цветовая гамма то и дело возникающих дискуссий имеет под собой реальную основу. Ведь тогда те же споры — «*Иваново-Вознесенск*» или «*Иваново*» увидятся с иных позиций. Имеющееся в этом противопоставлении определенное несовпадение, которое тяжело материализовать и даже сформулировать, по-прежнему продолжает жить и воспроизводиться.

Как известно, определяющими цветами российской революции, да, видимо, и всей истории XX века были красный и белый цвета. «Красные» — это общее наименование социалистов, коммунистов и т. п. из-за использовавшегося ими в качестве символа революционной борьбы пролетариата красного флага. Про-

исхождение термина «белые» связано с уже традиционным использованием к началу XX века красного и белого цветов в политических целях. Так, уже во времена Великой французской революции конца XVIII столетия монархисты (то есть противники революционных изменений) использовали королевский цвет французской династии — белый — для выражения своих политических взглядов.

История гражданской войны в России в 1918—1920 гг. — это борьба «*красных*» и «*белых*». Кому с этим сюжетом хочется познакомиться в развернутом виде, то могут обратиться к статье Давида Марковича Фельдмана «Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте» (журнал «Вопросы литературы». 2006. № 4. С. 5—25).

Образованная 103 года назад Иваново-Вознесенская губерния возникла в ходе революционных событий. И потому она сразу стала «*Красной губернией*». А столица региона — Иваново-Вознесенск, бывший «*Русским Манчестером*» становится «*Красным Манчестером*». То есть, Иваново-Вознесенск как родина Первого Совета, став еще и «*Красным Манчестером*» и центром «*Красной губернии*» однозначно становится «*красным*» городом. Скажем, древний Ярославль, в котором в июле 1918 года случился антисоветский, левоэсеровский мятеж, в советской историографии негласно стал «*белым*». И хотя город был и древнее, и мощнее, но всё же, не стал центром крупного территориального образования в 1929 году в том числе, и по причине своей условной «*белизны*». А «*красный*» Иваново-Вознесенск стал столицей ИПО. В состав Ивановской Промышленной области вошли бывшие губернии — Иваново Вознесенская, Владимирская, Ярославская и Костромская. А в 1936 году, т. е. 85 лет назад, область стала называться просто Ивановской.

Как уже сообщалось в начале публикации, 27 декабря 1932 года Иваново-Вознесенск был переименован в Иваново. Вопрос был поднят депутатами горсовета, затем их поддержали президиум облисполкома и ВЦИК, а окончательную точку в этом вопросе поставил Президиум ЦИК Союза ССР. При этом мнение жителей в расчет взято не было.

По вопросу переименования в краеведении развернулись споры, так как по мнению одних исследователей была отброшена

вторая часть названия города «Вознесенск», носившего, по мнению властей, религиозный оттенок. Однако, по версии отдельных исследователей, это не так, ибо в документах, посвященных изменению названия города, подобные обоснования отсутствуют. На наш взгляд, к 1932 году по всей стране, а в Иваново-Вознесенске особенно, развернулась масштабная кампания по дискредитации религии и разрушению архитектурных объектов культового назначения, а потому не было необходимости обосновывать то, что и так подразумевалось. Именно в 1920—1930-е годы немало ценного из архитектурного наследия старого Иваново-Вознесенска было уничтожено.

Идеологическим обоснованием переименования служит статья в газете «Рабочий край» от 10 февраля 1929 года, известного краеведа, юриста, бывшего гласного Иваново-Вознесенской городской думы, бывшего члена кадетской партии, бывшего заведующего губернским архивом Ивана Ивановича Власова (1880—1943) «*Иваново или Иваново-Вознесенск?*». Он писал: «*Не без основания уже с первых лет революции раздавались голоса, что имя «Иваново-Вознесенск» должно быть изменено: во второй половине его содержится не удовлетворяющий современного сознания церковный привкус*».

Видимо, после переименования Иваново-Вознесенска в Иваново и начинается разворот и возникает цветовое смещение — Иваново становится как бы «красным», а Иваново-Вознесенск — условно «белым». Но старые местные большевики глухо роптали — и Совет, и создание губернии, и победа Октябрьской революции происходили всё-таки в Иваново-Вознесенске, а не в Иванове. Именно, Иваново-Вознесенск — родина Первого Совета, столица Красной губернии и Красного Манчестера.... Их не хотели слышать.

И вот эта дихотомия — Иваново-Вознесенск или Иваново дошла до наших дней. 30 августа 1977 года на фронте здания Дома Советов (пл. Революции, д. 2/1), в первый день VIII Всесоюзного слета победителей похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, открывается панно с барельефом основателя Советского государства В. И. Ульянова-Ленина и его фразой: «...*Пролетариат московский, питерский и иваново-*

вознесенский... доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции». Установка монументального панно с изречением вождя мирового пролетариата подчеркивала большое значение революционного движения в Иваново-Вознесенске в истории России. И при этом Иваново-Вознесенск не совсем перетекал в Иваново, выглядевшая на бумаге гладкой, преемственность на чем-то спотыкалась. Сам путь населенного центра: село Иваново — город Иваново-Вознесенск, казавшийся понятным при таком раскладе, начинал диссонировать в триаде: село Иваново — город Иваново-Вознесенск — город Иваново. Видимо, проблема, в том, что город получил названия села и тем самым как бы возникал эффект обратного движения — не вперед по причине создания города, а назад к сельской жизни... Возможно, я не прав. Ну, соответственно, происходит цветовой сбой, о чем сообщалось выше.

Цвет на самом деле никуда не делся. Выход книги «Город красной зари. ИВАНОВО. НЕканонический путеводитель» культуролога Михаила Юрьевича Тимофеева только подтверждает это. Упор делается на условно «красной» истории города, а условно «белая» подается как преддверие «красной». Вопросы соотношения преемственности «красного» с «белым» выведены за пределы осмысления.

Еще раз повторюсь, целью настоящей публикации не являются призывы к каким-то немедленным топонимическим действиям, а показать то драматическое напряжение, которое имеется в нашей общей иваново-иваново-вознесенской истории и которое каждый раз обещает новые и новые споры.

Библиографический список

1. *Фельдман Д. М.* Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 5—25.
2. *Власов И. И.* Иваново или Иваново-Вознесенск? // Рабочий край. 1929. 10 февр.
3. *Тимофеев М. Ю.* «Город красной зари. ИВАНОВО. НЕканонический путеводитель». Иваново, 2017.

И. В. Сибиряков

профессор, Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)

ФЕНОМЕН «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ» ГЛАЗАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКА *

В статье предпринята попытка выявить специфику восприятия проблем «интеллектуальной миграции» со стороны профессиональных историков, изучающих историю отечественной интеллигенции. Выделены три основные волны интеллектуальной миграции, которые имели место быть в XX веке на территории России. Сделано предположение о существенном изменении форм и направлений интеллектуальной миграции в условиях информационной революции.

Ключевые слова: интеллектуальная миграция, интеллигенция, миграционная волна специфика исторических исследований.

I. V. Sibiryakov

Professor, South Ural State University (Chelyabinsk)

THE PHENOMENON OF «INTELLECTUAL MIGRATION» IN THE EYES OF A PROFESSIONAL HISTORIAN

The article attempts to reveal the specifics of the perception of the problems of «intellectual migration» by professional historians who study the history of the Russian intelligentsia. Three main waves of intellectual migration that took place in the 20th century in the territory of Russia are identified. An assumption is made about a significant change in the forms and directions of intellectual migration in the context of the information revolution.

Key words: intellectual migration, intelligentsia, migration wave, specificity of historical research.

© Сибиряков И. В., 2021

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021 «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)».*

Понятие «интеллектуальная миграция» появилось в научном дискурсе сравнительно недавно [1, с. 106]. Первоначально оно активно использовалось социологами, демографами, политологами для обозначения процессов трансграничного перемещения социально значимых групп населения, занятых интеллектуальным трудом. Однако в последние годы термин «интеллектуальная миграция» стал все более активно использоваться уже историками при изучении миграционных процессов, в которых участвовали представители отечественной интеллигенции. Первые же попытки применения данного понятия в рамках исторических исследований показали, что профессиональные историки и профессиональные социологи (демографы, экономисты) по-разному воспринимают многие сюжеты, связанные с «интеллектуальной миграцией» [2]. В условиях стремительного и неизбежного нарастания количества междисциплинарных исследований гуманитарного профиля возникает необходимость сопоставления подходов к этому явлению, у которого с нашей точки зрения, есть большое «историческое будущее» [3].

Примечательно, что в отличие от социологов или демографов, историки готовы использовать понятие «интеллектуальная миграция» даже в том случае, когда речь идет о перемещении по территории одной страны или нескольких стран очень небольшой (с точки зрения численного состава) группы людей.

Очевидно, что для историков роль такой группы в культурной, научной, а иногда и политической жизни страны определяется не столько количеством этих людей, сколько силой их воздействия на многие важные процессы в жизни государства и общества.

Механизм такого воздействия на разных этапах развития человечества может быть различным по форме, но чаще всего остается неизменным по содержанию. Одной из главных особенностей интеллигенции, как самостоятельной социальной группы, с момента ее возникновения, остается способность к интеллектуальному анализу широкого круга проблем в самых разных сферах жизни. Такой анализ часто приводит к выявлению объективных и субъективных противоречий и конфликтов, лежащих в основе самых разных процессов, и ускоряет поиск путей их разрешения. С этой точки зрения, навыки, которые формируются при анализе

даже естественнонаучных проблем, носят универсальный характер и могут быть применены (при соответствующей корреляции) при анализе проблем социальных. Значительная часть населения страны навыками научного анализа не обладает, что ставит интеллигенцию (по мнению многих представителей самой интеллигенции) в особое, почти привилегированное положение носителей «истинного», научного знания.

Это убеждение составляет основу того «первоначального капитала», которым представители интеллигенции могут воспользоваться, определяя свое место в том или ином локальном социуме. Если это убеждение удастся подкрепить реальными общественно признанными результатами, то статус представителя интеллигенции в этом социуме заметно возрастает.

В отличие от социологов или демографов историки уделяют особое внимание более широкой совокупности факторов, определяющих причины и направления «интеллектуальной миграции», вводя в качестве обязательной составляющей этой совокупности, понятия «исторические традиции» и «исторический контекст». Оба эти понятия предполагают детальный анализ не только тех условий, в которых начинается и проходит процесс «интеллектуальной миграции», но и предшествующего, а иногда и последующего периода истории. Такой анализ позволяет выявить более сложную природу многих миграционных процессов. Особенно, когда речь идет о представителях интеллектуальной элиты, многие из которых принимают решение о миграции с учетом такого явления как «историческая память». Для исследования феномена «интеллектуальной миграции» с исторической точки зрения очень важно понимать, какие сюжеты и в какой интерпретации в этой памяти закреплены, как на уровне социума, так и на индивидуальном уровне. Для этого историкам необходимо работать с очень специфическими видами исторических источников (в первую очередь с т. н. эго-документами), чья научная ценность, с точки зрения экономистов или демографов выглядит порой сомнительной.

В отличие от социологов или демографов историки оценивают такое явление как «интеллектуальная миграция» не столько с точки зрения его кратковременных тактических результатов и последствий, сколько с точки зрения стратегических долговре-

менных итогов, совершенно по-другому воспринимая саму категория «время». Применительно к «короткому» XX веку, который один авторов данного термина Э. Хобсбаум, определял границами 1914—1991 гг., историки выделяют несколько волн интеллектуальной миграции, различных по своей направленности и интенсивности. Если воспринимать понятие «интеллектуальная миграция» в его «первозданном» социологическом значении то, первой волной трансграничной миграции интеллектуалов, стали перемещения, связанные с первой мировой войной. Стремление покинуть районы непосредственных боевых действий и регионы, наиболее пострадавшие от войны, было важной частью стратегии выживания для самых разных групп интеллигенции. Основной поток интеллектуальных мигрантов оказался направлен на территорию США, но при этом потери, понесенные европейским научным сообществом, частично удалось восстановить за счет интеллектуальной миграции из России. Примечательно, что в процессе подготовки ко второй мировой войне многие страны столкнулись с необходимостью не только наращивать военное производство, но и решать большое количество серьезных научных проблем прямо или косвенно связанных с этим производством. И эта потребность привела к активизации научных контактов, подготовивших почву для второй волны интеллектуальной миграции тоже связанной теперь уже со второй мировой войной. Однако в этом процессе отечественные ученые уже практически не участвовали. Одним из немногих каналов интеллектуальной миграции из СССР в этот период был выезд на постоянное место жительства в Израиль, но в полной мере для ученых он так и не сработал. После распада СССР и т. н. мировой системы социализма, миграционные потоки возобновились с новой силой, существенно повлияв на развитие отечественной науки и образования [5].

Если же рассматривать термин «интеллектуальная миграция» с точки зрения перемещения представителей интеллигенции в масштабах одной страны, то по мнению целого ряда профессиональных историков, ситуация выглядит в XX веке применительно к России несколько иначе.

Возможно, первые социально значимые перемещения представителей российской интеллигенции в начале XX века связаны с построением Транссибирской магистрали и новым по сути

индустриальным освоением огромных восточных территорий страны. В процессе этого освоения на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток отправлялись тысячи молодых людей, получивших высшее образование в традиционных научных центрах российской империи таких, как Москва, Санкт-Петербург, Казань. Они рассчитывали на возможность сделать быструю административную или научную карьеру, принести реальную практическую пользу своему отечеству, решить многочисленные личные проблемы. Часть из представителей новой молодой российской интеллигенции действительно получила возможность преподавать в гимназиях и училищах, которые стали активно создаваться в восточных регионах страны, еще в XIX в., часть смогла получить работу в немногочисленных высших учебных заведениях и научных структурах, а часть сменила род своей деятельности или даже покинула восточные регионы страны. Но важно подчеркнуть, что интеллектуальная миграция в начале XX века в России была связана не только с выпускниками столичных вузов гуманитарного профиля. Вместе со строительством целой сети железных дорог на востоке страны, в этот регион прибыли инженеры железнодорожники, а возведение крупных промышленных и горнодобывающих предприятий вызвало приток на Урал и в Сибирь представителей отечественной инженерной мысли. Российские дореволюционные инженеры, безусловно, были одними из лучших представителей отечественной интеллигенции, появление которых существенно меняло жизнь как отдельных городов, так и целых регионов российской империи. Важно подчеркнуть, что представители провинциальной российской интеллигенции в меньшей степени, чем представители столичной интеллектуальной элиты оказались втянуты в процессы интеллектуальной миграции, связанные с первой мировой войной.

Вторая волна интеллектуальной миграции внутри уже Советского Союза пришлось на 30-е гг. XX в. и была напрямую связана с возведением на востоке страны новой мощной промышленной базы. Именно для индустриальных гигантов первых пятилеток необходимо было подготовить целое поколение новых советских инженеров. Решение этой задачи потребовало «перевоспитания» на восток большого числа специалистов, создания новых высших учебных заведений и научных центров.

Третья волна советской интеллектуальной миграции была связана уже с Великой Отечественной войной, в ходе которой на востоке страны оказались тысячи промышленных предприятий, учебных заведений и научных центров. В результате многие представители советской интеллигенции надолго (а некоторые и навсегда) поменяли место своей жизни и работы [4, с. 61—66]. Примечательно, что отдельные попытки принудительного перемещения представителей советской интеллектуальной элиты предпринимались и в дальнейшем до начала «перестройки» и распада СССР. Однако они уже не носили столь массового характера.

Безусловно, представителей различных областей гуманитарного знания при проведении исследований, посвященных «интеллектуальной миграции», очень многое сближает. Практически все исследователи признают важность анализа данного явления для более глубокого научного понимания процессов, происходящих в мире особенно во второй половине XX в. и в начале XXI в. Большинство исследователей отмечает, что «интеллектуальная миграция» сохранится и в ближайшем будущем, что с началом информационной революции ее формы, направления, темпы существенно меняются, что для получения новых серьезных результатов при изучении феномена «интеллектуальной миграции» требуется привлечение новых специалистов, новых источников, использования новых методов анализа. Но все это, совершенно не исключает, а, на наш взгляд, даже предполагает активное участие профессиональных историков.

Библиографический список

1. *Леденева В. Ю.* Интеллектуальная миграция: мировые и российские тенденции // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 106—113.
2. *Сажнева Ю. А.* Исторические аспекты интеллектуальной миграции в России. URL: http://tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/i_vserossijskaya_nauchnaya_studencheskay/istoricheskie_aspekty_i_intellektualnoj_migraczii_v_rossii (дата обращения: 17.02.2021).
3. *Соколов Д. В.* Интеллектуальная миграция в Китае, Индии и России: некоторые международные сопоставления // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 3. С. 45—63.

4. *Сибиряков И. В.* «Челябинская модель»: некоторые особенности советской интеллектуальной миграции в середине XX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 60—67.
5. *Флоринская Ю. Ф., Карачурина Л. Б.* Новая волна интеллектуальной миграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183—200.

УДК 316.343.652

А. А. Соловьев

профессор, Костромской государственной университет (Кострома)

СИНГУЛЯРНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ АПОКАЛИПТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается возможность применения к анализу феномена интеллигенции различных методологических стратегий междисциплинарного характера, в том числе, корпуса постмодернистских метанарративов.

Ключевые слова: интеллигенция, сингулярность, апокалиптический дискурс, эсхатология, симулякр.

A. A. Solovev

Professor, Kostroma State University (Kostroma)

SINGULARITY OF INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF APOCALYPTIC DISCOURSE

The article discusses the possibility of applying various methodological strategies of an interdisciplinary nature to the analysis of the phenomenon of the intelligentsia, including the corpus of postmodern metanarratives.

Key words: intelligentsia, singularity, apocalyptic discourse, eschatology, simulacrum.

Есть нечто намеренно провокационное в размышлениях о феномене интеллигенции сквозь призму ее сингулярности в кон-

тексте апокалиптического дискурса. Обусловливается это отсутствием в научной среде определенного консенсуса по всем трем дефинициям, вынесенным в заглавие данных рефлексивных соображений. Логика смысла скорее приводит нас к постоянно переживаемым эмоциональным состояниям бесконечного процесса, коммуницирующего на грани трансцендентного, и, следовательно, мотивирующего различные методологические стратегии постижения рассматриваемых феноменов. Тем интереснее и значимее будет интенциональная возможность, следуя понятийному аппарату в феноменологии Гуссерля, их пересечения и взаимораскрытия.

Актуализация эсхатологических коннотаций в современном мире более чем очевидна. Мифологемы *конец времен/последние времена/судный день*, в целом усиление алармистских настроений и как рефрен существования — крылатое латинское выражение *temento mori*. Своеобразный мейнстрим последнего года — *черная смерть* и *испанка*, *SARS* и *MERS* и, конечно же, вездесущий *COVID*. Тотальное погружение во времена сбывающихся пророчеств — *fin de siècle*. Между тем, прорицателями и пророками выступают не только и не столько служители культа, как это было бы эсхатологически мотивировано, отнюдь; апокалиптический дискурс в современном мире имеет в большей степени секуляризованный характер и встроен в общекультурный контекст эпохи. Провозвестниками же нового мира определяет себя безликая масса технократического чиновничества, ориентированная, прежде всего, на приумножение материальных ценностей, воспроизводящая вновь и вновь симулякры *единственно верной* гиперреальности (в терминологии Бодрийера). Радостного мало...

Несмотря на всю многогранность и неоднородность феномена интеллигенции, сложность выделения ее модальных, типологических черт, вследствие индивидуализации ее самосознания, мы все же склонны вести речь о коллективной самоидентификации данной социокультурной общности. Коллективная память интеллигенции и относительная неизменность ее представлений о своей миссии в обществе обеспечиваются через постоянную реактивацию памяти о событиях, мыслимых как своеобразный разрыв с доминирующими в социуме ценностями, но самим участием в данных событиях интеллигенция утверждает свою

метаисторическую преемственность, при которой ее служение, ориентированное на раскрытие духовных вопросов Бытия, вписывается в парадигму внеисторических высших ценностей.

Событийное пространство интеллигенции носит полицентрический характер, что, казалось бы, адекватно соотносится с мультикультурализмом современного мира, однако данная модель вступает в противоречие с моноцентрической или биполярной парадигмой доминирующего вектора политической конъюнктуры, то есть поля власти. В катастрофической ситуации обесценивания духовных смыслов, девальвации и профанации Слова, миссия и роль интеллигенции претерпевает маргинальные метаморфозы, служение идее в социуме замещается поклонением *Мамоне*.

Событийный мир интеллигенции по определенным параметрам коррелируется с оригинальной трактовкой идеи сингулярностей в философии Жюль Делёза. Сингулярность как идеальное событие или, как развертывает данную дефиницию французский мыслитель, «скорее, совокупность сингулярностей, сингулярных точек, характеризующих математическую кривую, физическое состояние вещей, психологическую или нравственную личность. Это — поворотные пункты, точки сгибов и т. д.; узкие места, узлы, очаги и центры; точки плавления, конденсации, кипения и т. д.; точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности» [1, с. 75]. Постструктурализм и психоанализ здесь пересекается с семиотическим дискурсом, интеллигенцию вполне возможно рассматривать как своеобразную знаковую систему — и с этой точки зрения она выступает понятием семиосферы. В данном контексте перспективным представляется анализ событий в реальности не сбывшихся, а лишь мотивированных индивидуальным сознанием личности. Влияние их возрастает по мере удаления в историческом времени от энтропийных точек равновесия и приближения к точкам бифуркации, в которых предсказуемое течение социокультурных процессов нарушается. Тем самым социум приобретает тенденцию перехода на режим индивидуально значимого поведения, что лишний раз подтверждает преимущественно личностный характер истории интеллигенции.

Метаисторическое бытийствование интеллигенции, в противовес статике существования, может быть выражено в теории сингулярных точек Делёза через отнесение сингулярностей к подлинным трансцендентальным событиям: «Не будучи ни индивидуальными, ни личными, сингулярности заведуют генезисом и индивидов, и личностей; они распределяются в “потенциальном”, которое не имеет вида ни Самости, ни Я, но которое производит их, самоактуализируясь и самоосуществляясь, хотя фигуры этой самоактуализации совсем не похожи на осуществляемый потенциал» [1, с. 139]. Актуализируется, таким образом, и дискурсивный анализ латентной истории интеллигенции, когда действующие лица могли не осознавать системную обусловленность своих действий, что предполагает раскрытие и структуризацию морфологии интеллектуального поля социума. «События — это идеальные сингулярности, коммуницирующие в одном и том же Событии; следовательно, они обладают вечной истиной, и их временем никогда не является настоящее, вынуждающее их существовать и происходить...» [1, с. 78—77].

Современная цивилизация характеризуется состоянием фрагментарности и разорванности, пространство постмодернизма пронизано симулякрами, социокультурными неврозами, десемiotизацией реальности, практиками *Танатоса*. Тотальная виртуализация культуры и гипердинамический характер нашей цивилизационной эволюции приводят, в терминологии немецкого философа Германа Люббе, к *сокращенному пребыванию в настоящем*: «Сокращение настоящего означает, что в темпоральном отношении прошлое становится все ближе к настоящему. “Хронологический возраст устаревшего уменьшается... в динамической культуре уже устаревшее становится все моложе”» [2, с. 381]. Своеобразное архивирование, сжатие социально-пространственно-временного континуума, его усложнение, актуализируется, в том числе, экспоненциальным ростом информационных технологий, что, в свою очередь, приближает точку сингулярности в истории — точку невозврата в гипотетических сценариях будущего согласно концепции технологической сингулярности. Акцентируется, тем самым, сужение *горизонта ожидания* вследствие противоречивости и определенной дискретизации общественного прогресса. В контексте все возрастающих

глобальных проблем человечества, предельных проявлений антропологической границы и в целом пограничных феноменов человеческого бытия, будущее представляется, мягко говоря, туманным и описывается преимущественно эсхатологическими образами. Метафорически данная рефлексия выражается в фундаментальном исследовании Г. Люббе посредством скульптуры Карла Шнайдера «Экспоненциальная лестница перед ящером», демонстрирующая собой «восходящую лестницу, начало которой уютно и привлекательно, затем высота ступеней резко возрастает в ущерб их ширине, и тот, кто продолжал бы дальнейшее движение по ней, быстро достиг бы такой точки, после которой следует падение вниз» [2, с. 378]. Обесценивание и деформация смыслов настоящего, избыточность информационных потоков, ориентированных в современном мире, прежде всего, на негативные коннотации в культуре повседневности, манифестируется концом эпохи, усиливая напряжение в апокалиптическом дискурсе.

Интеллигенции в целом присущ трагизм разобщенности, верхний культурный слой невероятно тонок, его эмоциональная фрустрация и минимизация его интеллектуальной востребованности сегодня слишком очевидны. Интеллигенция, по верному замечанию Б. Успенского, «не стремится определить себя как социальная группа: она стремится определить свое отношение к другим социальным явлениям. Поэтому она находится в зависимости от этих явлений (которым она себя противопоставляет или на которые, напротив, ориентируется). Но явления эти не стабильны, их содержание, в свою очередь, находится в определенной зависимости от историко-культурного контекста...» [3, с. 396]. Интеллигенция всегда выражалась как квинтэссенция культуры своей эпохи и, вместе с тем, как культурная самоидентификация личности. Интеллигенция носит трансисторический характер, она, несомненно, продолжит восполнять свою миссию в социуме, однако способы ее служения, ее роль и место в переживаемом моменте настоящего, определяемом как точка бифуркации, нуждается, как минимум, в ментальном переосмыслении.

Структура аксиологического пространства многослойна, ценностная конфигурация семантического поля уникальна и неповторима в каждый момент истории. Вместе с тем, ей присуща динамика, бинарные оппозиции и антиномии, мифологизация

сознания и трансформация идентификационных моделей. В доминирующих константах идентичности превалирует игровая стихия, внешний облик, виртуализация публичности, доведенная до абсурда, напротив, идея внутреннего микрокосма, базирующаяся на ценностных критериях гносеологического свойства не получает сколь-нибудь значимого следствия. Время неотвратно меняет свой вектор в контексте духовного, или бездуховного, развития, но является ли время надежным критерием исторической рефлексии?!

Библиографический список

1. *Делёз Ж.* Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011.
2. *Люббе Г.* В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
3. *Успенский Б.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б. А. Этюды о русской культуре. СПб.: Азбука, 2002.

УДК 930.85

С. М. Усманов

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы изучения интеллигенции. Определенное место отводится анализу имеющегося опыта научных исследований по обозначенной тематике. Выделяются спорные проблемы и трудности в осмыслении и истолковании роли и места интеллигенции в современном мире. Подчеркивается ценность конкретных исследований сравнительно с общими рассуждениями об интеллигенции и интеллектуалах. Автор считает особенно актуальным учитывать культурно-исторические аспекты исследования роли российской интеллигенции и западных интеллектуалов в современном мире.

Ключевые слова: российские интеллигенты, европейские интеллектуалы, современный мир, дискуссионные проблемы, варианты научной интерпретации, проблемы методологии.

S. M. Usmanov

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

SOME REFLECTIONS ON THE STUDY OF THE INTELLIGENTSIA

The article deals with some topical issues of the study of intelligentsia. A certain place is given to the analysis of the existing experience of scientific research on the indicated subjects. It highlights controversial problems and difficulties in understanding and interpreting the role and place of intellectuals in the modern world. The value of specific studies is emphasized in comparison with the general arguments about intelligentsia and intellectuals. The author considers the cultural and historical aspects of the study of the role of Russian intelligentsia and Western intellectuals in the modern world to be especially relevant.

Key words: Russian intelligentsia, European intellectuals, modern world, discussion problems, variants of scientific interpretation, problems of methodology.

Изучение истории и судьбы интеллигенции — тема очень большая и сложная для полноценной научной интерпретации. Вместе с тем, не менее труден для изучения и опыт западных интеллектуалов. Очень часто действительно профессиональные научные изыскания по данной проблематике не доходят до заинтересованного читателя, поскольку их заслоняют громкие риторические упражнения разного рода дилетантов, всегда уверенных в своей способности «сказать несколько слов» по этой всегда актуальной теме.

Показательно, что уже сама терминология в исследованиях по данной тематике отнюдь не является точной и общепризнанной. Зачастую нет ясности, как именно соотносятся два основных понятия в такого рода трудах — «интеллигенты» и «интеллектуалы». В этой связи встает вопрос: являются ли они синонимами, сопоставимыми понятиями или, может быть, исключают друг друга? Хорошо известно, что среди исследователей имеются в этом отношении разные мнения. Некоторые воспринимают

термины «интеллигент» и «интеллектуал» как весьма близкие. Другие считают, что единственно правильно только понятие «интеллигенция». Но есть и такие, кто явное предпочтение отдает понятию «интеллектуал». В таком случае интеллигенция изображается как что-то недоразвитое и несостоятельное.

Мы считаем вполне обоснованным употребление обоих терминов, с учетом того, что они отражают разные явления. Когда же исследователи определенно не разграничивают понятия «интеллигенция», «интеллектуалы», «интеллектуальные круги», «интеллектуальная жизнь», то это существенно затрудняет обоснованность и результативность их научного анализа.

В данном контексте своевременно привести наблюдения британского ученого Лоренса Уайтхеда о том, что сбор данных и проверка гипотез может показаться простым и не хлопотным занятием в стабильных и безопасных политических системах, но те же самые операции становятся сомнительными и двусмысленными, когда они проводятся в неустойчивых и раздираемых конфликтами государствах. Так высказывался британский исследователь четверть века назад. Но в современном мире стабильность и безопасность являются чем-то относящимся к благим пожеланиям. И как раз интеллигенты и интеллектуалы это видят и чувствуют значительно острее, нежели массы обывателей.

При всем том, мы отнюдь не стремимся отказываться от поисков эффективных методологических подходов в научном исследовании положения и деятельности интеллигенции и интеллектуалов в современном мире. Более того, провозглашение интеллигентоведения отдельной, полноценной, уже состоявшейся дисциплины в гуманитарных науках предполагает наличие определенного методологического инструментария, необходимого для существования и развития именно этой отрасли знания.

Очевидным и естественным здесь является применение междисциплинарного подхода, о чем многократно напоминал Валерий Сергеевич Меметов. В самом деле, полноценное изучение интеллигенции и интеллектуалов не может состояться иначе как на стыке, по меньшей мере, нескольких наук — истории, социологии, политической науки, философии, культурологии, литературоведения, психологии. Впрочем, вполне возможно в изысканиях по изучению интеллигенции и интеллектуалов также

применение методов и из других гуманитарных дисциплин (например, религиоведения, культурной антропологии, этнологии). В общей постановке данной проблемы, кажется, никаких серьезных возражений среди исследователей не обнаруживается.

Другое дело — реальное применение этих методов и инструментов. Тут возникает множество трудностей. Многие исследователи просто не владеют необходимыми квалификациями, а кто-то и сознательно их игнорирует.

Так, еще в 2016 г. журнал «Интеллигенция и мир» ввел новую рубрику «Социология интеллигенции». Но появляется она в журнале нечасто. С одной стороны, профессиональные социологи неохотно изучают проблемы интеллигенции. А с другой, историки, философы, филологи и другие специалисты явно недооценивают значение социологического фундамента своих изысканий. Но ведь изучение интеллигенции и интеллектуалов вне социологических параметров неизбежно ведет исследователей к нормативизму, субъективизму, а чаще всего — к публицистичности. Что явно снижает научную состоятельность подобных изысканий и служит предлогом для претензий и насмешек в адрес интеллигентоведов.

Конечно, здесь можно использовать концептуальные подходы Антонио Грамши, Карла Мангейма и других известных мыслителей и исследователей. Но для наших изысканий последних лет оказались весьма полезными разработки по социологии интеллигенции, которые еще в 70-е гг. XX века представил польско-американский ученый Александр Гелла. Как отмечал этот исследователь, интеллектуалы необходимы для любого общества, в то время как интеллигенция формируется только в период индустриализации феодальных обществ. И если интеллектуалы не становятся определенной «социальной стратой», то интеллигенция изначально выступает именно как отдельная «страта».

При том, что в данных положениях польско-американский ученый не очень аккуратно использовал научную терминологию XIX—XX столетий (в результате у него получился какой-то гибрид концепций марксизма и теории модернизации), главное в его анализе все-таки выражено достаточно определенно: интеллигенция оказывается феноменом модернизации традиционных обществ. Изыскания Александра Геллы имеют для нас и еще один существ-

венный аспект. В них не прослеживается стремления нарочито возвысить западного интеллектуала как выразителя более зрелого и совершенного общества над интеллигентом «периферийных» обществ, который, дескать, несет в себе черты их отсталости и социальных уродств. Напротив, А. Гелла предсказывает в будущем явление «мировой интеллигенции», которая будет продуктом «общей культуры», а потому и иметь «универсальные цели».

Очевидно, здесь польско-американский ученый применяет и другой концептуальный подход исследования интеллигенции и интеллектуалов — культурологический. Если использовать данное направление научного поиска, то не только будущая «мировая интеллигенция», но и интеллигенция нашего времени, а также и ее прежние поколения — это «круг людей культуры», разделяющий общие ценности, нормы и традиции. Такого рода ценностный фундамент самосознания и мировоззрения интеллигенции, очевидно, и предопределяет ее самоопределение, что во все не противоречит не только основам «социологии интеллигенции», но и самой теории модернизации, из которой такая социология во многом и проистекает.

Следовательно, и «социология интеллигенции», и «культурология интеллигенции» вполне отчетливо разделяют интеллигентов и интеллектуалов и по положению в обществе, и по ценностным ориентирам, и по своему назначению. В этом контексте, на наш взгляд, актуально применение и других научных методов: структурно-функционального анализа, просопографического метода, наконец — включение деятельностного принципа в научном анализе истории и современного состояния интеллигенции и интеллектуалов.

В российской науке нередко высказываются не слишком одобрительные, а то и откровенно насмешливые суждения об исследованиях деятельности интеллигентов и интеллектуалов. Так, известный своим эссе «Нервные люди» Александр Кустарев иронически отзывался о конференциях интеллигентоведов в Ивановском государственном университете, точнее — о тех участниках этих конференций, которые с большим пафосом обосновывали общественную значимость интеллигенции. Подобные критические суждения имеют очевидную пристрастность и тенденциозность. Однако, как нам представляется, их все же нельзя назвать

совершенно беспочвенными, поскольку в трудах по проблемам интеллигенции очень много общих рассуждений, риторических восклицаний, но явно недостаточно основательных обобщений и выводов. Есть также желающие пооригинальничать, создав какую-либо теоретическую схему, что называется, «с нуля», не очень-то считаясь с имеющимся научным опытом.

На наш взгляд, в изысканиях по тематике интеллигенции и интеллектуалов куда более ценными и актуальными являются конкретные исследования, которые могли бы существенно скорректировать многочисленные теоретические импровизации и абстрактные типологии. Пока что в работах российских исследователей очень не хватает конструктивной критики разработок других авторов — как отечественных, так и зарубежных, что зачастую заменяется риторическими упражнениями по избранному предмету. Собственно, в современной России это проблема всех гуманитарных наук, о чем, в частности, весьма саркастически отзывался философ из Новосибирска Николай Сергеевич Розов.

Наконец, можно отметить насущную необходимость существенного расширения культурного и цивилизационного контекста исследований путей развития и исторических судеб российских интеллигентов и западных интеллектуалов. В самом деле, недостаточность и ограниченность духовных и культурных горизонтов многих имеющихся российских исследований интеллигенции нередко делает данные аналитические разработки концептуально и содержательно неубедительными. Ведь для того, чтобы чего-то добиться в решении имеющейся научной проблемы, надо этот вызов для начала хотя бы сформулировать. Только в таком случае можно было бы избавиться от самодовольства достигнутыми объемами научной продукции, тем самым содействуя новым достижениям в научном поиске. В любом случае нам представляется, что необходимо усилить внимание именно к культурологическим аспектам анализа самосознания и деятельности как российской интеллигенции, так и западных интеллектуалов. Думается, именно в рамках такого рода изысканий возможно получение новых обещающих научных результатов.

В. Л. Черноперов

заведующий кафедрой, Ивановский государственный университет
(Иваново)

**ГОСУДАРСТВО, ШКОЛА И НАУКА
В ГУМБОЛЬТОВСКОЙ МОДЕЛИ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В публикации речь идет об определении В. фон Гумбольдтом места и роли в развитии университетского образования государства, школы и науки. В основании сообщения положен меморандум немецкого реформатора «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» 1810 года. Сделан вывод об актуальности взглядов В. фон Гумбольдта для современного российского интеллектуального сообщества.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, университет, государство, школа, наука, реформа.

V. L. Chernoperov

Head of the Department, Ivanovo State University (Ivanovo)

**STATE, SCHOOL AND SCIENCE
IN THE GUMBOLT MODEL OF UNIVERSITY EDUCATION**

The publication deals with the definition by W. von Humboldt of the place and role of the state, schools and science in the development of university education. The work is based on a memorandum by the German reformer «On the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin» which came out in 1810. The conclusion is made about the relevance of V. von Humboldt's views for the modern Russian intellectual community.

Key words: V. von Humboldt, university, state, school, science, reform.

На общем фоне германских научных и образовательных центров в начале XIX столетия выделялся созданный в 1809—1810 гг. Берлинский университет (с 1828 года университет Фридриха Вильгельма). Рождение этого центра просвещения и науки

неразрывно связано с именем одного из создателей сравнительного метода в философии и истории, основоположника теоретического языкознания, государственного деятеля и дипломата Фридриха Вильгельма Кристиана Карла Фердинанда фон Гумбольдта (1767—1835).

В. фон Гумбольдт, занимая всего 13 месяцев с 1809 по 1810 гг. кресло директора секции культуры и образования в МВД Пруссии, стал своего рода министром образования и науки и сумел провести преобразования, которые позволили ему занять место выдающегося организатора германского просвещения [5, 7]. Реформатор не только определил контуры деятельности Берлинского университета, но и решил многие вопросы его финансирования [6, с. 265]. Сделанное им оказалось столь грандиозным, что многие по сей день обращаются к его опыту при реформировании высшей школы. Яркий пример — наша страна, где немецкий опыт внимательной изучался, особенно в свете весьма неоднозначного применения так называемой Болонской системы [1, 4].

Справедливости ради, отметим, что В. фон Гумбольдт проводил свои реформы не на пустом месте, а на основании концепций, разработанных философами Иммануилом Кантом и Фридрихом Вильгельмом фон Шеллингом, философом, теологом и проповедником Фридрихом Шлейермахером, и, особенно, мыслителем Иоганном Готлибом Фихте, который стал первым ректором Берлинского университета [6, с. 265—267].

Свои идеи в области образования Гумбольдт ярче всего изложил в меморандуме 1810 года «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине». Многие положения этого документа и сегодня звучат архисовременно: «Понятие высших научных заведений как вершины, к которой сходится все, что происходит непосредственно в пользу моральной культуры нации, основывается на том, что эти заведения предназначены заниматься наукой в наиболее глубоком и широком смысле этого слова и передавать ее как материал, целесообразно подготовленный не намеренным, а произвольным способом, духовному и нравственному образованию для его использования.

Их сущность поэтому состоит в том, чтобы объединить под своим руководством во внутреннем плане объективную науку с субъективным образованием, во внешнем плане законченное

обучение в школе с начинающимся обучением в высшем научном заведении, или, вернее, осуществить переход от одного к другому. А главная точка зрения остается наука...

Поскольку эти заведения могут достигнуть своей цели ... только в том случае, если каждое из них, насколько возможно, поддерживает чистую идею науки, одиночество и свобода являются принципами, господствующими в их кругу. ... Кроме того, характерной чертой высших научных заведений является то, что они всегда рассматривают науку как еще не решенную до конца проблему и поэтому неизменно остаются в исследовании... <...> То, что называют высшими научными заведениями, является ... ничем иным как духовной жизнью людей, которых внешнее пребывание без дела или внутреннее стремление приводит к науке и исследованию» [2].

Утверждая ценности уединенной автономной деятельности ученого-преподавателя в университете, В. фон Гумбольдт не умалял в развитии вузов здорового консерватизма, предполагающего сохранение традиции и сильного государства. «Государство, — писал он, — должно следить за тем, чтобы: 1. Всегда поддерживать деятельность в самом живом и сильном жизненном состоянии; 2. Не позволять ей опускаться, всегда четко и твердо сохранять границу между высшим научным заведением и школой (не только всеобщей теоретической, но и в первую очередь разнообразной практической)» [2]. На государство же возлагалось решение проблемы по выстраиванию отношений школы и вуза, при которой среднее не предвосхищало бы высшего образования, а университет не выступал бы «однородным дополнением к школам, т. е. еще одним старшим классом для учащихся». В. фон Гумбольдт сверхзадачу школы видел в формировании у молодых людей «желания посвятить себя науке, которую ему до сего момента показывали только как бы издали». Для этого требовалось гармонично развивать у школьников все способности, чтобы по завершении обучения выпускника привлекала, в первую очередь, не сиюминутная практическая деятельность, а желание получать новые знания «и умственное творчество». Таким образом, в университет могли попасть только наиболее подготовленные. Базой достижения этой цели Гумбольдт считал математику, которая лучше всего готовила к восприятию «чистой науки».

Размышляя о месте государства в системе образования, германский реформатор настаивал на том, что оно должно осознавать границы вмешательства в дела университетов, и сосредотачиваться, прежде всего, на создании оптимальных возможностей («средств и форм») для научной работы. Кроме того, государство, имея через попечительские советы исключительное право «на назначение университетских преподавателей», призвано было заботиться «о свободе их деятельности». Для этого, ему, во-первых, следовало предотвращать давление на преподавателей со стороны собственно университетов, «которые, как только ... начинают свою деятельность, ... имеют тенденцию задушить развитие другого» [2]. Во-вторых, минимизировать трения между самими преподавателями. Причем, эти «антагонизм и трение» в университете, по мнению В. фон Гумбольдта, были «полезными и необходимыми» [2], так как порождали конкуренцию, стимулирующую развитие.

Но не только об обязанностях государства в отношении университетов говорил В. фон Гумбольдт. Университеты, в свою очередь, несли свое государственное послушание. Прежде всего, в исполнении практической задачи — воспитания молодежи в духе верноподданничества. В этой связи В. фон Гумбольдт не считал цензуру абсолютным злом и, исходя из продуктивности уравнивания новаций и традиции, «признавал целесообразным „подчинить писателей, издателей и типографии (так как все они принимают участие в процессе публикации) действенной цензуре”» [6, с. 264].

Вильгельм фон Гумбольдт, поддерживая право профессоров свободно выбирать предметы для изучения, не ограничиваясь программами образования, требовал их сотрудничества со студентом для развития науки: «духовная деятельность человечества может развиваться только как взаимодействие — не только с тем, чтобы один дополнял то, чего не хватает другому, но и с тем, чтобы успешная деятельность одного вдохновляла других и чтобы всем стала видна та всеобщая изначальная сила, которая в отдельных личностях проявляется лишь изредка или светит отраженным светом» [2].

Еще одним условием достижения вузовскими преподавателями и учеными высоких результатов В. фон Гумбольдт считал

продуктивное сочетание науки с преподавательской деятельностью. Прежде всего, потому, что подготовка к лекциям требует дополнительного обдумывания и уточнения развиваемых положений. К тому же преподавание само по себе, писал реформатор: «...не является столь утомляющим занятием, чтобы его следовало считать препятствием, а не помощью для изучения научного вопроса» [2].

В Берлинском университете гумбольдтовские принципы в жизнь воплощали крупнейшие ученые своего времени — философ Иоганн Готтлиб Фихте, антиковеды Фридрих Август Вольф и Бартольд Георг Нибур, основоположник греческой и современной эпиграфики Филипп Август Бёк, историк и правовед Фридрих-Карл фон Савиньи, философ Вильгельм Фридрих Гегель, основоположник исторической критики Леопольд фон Ранке.

С 1810-х гг. в университетах Германии, перенявших берлинскую модель, стал наблюдаться устойчивый рост студентов. Развивались и укреплялись новые формы и методики обучения. Расширилась публикационная деятельность. Университетские издательства активно издавали диссертации и учебные пособия. В практику все увереннее входило комментирование собраний издаваемых сборников источников. С 1819 года началось издание знаменитого собрания «Памятники германской истории» («*Monumenta Germaniae Historica*» — MGH).

На наш взгляд, сильное и действенное государство в концепции гумбольдтовского университета первой половины XIX столетия было скорее благом, поскольку стимулировало и сохраняло развитие духовных ценностей, поддерживало высокий статус университета и университетского профессора. Успехи германской науки середины XIX — начала XX века — яркое тому подтверждение. К тому же в эпоху становления и укрепления модели гумбольдтовского университета в Германии произошло пересечение идеалов реформаторов, создававших новую структуру образования, и интересов усиливавшихся немецких предпринимателей («капитанов индустриализации»), которые выстраивали свою систему ценностей. При этом и те и другие выступали с либеральных позиций свободы и конкуренции. В создавшихся условиях государство выступало гарантом сохранения университетами

своей интеллектуальной идентичности и барьером на пути поглощения их бизнесом.

Немецкая профессура, оказавшись, благодаря государству, в привилегированном и защищенном положении, обычно оставалась лояльна власти, приспособлялась к ее политической линии и в этом духе воспитывала студенчество. Ее было сложно обвинить в том, что она готовит свободомышляющего гражданина, а не верноподданного члена общества, точнее — его элиты. Такая модель работала достаточно долго, что уже к концу XIX века начало приводить к негативным процессам. В системе образования гуманистические ценности стали стремительно отходить на второй план, утрачивался дух всепоглощающего научного поиска, но укреплялось желание комфорта и защищенности, дух лояльности, характерной для верноподданнического чиновничества. Это процесс многократно усилился после поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне и острого политического противоборства в годы Веймарской республики. Отражением стало укрепление в интеллектуальной элите Германии мандаринизма — служения и лояльности власти [3]. В итоге немецкие ученые и преподаватели университетов в своей массе не выступили против национал-социализма, остались работать на своих должностях, тем самым объективно укрепляя гитлеровский режим.

Мандаринизм и снижение научной одержимости в университетской элите Германии, на наш взгляд, отчасти вытекало из учения В. фон Гумбольдта об отношении университета и государства, но следует ли это ставить реформатору в вину? Однозначно нет. Вильгельм фон Гумбольдт не мог предвидеть таких последствий. Да и сам мандаринизм — это скорее «вывих» или «исторический отход» от магистрального гумбольдтовского пути, основанного на сложном взаимодействии науки, школы, университета и государства. Причем он имеет симптомы к развитию и на нашей почве. Особенно в условиях энергичных, часто алогичных и внутренне противоречивых реформ в образовании конца XX — XXI века, когда возникает желание укрыться от перемен. Как в это время сохранить стремление к автономии от государства, обещающего комфорт, но требующего лояльности, не отказать от конкуренции, ведущей к трениям с коллегами по цеху и с руководством вузов? Ответ, на наш взгляд, мы можем найти в

том же меморандуме В. фон Гумбольдта 1810 года: «...если наконец-то в высших научных заведениях ста[нет] господствующим принцип искать науку как таковую, то... не будет нехватки ни в единстве, ни в полноте, одно будет само по себе искать другого и то и другое сами по себе придут в надлежащее взаимоотношение...» [2].

Библиографический список

1. *Андреев Ф. Ю.* Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. С. 46—58.
2. *Гумбольдт В. фон* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 3 (6). URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1454&binn_rubrik_pl_articles=155 (дата посещения: 02.03.2021).
3. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890—1933 / пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
4. *Ростиславлева Н. В.* Вильгельм фон Гумбольдт и его модель университета: взгляд из XXI века // Cogito: альманах истории идей. Ростов н/Д., 2007. Вып. 1. С. 333—345.
5. *Ростиславлева Н. В.* Основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт как мыслитель и политик // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 179—197.
6. *Ростиславлева Н. В.* Вильгельм и Александр Гумбольдт: научное познание и идея классического университета // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 337—379.
7. *Gall L.* Wilhelm von Humboldt. Ein Preuße von Welt. B.: Propyläen Verlag, 2011. 443 S.

Г. С. Широкалова

заведующий кафедрой, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (Н. Новгород)

СТУДЕНТЫ ПОКОЛЕНИЯ Z: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье анализируются факторы формирования исторической памяти будущей интеллигенции. Автор приходит к выводу, что начавшаяся в середине 1980-х годов ревизия советской истории привела к войне памяти поколений.

Ключевые слова: студенты; войны исторической памяти; социологические исследования.

G. S. Shirokalova

Head of the Department, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (N. Novgorod)

GENERATION Z STUDENTS: FEATURES OF HISTORICAL MEMORY

The article analyzes the factors of formation of the historical memory of the future intelligentsia. The author comes to the conclusion that the revision of Soviet history that began in the mid-1980s led to a war of memory of generations.

Key words: students; wars of historical memory; sociological research.

Провозглашение В. В. Путиным патриотизма национальной идеей вызвало активизацию исследований, героизирующих участников Великой Отечественной войны и увеличение работ о коллаборационизме на оккупированных территориях, но они не смогли и не смогут сформировать единые оценки событий тех лет. В либеральном обществе, а особенно у поколения Z, референтны те социальные группы, которые допускают многозначность трактовок любых событий и явлений. При этом не важно,

насколько они адекватны реальным процессам, важен сам факт «самости» субъекта, его якобы «независимости» от мнения большинства.

Не будем обосновывать обоснованное: социальная стабильность общества зависит от единства идеологических скреп относительно прошлого, настоящего и будущего, и задаются они, прежде всего, интеллигенцией. Направление же изменений зависит, в том числе, от ценностных установок студентов, мнение которых учитывается в молодежной политике. Насколько прочны эти скрепы в условиях полифонии взглядов по отношению к событиям, положенным в основу современной российской идеологии, проанализируем на примере ответов студентов Нижнего Новгорода (N = 615 чел.) о событиях Второй мировой войны, полученных в результате исследования Российского общества социологов «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» [4].

В конце 1980-х годов пересмотр оценок Второй мировой войны, начался с широко распространяемой версии о том, что Германия вынуждена была упредить нападение на нее Советской Армии. И хотя в последние годы было немало публикаций, выступлений в СМИ, раскрывающих реальные причины событий, варианты этой версии, социализирующей на современных учебных программах, сетях интернета и СМИ разделяются молодежью (табл.).

Альтернативные оценки российской истории во время перестройки стали общим трендом, но их основы закладывались гораздо раньше. С конца 1980-х годов в кругах интеллигенции считалось хорошим тоном продемонстрировать свою давнюю нелояльность советской власти через публикации воспоминаний, источников, в том числе тех, которые были ранее недоступны из-за закрытости архивов. Издание таких документов имело целью показать преимущество взглядов, увеличить число сторонников новой власти среди тех, кто был защитником СССР за счет угрозы «нерукопожатности» в новых условиях, и, напомнить другим, что «донесения не горят» и для них новая власть безопаснее, чем возврат Советов.

Сегодня есть много мнений о событиях связанных со Второй мировой войной. Какие вы разделяете? (%)

Подвопросы	Отвергаю	Спорно, но обсуждаемо	Можно согласиться	Итого
В войне виновны и Германия, и СССР	39,7	46,4	13,9	100,0
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным	31,9	35,5	32,6	100,0
Помощь фашистам («Лесные братья», «Бандеровцы» и т. д.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики...	38,2	47,0	14,8	100,0
Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944—1945 году было оккупацией	34,2	51,1	14,7	100,0
Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран — это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	36,8	29,7	33,5	100,0

Прочитируем высказывания литературных деятелей в 1943 гг., чья позиция транслировалась в той или иной форме через десятилетия, формируя общественное мнение позднесоветской и постсоветской эпохи. Никандров Н. П.: «Мы прошлым летом ждали конца войны и освобождения от 25-тилетнего рабства, в этом году, этим летом и произойдет освобождение, оно только произойдет несколько иначе, нежели мы думали. Большевизм будет распущен, как Коминтерн, под давлением союзных государств...» [1, с. 488]. Вальве Б. С.: «Германский фашизм есть закономерная реакция на наш социализм. В конце концов, два вида социализма: нацизм и большевизм оспаривают мировое господство. История породила немецкий фашизм для того, чтобы он покончил с большевизмом...» [1, с. 489]. Краснов П. Б.: «Наше положение далее становится нетерпимым. Обескровленная стра-

на может не выдержать нового натиска гитлеровцев. У меня вся надежда на Англию и Америку, которые нанесут немцам решающий удар. ...Мои симпатии всегда на стороне демократических держав. ...Я готов терпеть войну еще хоть три года, пусть погибнут еще миллионы людей, лишь бы в результате был сломлен деспотический, каторжный порядок в нашей стране. Поверьте, что так, как я, рассуждают десятки моих товарищей, которые, как и я, надеются только на союзников, на их победу и над Германией и над СССР...» [1, с. 494].

Публицистические войны по поводу Пакта Молотова-Риббентропа сформировали мнение о несправедливости действий СССР в Прибалтике. Такая позиция фактически игнорирует тот факт, что он спас миллионы жизней советских солдат и гражданского населения, а сами прибалтийские республики от онемечивания, понимаемого в соответствии с идеологией нацизма [3]. Но оценку событиям студенты дают с позиций абстрактного гуманизма.

Возрождение поклонения перед Западом сказала на безэмоциональном отношении к осквернению могил и сношению памятников советским воинам и полководцам. Объяснения этой позиции следующие: «Эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться» — 45,7 %, «За последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время» — 11,9 %, «Это расплата за ошибки СССР в послевоенное время» — 4,7 %. Не хотят и задумываться над этим вопросом: «Мне лично все равно» — 7,5 %. Эмоциональность переживания, возможно, присуща лишь одному из четырех студентов (25,9 %), но остальные внутренне готовы к пересмотру итогов войны.

Если правящий класс не способен предложить хотя бы контуры приемлемого для большинства будущего, национальное единство рушится и это грозит стране утратой субъектности. В этом случае в качестве механизма сохранения идентификации с государством предлагается уничтожение памяти об альтернативном прошлом. Так, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва В. В. Аристархов предлагает провести

ревизию «примерно 150 тысяч памятников — это многочисленные статуи Ленина и другие подобные объекты, не имеющие художественной ценности, но внесённые когда-то в реестр по идеологическим соображениям. Необходима чистка реестра от подобных артефактов. Тогда станет гораздо проще выделять необходимое финансирование на сохранение того, что действительно является уникальным культурным наследием» [2]. Бывший первый заместитель министра культуры РФ знает, что ценность памятников советского времени для народной памяти не в их художественной уникальности, а в ассоциации с временем, когда страна была сверхдержавой. Именно по этой причине им выносятся приговор.

Но ведь большинство памятников войнам тоже не имеет художественной ценности, а для иных представителей власти ценности вообще. По оценке студентов, состояние всех памятников, связанных с Великой Отечественной войной, в регионе проживания оценили как хорошее — 12,5 %, ответ «большая часть в хорошем состоянии» выбрали 41,5 %, «только малая часть в хорошем состоянии» — 28,5 %, «в плохом» — 3,9 %. 13,7 % не дали ответа, вероятно, из-за безразличия к таким знакам памяти. Но пережив явную/латентную агрессивность к прошлому собственной страны, человек становится безразличным к агрессивности иных государств против ее истории, что отражается в ответах студентов.

О том, что студенты воспитаны на многовариантности оценок событий, свидетельствует их отношение к современным фильмам о Великой Отечественной войне. 64,4 % разделяют мнение «Очевидно, была и такая война, и новые поколения должны знать всю правду», 16,2 % «Наконец-то перестали приукрашивать события, участников Великой Отечественной войны». 12,6 % против новых акцентов «Война и ее участники изображаются скорее негативно, что, по-моему, подрывает уважение к людям, прошедшим войну».

Не будем оценивать/ранжировать свободу мнений по шкале «хорошо — плохо». Попытаемся спрогнозировать будущее исторической памяти россиян. Да, в Конституцию РФ внесены соответствующие изменения и вряд ли в ближайшее время очередной предприниматель рискнет в селе Ломатино Нижегородской

области купить дом, в котором родился генерал А. Власов с целью создать в нем музей. Но воспротивились этому в 2015 г. ветераны. Большинство же опрошенных отнеслись к идее положительно, не зная, кто такой Власов [5, с. 4]. Е. П. Титков приводит немало и других примеров коллаборационизма. Все эти факты заставляют задать вопрос: каковы масштабы осознанного / неосознанного коллаборационизма в среде будущей / современной интеллигенции? Войны истории продолжаются на новых информационных площадках, которые не учат всестороннему анализу условий исторических событий. Абстрактный гуманизм толерантности дает основание для вывода, что официальная история России для будущих поколений будет написана в его координатах.

Библиографический список

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б)-ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с. (Россия. XX век. Документы).
2. Институт наследия: следить за сохранением памятников должен Минкульт. URL: <https://realty.ria.ru/20201028/pamyatniki-1581954625.html> (дата обращения: 10.03.2021).
3. *Ковалев Б. Н.* Прибалтийский след на Северо-Западе России 1941—1944 гг.: преступления военных и парамилитарных формирований: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ. 2020. 70 с. (Серия «История»).
4. Спасибо прадеду за Победу...: материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: колл. монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Мин-во науки и высшего образования РФ—Екатеринбург: Изд-во Урал-ун-та, 2020. 352 с.
5. *Титков Е. П.* На службе у гитлеровцев. Нижний Новгород: Арзамаский филиал ННГУ, 2016. 543 с.

О. А. Яновский

профессор, Белорусский государственный университет (Минск)

**ПРОЕКТ «БЕЛОРУССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
В ОСМЫСЛЕНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
БЕЛАРУСИ И РОССИИ**

Рассмотрена деятельность политической и интеллектуальной элиты России и Беларуси в 1919—1921 гг. по созданию основ Белорусского государственного университета. В первую очередь обращено внимание на дискуссии по вопросу о факультетской структуре первого в новой советской республике университета и подбор преподавательских кадров. Сделан вывод о том, что результатом совместных усилий представителей двух республик стал прорыв в интеллектуальном состоянии белорусского общества.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет, факультетская структура, интеллектуальная элита, организационные комиссии.

O. A. Yanovsky

Professor, Belarusian State University (Minsk)

**THE PROJECT «BELARUSIAN UNIVERSITY»
IN THE COMPREHENSION AND IMPLEMENTATION
OF INTELLECTUALS OF BELARUS AND RUSSIA**

The activity of the political and intellectual elite of Russia and Belarus in 1919—1921 is considered on the creation of the foundations of the Belarusian State University is considered. First of all, attention is paid to the discussions on the faculty structure of the first university in the new Soviet republic and the selection of teaching staff. It is concluded that the joint efforts of the representatives of the two republics resulted in a breakthrough in the intellectual state of the Belarusian society.

Key words: Belarusian State University, faculty structure, intellectual elite, organizational commissions.

В текущем 2021 году Республика Беларусь отмечает важнейшую дату в своей истории — 100-летний юбилей начала

«регулярных» занятий в первом для белорусов (своём!) университете. Собственно, университет стал одним из главных проектов только что политически оформившейся Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ). Ее провозглашение состоялось 1 января 1919 г. в Смоленске, а уже 24—25 февраля правительство молодого советского государства в этом российском городе утвердило решение и издало декрет о разворачивании мероприятий по быстрейшему началу деятельности Белорусского государственного университета (БГУ) в Минске [1, л. 8].

Следует признать, что это решение было обеспечено вполне реальным планом реализации всевозможных организационных мероприятий. В первую очередь, «университетский проект» новой власти основывался на наличии трех объективных факторов. Во-первых, акцент с самого начала был сделан на привлечение к осуществлению проекта опытных российских интеллектуалов — как из среды профессуры, так и высокообразованных чиновников наркомата просвещения РСФСР. Кстати, последние в реальной практике с самого начала фокусировали и объединяли усилия двух сторон — российской и белорусской. Во-вторых, к этому времени у белорусской стороны в наличии имелись два вполне реальных плана создания университета именно в Минске. Один был озвучен еще в декабре 1917 г. на I Всебелорусском съезде (после нескольких дней работы съезд разогнали большевики) академиком Е. Ф. Карским, а второй чуть позже представил для правительства Белорусской Народной Республики (БНР) профессор-историк М. В. Довнар-Запольский. В-третьих, и этот фактор следует признать главным, в белорусском обществе за многие предшествующие годы прочно утвердилось намерение во что бы то ни стало иметь свой национальный университет. И если царское правительство неоднократно отвергало всевозможные предложения, то сразу после октября 1917 г. это намерение получило реальные шансы на успех.

Автор неоднократно в своих публикациях обращался к исследованию весьма сложных процессов, связанных с попытками реализовать «университетский проект» на белорусской земле. В данном случае возможно кратко представить лишь два достаточно новых сюжета — об осмыслении в Минске и Москве структуры будущего университета и о людях, изначально прича-

стных к формированию самой идеи БГУ. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что все действия обеих сторон должны были учитывать крайне сложную политическую обстановку. Например, Минск, где изначально планировалось создать университет, после бурных событий осени—зимы 1917 г. вскоре пережил две оккупации: немецкую (февраль—декабрь 1918 г.) и польскую (август 1919 г. — июль 1920 г.). Одновременно в Москве решался коренной вопрос — о политической будущности бывшего «северо-западного края». Его решение в значительной степени зависело как от общей стратегии формирования советской государственности, так и от конкретики восприятия большевиками «белорусской специфики» с учетом неременной необходимости укрепления границ на запад от Москвы и Смоленска. Разумеется, принимая во внимание настроения (весьма неоднозначные) в самой белорусской политической элите.

Так что путь от февральского 1919 г. декрета о создании БГУ до начала его реальной деятельности с конца октября 1921 г. был крайне извилистым и противоречивым. Но совместными усилиями представителей Минского губернского отдела народного образования и наркомата просвещения РСФСР он был преодолен. Реально вся конкретика подготовительных работ осуществлялась весьма малочисленными Минской и Московской организационными комиссиями. Как раз их члены и создали всевозможные проекты факультетской структуры университета в Минске. И, что важно, подготовили наброски некоторых учебных планов. Еще одним неременным направлением их деятельности был подбор высококвалифицированных преподавательских кадров, в первую очередь профессуры. Если попытаться кратко определить итоги подобных организационных и интеллектуальных усилий, то следует признать: за более чем два с половиной года (март 1919 г. — сентябрь 1921 г.) был наработан материал и для открытия БГУ, и для обеспечения его перспектив развития чуть ли на десятилетие вперед.

Приведем несколько конкретных фактов по вышеназванным позициям. Изначально спорным был вопрос о факультетах: их количестве и первостепенной надобности для молодого белорусского государства. Так, в марте 1919 г. Москва согласилась было, что речь следует вести о создании агрономического, есте-

ственного и экономического факультетов (правда, ответственный работник наркомата просвещения РСФСР М. Н. Покровский предлагал изначально создать только факультет социальных наук). Между тем, представители Белорусского национального комитета исходили из потребности иметь в республике «факультеты общественные, филологические, медицинские, агрономические и естественные». Московская комиссия, уточнив подобную расплывчатость намерений белорусских коллег, вскоре заявила, что БГУ начнет свою работу с 1 мая 1919 г. на 5 факультетах: социальных наук, естествознания, математики, медицины, агрономии и мелиорации [3, л. 1, 6, 6 обр., 13].

Вот только первоначальные планы разошлись с политическими реалиями — Минск был оккупирован польскими войсками. После его освобождения Минская комиссия возобновила свою деятельность в августе 1920 г. и в специальной записке, посланной в наркомат просвещения РСФСР, помимо иного исходила из того, что БГУ должен быть создан в составе историко-литературного, естественного, медицинского и агрономического факультетов. Констатировались не только потребности Беларуси в специалистах этих областей знаний, но и факт непереносимости республики к советской России: представители Университетской комиссии Минского областного управления народного образования исходили из того, что ССРБ не только один из «регионов Российской Республики», но «один из самых неблагоприятных <...> во всех отношениях».

Через короткое время Минск назвал новый перечень необходимых республике факультетов: физико-математический с кафедрами естественных, агрономических и технических наук, «словесно-филологический» с кафедрами белорусской и еврейской филологии, факультет исторических и политических наук и медицинский. В пользу названных приводились яркие аргументы: для медфака в Минске «достаточно трупов и пациентов», для агрономического есть «ферма с опытным полем» и т. д. [4, л. 11—14 об.]. Одновременно некоторые члены Минской комиссии пытались будировать в Москве вопрос и о более прагматичном варианте — вместо университета сначала создать «Педагогический институт» (Л. Б. Слепян) и «Политехнический институт» (Н. К. Ярошевич). Вместе с тем последний все же отстаивал необ-

ходимость создания в составе задуманного университета математического факультета как базы «для будущих технических факультетов или политехнических институтов». Адептом матфака был и филолог — академик Е. Ф. Карский, который считал этот факультет самым дешевым и простым в организации и даже предлагал российского профессора И. Р. Брайцева на его «главную кафедру». Летом—осенью 1920 г. конкретизировалось мнение о необходимости и возможности в тех условиях ориентироваться на создание в составе будущего БГУ медфака, филфака, агрофака и факультета естественных наук. Во время дискуссий в Москве Е. Ф. Карский, В. И. Пичета и Ф. Ф. Турук полагали, что реально организовать обучение на историко-филологическом факультете [4, л. 20 об., 25].

Для реализации проекта Белорусского университета важнейшей вехой можно считать приезд 27 декабря 1920 г. в Минск группы российских ученых — членов Московской комиссии. Тогда и было решено, что руководство текущими делами должен держать в своих руках В. И. Пичета. Было заострено внимание на необходимости полноценного сопровождения деятельности БГУ научными институциями — от научных обществ до университетских НИИ, клиник, лабораторий и др. Другим судьбоносным событием на пути по созданию БГУ явилось решение, принятое 17 апреля 1921 г. на 3-м заседании ЦИК Советов ССРБ, развернутое на следующий день постановлением Президиума ЦИК. Были подтверждены «ранее изданные указы» об открытии в городе Минске Белорусского государственного университета» в составе рабочего, общественного, медицинского, сельскохозяйственного и физико-математического факультетов. Особое внимание было уделено подготовке врачей и агрономов «с учетом ряда особенностей Беларуси в санитарно-гигиеническом плане, а также в сельском хозяйстве». Это постановление нацеливало на создание при БГУ особого НИИ белорусской и еврейской культуры.

Однако от апреля до октября 1921 г. произошла очередная существенная корректировка всех вышеназванных планов. Белорусский государственный университет открыл свою деятельность 30 октября 1921 г. в составе всего лишь медицинского факультета и первого порождения советской высшей школы — факультета общественных наук, который состоял их 4-х отделений (экономического, правового, педагогического и этнолого-лингви-

стического) [5, с. 7]. Оба факультета начинали свою деятельность, будучи обеспеченными реальными учебными планами и преподавательскими кадрами. Изъявившие желание приехать в пограничный Минск на работу в БГУ за лето—осень 1921 г. прошли весьма жесткий конкурсный отбор. Их решение определялось многими факторами, среди которых преобладало стремление начать свою творческую жизнь с «чистого листа». Немало ученых просто поддавалось на уверения о комфортном обустройстве быта, что в условиях тотального разорения многое значило. Однако большинство интеллектуалов искренне верили, что своей научно-педагогической работой они будут способствовать созданию нового, национально ориентированного, по-настоящему классического университета. Эти и «идея», и «миссия» БГУ, несмотря на чудовищные последствия только-только отгремевших двух революций, Гражданской войны, двух оккупаций, увлекли десятки уже состоявшихся профессионалов высшего уровня знаний. Неким выдающимся олицетворением этого подвижнического духа и дела стал первый ректор первого белорусского университета — историк Владимир Иванович Пичета.

Если исходить из контекста конференции («генезис интеллигенции / интеллектуалов»), то как раз в условиях создания БГУ по сути и происходил генезис белорусской интеллектуальной элиты. К нему имели непосредственное отношение россияне (не обязательно русские по этнической принадлежности), родившиеся в различных национальных регионах бывшей Империи, — от ответственных работников наркомата просвещения РСФСР историка М. Н. Покровского и астронома В. Т. Тер-Оганесова до ученых разных направлений знаний (история, филология, экономика, философия, математика, химия, физика, медицина, агрономия, зоотехника и др.). Назовём лишь некоторые имена: В. И. Пичета, И. Р. Брайцев, Л. С. Таль, Д. П. Коновалов, В. П. Волгин, В. И. Струев, А. М. Васютинский, Д. Н. Прянишников, А. Ф. Фортунатов, А. А. Калантар, Н. М. Кулагин, П. И. Карузин, А. А. Борзов, Л. С. Минор, В. П. Тёпин, А. М. Беркенгейм и другие.

Вместе с тем в этом процессе доминировали (вначале идейно, креативно по своим действиям, а затем реально в обеспечении учебной и научной составляющих) уроженцы белорусских

земель. Среди них очевидна заслуга тех интеллектуалов, кто в условиях революционных сдвигов вошел в политику и хотя не сразу, но все-таки стал в конце концов искренним приверженцем и политической самостоятельности Беларуси, и национально-государственной сути Белорусского университета: Д. Ф. Жилунович, В. М. Игнатовский, А. Г. Червяков, М. Я. Фрумкина, И. П. Кореневский, А. Ф. Мясников, З. Г. Гринберг и др. С белорусской стороны (учитывая как работу, так и происхождение) знаковыми в истории БГУ являются Е. Ф. Карский, М. В. Довнар-Запольский, Ф. Ф. Турук, А. А. Смолич, Н. А. Янчук, И. С. Савватиев, В. Н. Андерсен, С. Д. Каминский, Э. А. Будька, П.-М. П. Масониус, Д. М. Мейчик, В. И. Самойло, И. И. Красковский, М. Б. Кроль, П. С. Марек, В. Л. Ивановский, Е. А. Гурвич, Н. К. Ярошевич, А. Ф. Войцеховский, В. В. Масловский, А. С. Неканда-Трепка, К. М. Годыцкий-Цвирко, Ч. И. Родзевич, Л. Б. Слепян, М. Е. Вейцман и др. Пространные очерки о многих из вышеперечисленных, как и о других знаковых для БГУ интеллектуалах, в развернутом виде (более 1600 страниц текста) представлены в пятитомнике «Интеллектуальная элита Беларуси», подготовленном к столетию БГУ [2].

Сам факт появления на белорусской земле университетской корпорации профессоров, доцентов, преподавателей и студентов стал прорывом в интеллектуальном состоянии общества. Первые несколько десятков профессоров и преподавателей и около 1500 студентов, заполнившие аудитории БГУ с 31 октября 1921 г., воплотили не столько количественные параметры, но цивилизационную суть первого для Беларуси подобного объединения людей.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701.
2. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования. Кн. 1—5 / науч. ред. О. А. Яновский. Минск, 2017—2021.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 131.
4. НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1.
5. Першы выпуск Беларускага дзяржаўнага ўнівэрсітэту 20 лютага 1925 году. Витебск, 1925. 31 с.

Секция 1
ГЕНЕЗИС, ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

УДК 130.2

М. В. Жульков

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМ И ГЛОБАЛЬНЫМ**

Статья посвящена поискам ответа на вопрос о соотношении глобального и национального в сознании современной интеллигенции. Автор приходит к вводу, что в условиях разворачивающейся межнациональной и межцивилизационной конкуренции необходимо гармонично сочетать индивидуальное, национальное и глобальное на основе ноосферного императива, сознательного использования психической энергии, формулирования национальных целей.

Ключевые слова: глобальное сознание, национальное сознание, мировая интеллигенция, национальные цели, ноосферный императив, психическая энергия.

M. V. Zhulkov

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

**INTELLIGENTSIA IN THE MODERN WORLD:
BETWEEN NATIONAL AND GLOBAL**

The article is devoted to the search for an answer to the question of the relationship between the global and the national in the minds of the modern intelligentsia. The author comes to the conclusion that in the conditions of unfolding interethnic and intercivilizational competition, it is necessary to harmoniously combine the individual, national and global on the basis of the noospheric imperative, the conscious use of psychic energy, and the formulation of national goals.

Key words: global consciousness, national consciousness, world intelligentsia, national goals, noospheric imperative, psychic energy.

Современный мир находится в состоянии борьбы. Внутри-видовая агрессия в человеческом обществе видоизменилась и получила продолжение в борьбе между людьми во всех сферах жизни, между социальными, этническими, религиозными, профессиональными группами и классами, между государствами и блоками государств. В этой борьбе принимают участие и представители интеллигенции. Современная ситуация по-новому ставит вопрос об иерархии ценностей. С одной стороны, мир становится глобальным и общечеловеческие ценности (провозглашаемые религиями мира) должны найти в современном мире свое настоящее воплощение. С другой стороны, мир по-прежнему разделен на нации-государства и индивидуальное сознание оказывается захваченным полем национального сознания.

Чтобы прояснить значение интеллигенции в этих процессах, необходимо рассмотреть ряд сопутствующих проблем: состав современного человечества с точки зрения развития сознания; состав и структура интеллигенции; проблемы достижения целостного сознания и др.

Рассматривая состав человечества, используем концепцию личности, разработанную нами в следующем виде: развивающееся сознание определяет сущность личности; биологическое тело является субстратом системы личности; психика, объединяющая подсистемы восприятия, желания, оценки и эмоций, образует структуру; концептом личности выступает ум [5; 6, с. 509—524]. Личность — это системное свойство, появляющееся при общем действии всех трех составляющих. Между компонентами системы должны возникнуть структурные связи (каналы связи), по которым может циркулировать энергия системы. По возможности свободная циркуляция энергии должна объединять структуру личности в системно организованное целое. Такой энергией может быть энергия чувств, психическая энергия, энергия мысли и, наконец, энергия сознания. В настоящее время две последние энергии предпочтительнее для формирования целостности личности. Данная модель помогает прояснить происхождение человека. В соответствии с ней историческое развитие личности шло постепенно, начиная с биологического тела и его психофизического сознания (моносистема), мышление и психическая активность в современном понимании отсутствовали. Далее развился

психический компонент сознания и приобрел со временем самостоятельное значение, появилась устойчивая система из двух компонентов: тело плюс психика (бинарная система). Затем, последняя по порядку, отделилась и начала свое развитие подсистема ума с его гигантским потенциалом культурного и цивилизационного развития, оформилась тройственная система, которую мы имеем в настоящее время. Задача, определяемая такой структурой, состоит в интеграции всех трех компонентов в единое целое, подчинение его основному ноосферному закону: мысль (информация) — энергия — результат (информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество) [6, с. 538—550]. Можно предположить, что существенная часть нынешнего человечества переходит от подчинения собственным желаниям к их контролю с помощью ума. Ум развивается с помощью систем образования, сформировавшихся в двадцатом веке, а также с помощью все более интеллектуальных профессий, устранения физического труда. Личность не исчерпывает всего состава человека, который согласно представлениям йоги, является семеричным. Кроме низшего я личности, утверждается наличие Высшего Я. Человек приходит к целостному сознанию, в чем и состоит одна из главных целей эволюции, когда достигает синтеза низшего я и Высшего Я [2, с. 64—68]. Состояния сознания, соответствующие Высшему Я, определяются как абстрактный ум, интуитивный ум и духовная воля. На основании нашей разработки состав современного человечества с точки зрения структурного развития и ее интегрированности можно представить так: небольшая часть находится на стадии доминирования чувств и физического тела; следующая все еще многочисленная группа — человек желающий, заставляющий свой ум служить своим влечениям. Эта группа людей легко управляема извне, составляет проблему для любого правительства, эта группа требует «хлеба и зрелищ», легко поддается внушению, выходит на «баррикады» против власти. Следующая группа — тоже достаточно большая, переходная от власти желаний к власти мысли; небольшая группа мыслящих людей; еще меньшая группа с развитой интуицией. По нашему мнению, интеллигенция начинается там, где развивается мысль — то есть переходная группа, мыслящие, интуитивные.

Отметим, что у человека в распоряжении две силы — это энергия психической природы и читты (ума) [1, с. 21]. В концепции этногенеза Л. Н. Гумилева основой нового этноса становится группа пассионариев — людей с повышенной психической энергией [4]. Эта группа людей, у которых доминирует вторая составляющая личности — система желаний. В то же время все большее значение в человеческой эволюции приобретают люди ментально развитые, например, ученые. Человек должен научиться с помощью ума контролировать свою психическую природу, достигая целостного сознания. Определенная мера контроля показывает принадлежность человека к интеллигенции. Ментально развитый человек — это просто интеллектуал, а интеллект в соединении с нравственностью выражает интеллигентность.

В связи с этическими требованиями и усиливающейся борьбой на международной арене нужно рассмотреть сочетание всеобщей этики (глобальной), индивидуальной и локальной (национальной). Одна из важных тенденций современного мира — формирование мировой интеллигенции [9], призванной руководить формированием глобальной ноосферной цивилизации, глобального ноосферного сознания. Г. С. Смирнов использует понятие ноосферного императива, чтобы показать возможность гармоничного соединения общечеловеческой и индивидуальной этики: «Ноосферный императив может быть сформулирован следующим образом: *благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель*. Ноосферный императив рассматривает человека, общество и природу как единую целостную систему, делает акцент на их общечеловеческое, глобально-планетарное содержание, а ноосферу — как квинтэссенцию духовной и материальной культуры, функционирующей в мировом Универсуме» [9, с. 450]. Отметим здесь, что при формировании ноосферы борьба между светом и тьмой продолжается, а не исчезает, как можно было бы подумать. Так, В. И. Вернадский отмечает это в своей книге о планетном явлении научной мысли: «добро и зло есть также создание ноосферы» [3, с. 90]. Эта борьба выливается в противостояние различных групп внутри любого национального сознания, а также в противостоянии элит разных стран, ядром которых интеллигенция и является. Существует и различное понимание

глобальной цивилизации, целей и процессов глобализации и ее парадигм. Н. Н. Моисеев, развивая ноосферные взгляды В. И. Вернадского, создал оригинальную версию российского глобального сознания, разрабатывая ее на основе ноосферной парадигмы глобального сознания [9, с. 330]. Ноосферный императив опирается на экологический и нравственный императивы, предложенные Н. Н. Моисеевым, а ноосферный императив, в свою очередь, находит свою опору в религиозных заповедях, классической русской литературе [8, с. 293]. Как отмечается в «Йога сутрах», выполнение пяти Заповедей (непричинение вреда, правдивость, недопущение воровства, невоздержанности и алчности) «является всеобщей обязанностью, не зависящей от расы, места, времени или непредвиденных обстоятельств» [1, с. 97]. Эти пять запретов являются основой всеобщей нравственности (глобальной этики) и, следовательно, глобального сознания. К ним нужно добавить планетарный масштаб мышления, необходимость действия в национальных интересах, в соответствии с известной максимой: мыслить глобально, действовать локально. Сегодня нации и национальные сознания подвергаются различным угрозам: экономическому и политическому давлению (санкции, угроза применения силы), информационным и гибридным атакам, попыткам оранжевых революций (основанных на концепции контролируемого хаоса). Какие инструменты, кроме ноосферного императива, дающий универсальную основу, возможно противопоставить этим угрозам? На наш взгляд, это развитие образования, формулирование национальных целей, применение психической энергии. Учение о психической энергии разработано Е. И. и Н. К. Рерихами в книгах Живой этики [7]. Накопление и использование психической энергии позволит достигать необходимых целей на всех уровнях. Нация, имеющая цели, которые захватывают и энергетизируют всего человека и заряжают нацию, с большим трудом может быть подвержена вмешательствам извне. Россия сегодня нуждается в прояснении своих целей, национальной идеи, нуждается в формулировании экзистенциального проекта, который бы объединил нацию, национальное сознание, так чтобы гармонично соединить индивидуальное, локальное и глобальное в сознании каждого гражданина и в первую очередь в сознании интеллигенции. Интеллигенция развивает

и транслирует Культуру, которая может стать ведущей силой в развитии нашей цивилизации. Как отмечал Н. К. Рерих: «Как мало сознаний, которые могут видеть перерождение планеты путем культуры!» [7, с. 390, с. 180]. Одна из задач интеллигенции состоит в том, чтобы, несмотря на борьбу и конфликты, которые до сих пор были ведущими способами эволюции человеческой цивилизации, сделать культуру ведущей силой в этом развитии.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что вопрос о сочетании индивидуального, глобального и национального в сознании современной интеллигенции не такой простой и нуждается в дальнейшем изучении.

Библиографический список

1. *Бейли А. А.* Свет души: пересказ Йога Сутр Патанджали. М.: Навна-3, 2000. 384 с.
2. Бхагавад-Гита, или Песнь Господня. Киев: София, 2000. 160 с.
3. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Астрель, 2005. 512 с.
5. *Жульков М. В.* Козволюционные процессы развития ноосферной личности // Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история: колл. монография / под ред. Г. С. Смирнова и Д. Г. Смирнова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 153—165.
6. *Жульков М. В.* Ноосферные энергетизм: глобальная организованность космопланетарного универсума. Иваново: Ивановский государственный университет, 2019. 612 с.
7. Иерархия // Агни Йога: в 4 т. Донецк: Сталкер, 1999. Т. 2. С. 106—193.
8. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.
9. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.

В. В. Комиссаров

профессор, Ивановская государственная
сельскохозяйственная академия (Иваново)

**ОБЩЕСТВЕННАЯ САМОКРИТИКА КАК ФУНКЦИЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Публикация посвящена анализу важной функции интеллигенции — общественной самокритике. Вопрос изучается на примере советского общества. Отмечаются особые условия деятельности советской интеллигенции, специфические методы общественной самокритики в различных видах деятельности.

Ключевые слова: интеллигенция, советское общество, общественная критика, самокритика, социальные противоречия.

V. V. Komissarov

Professor, Ivanovo State Agricultural Academy (Ivanovo)

**PUBLIC SELF-CRITICISM AS A FUNCTION
OF THE INTELLIGENTSIA IN SOVIET SOCIETY**

The publication is devoted to the analysis of an important function of the intelligentsia-social self-criticism. The question is studied on the example of the Soviet society. The special conditions of the Soviet intelligentsia's activity, specific methods of social self-criticism in various types of activity are noted.

Key words: intelligentsia, Soviet society, public criticism, self-criticism, social contradictions.

Общественная самокритика всегда была основной и важнейшей функцией интеллигенции в любом стратифицированном обществе, хотя формы и способы реализации данной функции могли отличаться в зависимости от исторических условий. Данный тезис не нуждается в серьезном обосновании. Об этом об­разно писали братья Стругацкие в своем культовом романе «Трудно быть богом»: «Без искусства и общей культуры государ-

ство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно поощрять лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей... Рано или поздно приходится разрешать университеты, научные общества, создавать исследовательские центры, обсерватории, лаборатории, создавать кадры людей мысли и знания, ... людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей» [4, с. 124—125].

Применительно к советской интеллигенции данная функция была серьезно деформирована. Причины этого лежали как в политических факторах, связанных с ограничением свобод в сфере информации, так и идеологических обстоятельствах. В последнем случае речь идет о марксистском тезисе, декларировавшем исчезновение антагонистических противоречий в социалистическом обществе. А отсутствие таковых противоречий уменьшало основания для критики.

Например, почти сразу после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП (б)» в 1939 г. был подготовлен краткий словарь по марксистской философии, должный закрепить базовые понятия новой официальной идеологии и философии. В этой коллективной публикации было выделено всего два самостоятельных социальных противоречия и соответствующие им противоположности, присущие, по мнению авторов, социалистическому обществу: противоположность между городом и деревней; противоположность между умственным и физическим трудом [2, с. 229—234]. И та, и другая противоположность объявлялись исчезающими по мере продвижения к коммунизму.

Несколькими годами позднее был опубликован более развернутый вариант философского словаря. Его авторы повторили тезис о социальных противоречиях в советском обществе. Они не отрицали их существование, но выделяли принципиально иной характер разрешения. «Если в прежних общественно-экономических формациях противоречия разрешались путем смертельной, кровавой борьбы, ибо существовали классы, заин-

тересованные в сохранении старого, то при социализме и коммунизме противоречия безболезненно преодолеваются сознательной деятельностью общества, ибо все труженики общества заинтересованы в движении вперед», — писали авторы словаря [1, с. 72—73]. Естественно, данное положение снижало потребность в общественной самокритике со стороны интеллигенции.

Однако периодически в СССР активизировались критические кампании, когда бичевание отдельных «язв общества» поощрялось. Тогда же вновь начинались дискуссии о социальных противоречиях в социалистическом обществе. Обычно эти процессы были связаны с обострением борьбы за власть в высшем партийном и государственном руководстве. Такой период имел место в середине 1950-х гг. После смерти Сталина борьба за лидерство заставила участников искать уязвимые для критики места своих оппонентов, что создавало в целом более благоприятный фон для реализации критической функции интеллигенции. Так в 1958 г. в центральном теоретическом и политическом партийном журнале «Коммунист» была напечатана статья А. Соболева о новой трактовке социальных противоречий советского общества. Автор, конечно же, декларировал исчезновение антагонистических противоречий, подверг критике идею о вращении капитализма в социализм [3, с. 17]. Но при этом А. Соболев дал развернутый перечень противоречий социалистического общества. Среди них: противоречия между СССР и капиталистическими странами; противоречия между «демократизмом советского строя» и нарушениями законности; противоречия между демократическим характером советского строя и «бюрократическими извращениями в некоторых звеньях аппарата»; противоречие между потребностями населения в продуктах питания и уровнем сельскохозяйственного производства; противоречие между необходимостью технического прогресса и консерватизмом ряда руководителей и т. д. [3, с. 18—20]. Несложно заметить, что указанные противоречия четко соотносятся с обвинениями в адрес политических оппонентов Н. С. Хрущева. Здесь мы видим и нарушения законности (Л. П. Берия), и бюрократические извращения (Н. А. Булганин и Г. М. Маленков), и недостатки сельскохозяйственного производства (обоснование реорганизации машинно-тракторных станций). А. Соболев дал типологию

противоречий при социализме, разделив их на основные и второстепенные. К основным он относил общесоциологические противоречия, действующие в любом обществе. Например, противоречие между обществом и природой. О нем следует сказать особо. Универсальный характер этого противоречия позволил сделать природу основным антагонистом советского человека в культуре и искусстве. Следует заметить, что в советской научно-фантастической литературе на тему коммунистического будущего главным был конфликт человека и природы. Славные космопроходцы, отважные покорители глубин и недр преодолевали именно сопротивление стихии. Хотя образ марксистского коммунизма давал много поводов для рассуждения о возможных социальных противоречиях, эта тематика в советских подцензурных публикациях грозила обвинениями в ревизионизме. Противостояние с природой нашло отражение и в реалистических формах искусства. Здесь уместно вспомнить фильм Михаила Калатозова «Неотправленное письмо» (1959 г.), героические повести о советских полярниках Владимира Санина «72 градуса ниже нуля», «Точка возврата», романы Олега Куваева «Территория», «Птица капитана Росса» и многие другие.

Также А. Соболев выделял и другие общесоциологические противоречия: между производством и потреблением, базисом и надстройкой, производительными силами и производственными отношениями [3, с. 21]. Важную роль указанный автор отводил противоречию между личным и общественным [3, с. 25]. Оно также неоднократно обыгрывалось в литературе и кинематографе. Критика мещанства и накопительства была заметным явлением советской культуры 1950—1960-х гг.

Конечно, по мере стабилизации политических отношений после смерти Сталина окно разрешенных возможностей для общественной критики и самокритики становилось все меньше. К 1970-м гг. фактически остались две внутрисоциологические темы, в которых допускались критические публикации. Это недостатки сферы услуг и охрана природы. Именно на эти темы писались эстрадные номера для советских сатириков, снимались кинофильмы. Например, сюжет кинокомедии Александра Серого «Ты мне — я тебе» (1977 г.) основан именно на экологической проблематике. Братья Стругацкие, готовя сценарий фильма

«Чародеи» по отдаленным мотивам своей повести «Понедельник начинается в субботу», вынужденно изменили профессию своих персонажей: они стали не учеными, как в повести, а работниками сферы услуг.

Конечно, оставалась возможность критических публикаций в ведомственных изданиях с грифом «для служебного пользования» или «секретно». Однако эта информация носила узкопрофессиональный характер, была доступна только специалистам, и то не всем, и в силу закрытости не всегда приводила к позитивным результатам.

Ограничения в информационном поле неизбежно уводили часть советской интеллигенции в открытую политическую оппозицию режиму, в т. н. диссидентское движение. Однако реальное влияние диссидентов на власть и общество было крайне незначительным.

Гораздо более результативным было участие интеллигентов в различного рода «аппаратных» формах общественной самокритики. Здесь можно указать такие методы, как обращения в т. н. «директивные органы», коллективные письма, сборы подписей. Примечательно, но советская послевоенная интеллигенция подобными чисто «академическими» методами добивалась в этом плане больших результатов, чем политическая оппозиция. Среди таких достижений: реабилитация классической генетики и отставка Т. Д. Лысенко в начале 1960-х гг.; пресечение планов по ревизии решений XX съезда в конце 1960-х; сохранение экологии Байкала; прекращение проекта по переброске части стока северных рек на Юг в 1980-е гг. И это не говоря о сохранении огромного количества памятников культурного наследия. Это не значит, что политические свободы не нужны, напротив, для интеллигенции они жизненно важны и принципиальны. Но в этом вопросе научный анализ не должен подменяться политической демагогией.

Библиографический список

1. Краткий философский словарь. 2-е изд. М.: ОГИЗ—Госполитиздат, 1941.
2. Краткий философский словарь. Б. м.: ОГИЗ, 1939.

3. *Соболев А.* О противоречиях социалистического общества и путях их преодоления // Коммунист. 1958. № 2. С. 14—33.
4. *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Трудно быть богом. Понедельник начинается в субботу. М.: Молодая гвардия, 1966.

УДК 94

А. А. Кузнецов

заместитель начальника отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва)

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РККА В 1918—1923 ГГ.

В статье дается краткий обзор организаций, занимающихся научно-технической работой в РККА в 1918—1923 гг. Раскрываются основные задачи, стоящие перед этими учреждениями и их структура.

Ключевые слова: РККА; Отдел военных изобретений; научно-технический комитет.

A. A. Kuznetsov

The Deputy Chief of Department of Research Institute (Military History) of Military Academy of the General Staff of Russian Armed Forces, Adviser of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences (Moscow)

SCIENTIFIC AND TECHNICAL ORGANIZATIONS OF THE RED ARMY IN 1918—1923

The article provides a brief overview of the organizations involved in scientific and technical work in the Red Army in 1918—1923. The main tasks facing these institutions and their structure are revealed.

Key words: Red Army; Department of Military Inventions; scientific and technical committee.

После Октябрьской революции 1917 г. РКП (б) провозгласила отход от старых принципов управления и отказалась от по-

стоянной армии. Однако осознавая, что одним из основных признаков государственности является наличие вооруженных сил, обеспечивающих суверенитет страны, 15 января 1918 г. была создана Рабоче-крестьянская красная Армия (РККА).

Для этого потребовалось привлечение опытных специалистов для научного сопровождения боевых действий и строительства РККА. Имелась необходимость в обобщении и систематизации опыта Российской императорской армии и флота, а также использовании её задел в области развития вооружения.

Стоит отметить, что военно-историческая и уставотворческая работа в РККА достаточно подробно раскрыта в ряде публикаций [1]. В тоже время научно-техническая составляющая, освящена относительно слабо.

Первая мировая война продемонстрировала, что развитие вооружения повлекло за собой существенные изменения в военном искусстве, и дальнейший прогресс в этой области неминуем.

При этом оснащение РККА оставалось достаточно слабым. В связи с этим Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) создал Отдел военных изобретений (ОВИ) Комитета по делам изобретений [2]. Положение о нем было принято 11 марта 1920 г., где устанавливалось, что его ведению подлежат изобретения, которые он признает имеющими военное и важное для интересов государственной обороны значение.

Главная цель создания ОВИ заключалась в объединении всей творческой работы отдельных ученых, технических комитетов главных управлений военного ведомства, а также связывании работы по изобретениям и усовершенствованиям в области военной техники всего фронта и тыловых снабжающих армию учреждений с Комитетом по делам изобретений для того, чтобы работа на оборону была освобождена от излишнего параллелизма и прямее отвечала потребностям армии и флота [3].

Заведование ОВИ вверялось Президиуму, назначаемому президиумом ВСНХ по согласованию с Чрезвычайным Уполномоченным Совета Оборона. В состав Президиума вошли: *В. А. Петров*, *А. П. Ершов*, *А. К. Кауфман* и секретарь *А. С. Дормидонтов*. Структурно отдел делился на 6 секций: морскую, воздушного флота, артиллерийскую, военно-инженерную, снабжения и военно-промышленную. При ОВИ учреждается

Военно-технический совет, в составе представителей главных военных управлений и их технических комитетов (Главное военно-инженерное управление, Главное артиллерийское управление, Главное управление военного флота, Морское ведомство, Центральное управление снабжений), РВСР, Промвоенсовета при Чрезвычайном уполномоченном совета обороны по снабжению Красной армии и Красного флота, Союза изобретателей. Всего 15 человек и 6 заместителей (считая Президиум ОВИ) [4].

Как видно органы военного управления принимали непосредственное участие в военно-научной работе и являлись организаторами исследовательских работ по своим направлениям.

Так на Управление связи РККА возлагалась разработка мероприятий по развитию всех отраслей по развитию всех отраслей военной телеграфно-телефонной, радиотелеграфной и почтовой техники. Основные вопросы исследований и разработок в области связи РККА возлагались на военно-технический совет Управления связи. В его обязанности входило также рассмотрение и одобрение уставов, наставлений, руководств учебных и научных трудов по всем специальностям связи. Для развития своей отрасли знаний военно-технический совет имел полномочия на командирование за границу лиц для ознакомления с постановкой дела связи. Также ему было предоставлено право самостоятельно взаимодействовать с научными учреждениями и руководить технической деятельностью телеграфно-телефонного и радиотелеграфного отделов секции «электросвязь» электротреста ВСНХ. Он состоял из управления делами с редакцией издания совета и трёх секций: телефонно-телеграфной, радиотелеграфной, организационной. Председателем военно-технического совета являлся начальник Управления связи РККА [5].

Определённая научная работа осуществлялась в Управлении корпуса военных топографов. В его подчинении находилась центральное учреждение — Геодезический отдел, который проводил и организовывал работы, имеющие научно-исследовательский характер [6].

Особое внимание в области исследовательской и изобретательской деятельности было обращено к военной авиации. Руководство научными вопросами в этой отрасли возлагалось непосредственно на Главное управление Рабоче-крестьянского

красного воздушного флота (Главвоздухфлот). В его ведении состояла постановка заданий и руководство деятельностью всех научно-технических учреждений по вопросам авиации и воздухоплаванию; составление руководств, инструкций, брошюр и издание вестника Воздушного флота. Для этого был создан научно-технический отдел и состоящий при нем научно-технический комитет [7], который в последующем был подчинен непосредственно Главвоздухфлоту [8]. В его состав входили постоянные члены по должности: начальник Главвоздухфлота, начальник Научно-технического отдела, начальник управления по снабжению, директор аэротехнического института или их заместители; постоянные члены-специалисты: по аэромеханике и аэродинамике, испытанию аэропланов, воздухоплаванию, моторам внутреннего сгорания, теоретической и прикладной механике, электротехнике, точным приборам; а также совещательные члены [9, с. 107].

На Научно-технический комитет возлагалось: рассмотрение всех теоретических, технических и практического применения воздушного флота и проектов изобретений и усовершенствований по всем его отраслям; определение образцов и типов специального имущества и технических условий для них; обсуждение проектов руководств, инструкций, наставлений, пособий по вопросам военно-техническим и применения средств воздухоплавания [10].

В марте 1921 г. состоялся X съезд РКП (б), в повестке которого было решение о возрождении и укреплении флота на научной основе. Для реализации поставленных вопросов в ноябре 1923 г. был создан, подчиняющийся непосредственно помощнику главнокомандующего вооруженными силами республики по морским делам, Научно-технический комитет морской. Среди главных задач стоящих перед комитетом являлись контроль и проведение исследований и экспериментов в области военной техники морского базирования, а также её усовершенствование; разработка новых способов борьбы на море. В его обязанности входило установление связей с научными, конструкторскими и судостроительными организациями и отдельными изобретателями. Председателем комитета был назначен *П. Н. Лесков*. В его состав входили почётные члены — из числа наиболее известных учёных, постоянные члены — из руководящего состава РККФ,

совещательные члены — из теоретиков и практиков военноморского дела. Комитет состоял из шести секций: артиллерийской; минной; механико-электротехнической и связи; кораблестроительной; подводной; физико-химической [11].

Также в положении о Главном военно-инженерном управлении (ГВИУ) указывалось, что оно обязано заниматься учёной частью военного ведомства по всем отраслям военно-инженерного дела. Высшим научно-техническим органом организации являлся Инженерный комитет, на который возлагалось рассмотрение вопросов теории и практики военно-инженерного дела; производство исследований и опытов, а также контроль над работами по своему направлению. Штат Инженерного комитета вводил следующие подразделения: главная чертежная, техническая библиотека, военно-инженерная редакция и инженерный полигон. В его состав входили: председатель, управляющий делами, его помощники, начальники Военно-инженерной академии и Высшей электро-технической школы, профессора и прочие [12]. В последующем инженерный полигон и редакция были выведены из его состава. При этом в штат ГВИУ включена электро-физическая лаборатория [13] — высшее научное учреждение, для разработки техники военно-инженерного назначения. На сотрудников лаборатории возлагалась обязанность усовершенствование и разработки инженерных средств и создание методов их применения.

Вместе с тем Главное броневое управление, созданное 11 марта 1919 г., имело в составе техническое отделение, в котором было научно-техническое отделение [14]. Во время реформы 1921—1923 гг. на управление возлагались задачи разработки методов борьбы с броневыми частями, рассмотрение проектов изобретений усовершенствований, касающихся броневых дел [15]. При начальнике Броневых сил РККА функционировал Броневой военнотехнический совет, являющийся высшим руководящим научно-техническим органом РККА. В его обязанности входили: рассмотрение вопросов техники, её вооружения и снаряжения и применения бронечастей; проведение исследований в этих областях; рассмотрение новых изобретений; разработка оснований устройства броневых сил; составление специальных уставов, наставлений, руководств, пособий инструкций и технических условий [16].

В июле 1923 г. Управление бронетанковых сил было расформировано с передачей функций Главному артиллерийскому управлению [17]. Артиллерия на тот момент требовала особого внимания, а разработка нового вооружения являлась наукоёмкой и организационно трудной задачей. Сложность процесса подтверждалась структурой Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления РККА. В его состав входили следующие отделы: 1-й (орудия, снаряды, гильзы, минометы, мины, баллистика, таблицы стрельб); 2-й (установки, лафеты, повозки, амуниция, принадлежности); 3-й (боевая подготовка, артиллерийская стрельба, тактика артиллерии и вооружения); 4-й (механика, электротехника, оптика и автомобильное дело (с лабораторией)); 5-й (ручное оружие и пулеметы); 6-й (военная лаборатория, порох, осветительные, зажигательные, сигнальные средства); 7-й (материаловедение с механической лабораторией); 8-й (средства для воспламенения снарядов и применения взрывчатых веществ для снаряжения снарядов (с опытной снаряжательной мастерской и лабораторией при ней)); 9-й (удушающие средства, химические средства, газовая борьба и противогазная защита (с опытной снаряжательной мастерской и лабораторией при ней)); 10-й (учебные заведения артиллерийского ведомства, учебные полигоны — школы стрельб) [18].

В целом, задачи, решаемые видами вооруженных сил и Главными управлениями в 1918—1923 гг. охватывали обширный спектр исследовательских вопросов. При этом отличительными чертами периода становления военно-научной работы являлись следующие признаки: привлечение к работам в этой области военных специалистов; стремление к производству современных тому времени средств вооруженной борьбы; наличие научно-технических комитетов при видах вооруженных сил.

Таким образом, произошло формирование платформы для сохранения знаний офицерского корпуса Императорской армии для РККА. Создание научно-технических комитетов позволило сберечь ин интеллектуальный потенциал и создать научные школы, способствующие развитию советского вооружения.

Библиографический список

1. Богданов С. А., Шушканов Ю. Г. Порядок разработки уставных документов в ВС СССР в годы Гражданской войны и в межвоенный период (1918—1941) // Военная мысль. 2006. № 11. С. 66—70; Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. 318 с.; Кляцкин С. На заре Красной Армии (Разработка первых воинских уставов) // Военно-исторический журнал. 1967. № 3 С. 3—14; Пучков А. Г. Военно-исторические исследования в СССР, 1918—1987: проблемы координации: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 373 с.; Тархова Н. С. Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.) // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по док. рос. и зарубеж. арх.: материалы междунар. науч. конф., Москва, 7—8 сент. 2004 г. / отв. ред. В. П. Козлов. М.: Наука, 2006. С. 27—38.
2. РГВА. Ф. 4. Оп. 8. Д. 95. Л. 396—396 об.
3. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1423. Л. 15 об.
4. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 1041. Л. 342.
5. Приказ РВСР от 31 января 1921 г. № 2975. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17580&dst=100001#019176841396919597> (дата обращения: 06.06.2021).
6. Приказ РВСР от 31 января 1921 г. № 2974. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16991&dst=100001#09214559922381411> (дата обращения: 06.06.2021).
7. Приказ РВСР от 25 марта 1920 г. № 447/78.
8. Приказ РВСР от 3 октября 1921 г. № 2186. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18043&dst=100001#05642834468535711> (дата обращения: 06.06.2021).
9. Калужный Р. Г. Красная армия 1918—1934: структура и организация: справочник. М.: Фонд «Русские витязи», 2019. 888 с.
10. Приказ РВСР от 3 октября 1921 г. № 2186. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18043&dst=100001#0771724349976119> (дата обращения: 06.06.2021).
11. РГА ВМФ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
12. Приказ РВСР от 4 ноября 1921 г. № 2498. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18035&dst=100008#028981509207078937> (дата обращения: 06.06.2021).

13. Приказ РВСП от 16 июля 1921 г. № 1523. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18035&dst=100001#009481687202786881> (дата обращения: 06.06.2021).
14. Приказ РВСП от 11 марта 1919 г. № 499. Копии документов и материалов.
15. Приказ РВСП от 15 апреля 1922 г. № 935. Копии документов и материалов.
16. Приказ РВСП от 26 сентября 1922 г. № 2258. Копии документов и материалов.
17. Приказ РВСП от 19 июля 1923 г. № 1657. Копии документов и материалов.
18. Приказ РВСП от 10 января 1921 г. № 143. Копии документов и материалов.

УДК 316.343.652:314.74[069.02:929]

Л. П. Муромцева

доцент, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Москва)

РОЛЬ ЭМИГРАНТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЗДАНИИ МУЗЕЕВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Интеллигенция российского зарубежья делала все возможное, чтобы сохранить для потомков исторические и культурные реликвии. Особенно много эмигрантских музеев было ими создано в период между двумя мировыми войнами во Франции, Чехословакии, Югославии. Среди этих русских интеллигентов, чей высокий подвижнический дух сформировался еще в дореволюционную эпоху, следует назвать, в первую очередь, Валентина Федоровича Булгакова. Главным делом его жизни в эмиграции стало создание Русского культурно-исторического музея (РКИМ).

Ключевые слова: эмиграции, российское зарубежье музеи, реликвии, интеллигенция.

L. P. Muromtseva

Associate Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

THE ROLE OF THE EMIGRANT INTELLIGENTSIA IN THE CREATION OF MUSEUMS OF THE RUSSIAN ABROAD

The intelligentsia of the Russian diaspora did everything possible to preserve historical and cultural relics for posterity. Especially many emigrant museums were created by them in the period between the two World Wars in France, Czechoslovakia and Yugoslavia. It is worth mentioning Valentin Fedorovich Bulgakov among these Russian intellectuals, whose high ascetic spirit was formed in the pre-revolutionary era. The creation of Russian Cultural and Historical Museum (RKIM) became the main work of his life in exile.

Key words: emigration, the Russian Abroad, museums, relics, intelligentsia.

Духовная жизнь эмигрантской интеллигенции в 1920—1930-е гг. была достаточно насыщенной и полнокровной. В ней ярко проявилось стремление сохранить самобытность своей национальной культуры, не раствориться в иноязычной среде. После 1917 г. вместе с эмигрантами за границей оказалось немало культурно-исторических ценностей, вывезенных из России. Осевшие за ее пределами русские писатели и художники продолжали активную творческую деятельность. Будучи весьма стесненной в финансовых средствах, интеллигенция российского зарубежья делала все возможное, чтобы сохранить для потомков исторические и культурные реликвии, произведения изобразительного и прикладного искусства, а впоследствии вернуть их на Родину. Особенно много эмигрантских музеев и музейных собраний (всего же их насчитывается более 50) существовало в период между двумя мировыми войнами во Франции, Чехословакии и Югославии.

Среди этих русских интеллигентов, чей высокий подвижнический дух сформировался еще в дореволюционную эпоху, следует назвать в первую очередь Валентина Федоровича Булгакова (1886—1966), последнего секретаря Л. Н. Толстого, литературоведа и писателя, знатока искусства, замечательного музейного работника.

В 1923 г. В. Ф. Булгаков, по решению Комиссии ГПУ по административным высылкам, вначале был арестован, а затем выслан вместе с семьей из СССР за пропаганду толстовского учения, несовместимого с обстановкой развязанного в стране преследования инакомыслящих [4, с. 427].

Поселившись в Чехословакии, Булгаков продолжал пропагандировать идеи Л. Н. Толстого, много внимания уделял литературной деятельности. Помимо этого Булгаков активно занимался общественной деятельностью, будучи членом совета «Интернационала противников войны», а также главой Союза русских писателей в Чехословакии, товарищем председателя «Дней русской культуры за рубежом», членом Куратория Русского народного университета.

Но главным и самым любимым делом его жизни в эмиграции стало с конца 1933 г. создание Русского культурно-исторического музея (РКИМ), первоначально именовавшегося «Русский заграничный музей». В 1934 г. РКИМ официально присоединился к Русскому свободному университету (РСУ). Председателем Музейной комиссии РСУ стал один из его основателей профессор М. М. Новиков, крупный ученый-зоолог, бывший ректор Московского университета; секретарем — В. Ф. Булгаков. «Задачей музея, — как вспоминал позднее Новиков, — должно было явиться собирание памятников науки и искусства, а также других предметов, относящихся к истории, творчеству и быту русского зарубежья. Основная же его цель заключалась в том, чтобы показать, что наши беженские массы не являются отбросами Родины, бессильно барахтающимися в непривычной для них чужой обстановке. Наоборот, во всех странах своего рассеяния они сейчас же берутся за творческий труд, обогащая культурное богатство приютивших их народов своей научной и художественной продукцией. Таким образом, слава русского имени распространится по всему свету» [7, с. 269].

Подвижническая деятельность по организации музея началась по существу на пустом месте. «Все дело велось руками и ногами Булгакова, — вспоминал М. М. Новиков, — и нашими двумя головами. Он заразил меня своим энтузиазмом и решимостью, во что бы то ни стало добиться успеха» [7, с. 269—270]. Некоторые из сомневавшихся даже не верили, что через пятна-

дцать лет после начала массовой эмиграции В. Ф. Булгакову удалось создать полноценную коллекцию, иллюстрирующую эмигрантскую жизнь [3, с. 15]. Но предсказания скептиков, к счастью, не сбылись. Новый музей получил денежную помощь и от чехословацких властей, и от эмигрантов, и от меценатов. Благодаря содействию пражского Художественно-промышленного музея достали часть необходимого оборудования. Благородному начинанию эмигрантов оказывало поддержку и Министерство образования Чехословакии.

Чтобы дать представление о замысле создателя музея, обратимся к «Положению о Русском Культурно-Историческом Музее в Праге», утвержденному 17 января 1934 г.

«1. Русский Культурно-Исторический Музей учреждается при Русском Свободном университете в Праге и в будущем должен быть перенесен в Россию как национальное достояние.

2. Целью Музея является соби́рание, хранение, изучение и экспонация памятников и материалов, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и русского зарубежного населения вообще»[5, д. 1, л. 176—176 об.].

Концепция будущего музея, изложенная В. Ф. Булгаковым в «Положении» и «Плане-программе» отличалась продуманностью, научным подходом и комплексностью. Ее осуществление требовало громадных усилий и немалых средств. К счастью, собиратель получил поддержку от видного политического деятеля Чехословакии, большого друга российских эмигрантов Кареля Крамаржа (1860—1937) и его супруги, Надежды Николаевны, урожденной Хлудовой [8, с. 134—138]. По просьбе Крамаржа известный промышленник и меценат Кирилл Бартонь-Добенин предложил для размещения коллекций РКИМ часть помещений своего Збраславского замка на р. Влтава, в 10 километрах к югу от Праги (ныне в черте города). В перестроенное в замок барочное здание конвента монастыря (XVIII в.) и перевез собранные музейные ценности В. Ф. Булгаков. Какое-то время ушло на их размещение и создание экспозиции. И вот, наконец, наступило волнующее событие в жизни русской эмигрантской колонии в Чехословакии. 29 сентября 1935 г. состоялось торжественное открытие Русского культурно-исторического музея.

В Збраславском замке экспозиция и фонды РКИМ разместились в 14 комнатах. В одном из залов экспонировалось 15 картин Н. К. Рериха (в том числе «Св. Сергей»). При музее имелась библиотека с собранием редких книг о России [5, д. 2, л. 89—89 об.].

Булгаков являлся директором и по существу единственным научным сотрудником музея, получая за свой труд всего лишь 500 крон, т. е. половину зарплаты университетского лаборанта. Бюджет музея был весьма скромным, и в деле пополнения его собраний приходилось рассчитывать главным образом на дары деятелей русской культуры, оказавшихся в эмиграции. В их адрес не раз направлялись обращения и письма от имени РКИМ [5, д. 2, л. 88—88 об.]. В роли бедного просителя во время поездки в Париж в 1937 г. Булгаков не раз обходил квартиры русских художников и в большинстве случаев возвращался домой не с пустыми руками. О результатах этой поездки в Париж сохранилась запись, сделанная В. Ф. Булгаковым: «Я отправил в Прагу багажом три огромных деревянных ящика, в которых поместились: 62 картины и рисунка, 2 скульптуры, 4 предмета русской старины, 4 иконы, костюм Шаляпина и части театрального костюма Лифаря, 32 рукописи и автографа выдающихся писателей, 125 книг и брошюр, часто с авторскими автографами, и 88 фотографий. Все это пожертвовано в Музей бесплатно» [1, с. 93].

В 1938 г. в Риге с помощью художника А. И. Юпатова Булгакову удалось напечатать вначале краткий каталог, а затем даже альбом художественных собраний Русского культурно-исторического музея, включивший около 400 произведений живописи и скульптуры. Вот что писал в предисловии к альбому «Русское искусство за рубежом» Н. К. Рерих: «Русский культурно-исторический музей в Праге есть явление глубочайшего смысла. Это — первый Русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом» [3, с. 11, 16—17].

Накануне Второй мировой войны коллекции РКИМ продолжали пополняться материалами, в частности, в Збраславском замке даже появились два новых отдела — Пушкинский и театральный [5, д. 1, л. 176 об., д. 2, л. 23]. Архивный фонд РКИМ также значительно вырос благодаря дарам эмигрантов, многим из которых направлялись письма с просьбой о присылке личных

материалов. В. Ф. Булгаков не мыслил существование своего любимого детища — музея без книжного собрания [5, д. 2, л. 89 об.], насчитывавшего более 3000 томов книг и периодических изданий, в том числе с автографами авторов.

Однако начавшаяся вскоре Вторая мировая война сорвала дальнейшие планы. Теперь уже речь шла не о пополнении ценных собраний, а о сохранении их от разграбления и уничтожения. 22 июня 1941 г. В. Ф. Булгаков был арестован оккупационными властями как советский гражданин, а в мае 1943 г. отправлен в лагерь для интернированных советских граждан и военнопленных в Баварии, в замок Вюльцбург, у г. Вейссенбурга [2, с. 112—157].

Дальнейшая судьба музея была печальной, в 1944 г. его фактически закрыли. В последние месяцы войны в Збраславском замке хозяйничали фашистские солдаты, выбитые частями наступавшей Советской Армии. Военные действия причинили немалый урон собраниям РКИМ.

Вернувшийся из концлагеря в июне 1945 г., В. Ф. Булгаков, едва успев повидать родных, сразу бросился осматривать любимое детище, в которое вложил так много труда. Повсюду виднелись следы повреждений: разбитые окна и стекла витрин, разбросанные книги, рисунки... В голове у него в те дни была одна мысль: спасти уцелевшее. Однако, возродить деятельность РКИМ после окончания войны, несмотря на предпринимавшиеся его создателем усилия, не удалось. Началась работа по подготовке музейных ценностей к передаче в СССР.

Вот что отмечено в записной книжке В. Ф. Булгакова: «В 1948 году я выслал в Россию 25 ящиков с книгами, рукописями, предметами русской старины и более 150 работ русских художников: картины Репина, 15 картин Рериха, работы Билибина, Добужинского» [6, с. 38]. Фонды библиотеки и рукописного отдела РКИМ были перевезены в Москву еще раньше, в декабре 1945 г., в составе Русского зарубежного исторического архива (РЗИА).

Летом 1948 г. в составе первого транспорта реэмигрантов из Праги, Булгаков вернулся в СССР. Валентин Федорович перевез сохраненные им материалы о Л. Н. Толстом в Ясную Поляну, где работал научным сотрудником, а затем хранителем музея. В последние годы жизни Валентин Федорович писал две книги воспоминаний: «Чтобы спасти от забвенья» и «Как прожита

жизнь». И давно пора воздать должное этому незаурядному человеку, как и другим подвижникам-эмигрантам, сохранившим на чужбине ценные реликвии российской истории и культуры.

Библиографический список

1. *Булгаков В. Ф.* Русский культурно-исторический музей (1934—1939) // *Ариаварта.* 1999. № 3. С. 149—198.
2. *Булгаков В. Ф.* В царстве свастики // *Москва.* 2000. № 5. С. 112—157.
3. *Булгаков В. Ф., Юпатов А. И.* Русское искусство за рубежом. Прага-Рига, 1938. 63 с.
4. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921—1923 / вступ. статья, сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. 543 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6784. Оп. 1.
6. *Лазарев В. Я.* Хождение не за три моря. Тула, 1969. 93 с.
7. *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во Московского университета, 2009. 312 с.
8. *Сератионова Е.* Семья Крамаржей // *Родина.* 2001. № 1—2 (Славянский мир). С. 134—138.

УДК 930.1(08)

С. Г. Петрова

ведущий библиотекарь, Российская государственная библиотека, магистрант, Институт стран Востока, магистрант Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ОБ ОСОБЕННОМ ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В статье рассматривается развитие китайского понятия «интеллигенция» с учетом семантических особенностей китайского языка и развитием мысли в Китае. Прослеживается история зарождения и развития интеллигенции в Китае, а также изменение её роли в обществе.

Ключевые слова: интеллигенция, КПК, 4 мая, движение за новую культуру, класс, Ху Ши.

S. G. Petrova

Leading Librarian, Russian State Library, Master's student,
Institute of Oriental Countries, Master's student, Russian State University
for the Humanities (Moscow)

ABOUT SPECIAL WAY OF SHAPING OF THE CHINESE INTELLIGENTSIA

This article examines the development of the Chinese concept of «intelligentsia» taking into account the semantic features of the Chinese language and the development of thought in China. The history of the origin and development of the intelligentsia in China is traced, as well as the change in its role in society.

Key words: intelligentsia, CCP, May 4, New Culture Movement, class, Hu Shi.

Китай невозможно проиллюстрировать без иероглифов и образа Конфуция, символизирующего учёность, многочисленные достижения китайской науки. В Поднебесной всегда выделялся целый пласт учёных мужей, которых называли *шун* 士. Будучи всегда полисемантическим понятием, *шун* к рубежу XIX—XX вв. обрело еще и значение «интеллигенция», обозначая уже не отдельного ученого, а некий общественный элемент. Традиционно ученые делились по родам деятельности и на различные служилые образованные сословия, но они не представляли собой целостного сообщества. Сам феномен «интеллигенции» можно назвать продуктом западной мысли, который стал постепенно перениматься китайскими студентами, получавшими образование в Европе и Америке. Вернувшись в Китай уже учеными, они продвигали западную модель образования, учреждали кафедры и факультеты, знакомили студентов китайских университетов с западной мыслью, теориями и моделью научного знания [6, с. 13].

Многие современные китайские ученые, занимающиеся историей китайской мысли, сходятся во мнении, что моментом зарождения китайской интеллигенции можно считать Движение 4 мая 1919 г. (五四运动), начинавшееся как демонстрация преподавателей и студентов пекинских университетов, протестовавших против содержания Парижской мирной конференции, но в итоге

разросшееся к июню в массовое антиимпериалистическое движение [4, с. 36].

4 мая стало днем, когда произошел переворот во взглядах образованных китайцев на все сферы жизни Китая, особенно на политическую. Нельзя все-таки не упомянуть фундамент, на котором выстроилось это событие — а именно «Движение за Новую культуру» (新文化运动), которое формировалось на протяжении второй половины 1910-х гг. Его участники, были молодыми учеными, получившими, как традиционное конфуцианское, так и западное образование, среди которых были такие известные научные деятели как Чэнь Дусю 陈独秀, Цай Юаньпэй 蔡元培, Ли Дачжао 李大钊, Лу Синь 鲁迅, Цянь Сюаньтун 钱玄同 и Ху Ши 胡适. Сторонники движения агитировали за упрощение китайского письменного языка и приближение его к разговорному, пересмотр конфуцианских догм и ориентированность исторического знания на будущее, а не на прошлое.

Летом 1919 г. начали активно развиваться научные издания и формироваться научные школы, затрагивающие различные вопросы общественного развития и научного знания, приглашались западные ученые в частности Джон Дьюи и Бертран Рассел, произошла профессионализация науки и разграничение гуманитарных наук. С начала 1920-х начинаются различные дискуссии и дебаты как на политические, так и на научные темы. Образованная часть общества стала осознавать свою общественную роль интерпретаторов западных идей и привнесение их, путем адаптации к китайской действительности, также подчеркивается наличие в интеллектуальной среде альтернативных взглядов. Постепенно стала видна их роль как трансляторов народного мнения [2, с. 409].

Тем не менее, вплоть до образования КНР «интеллигенция» не получит общего определения. Приведенное в начале статьи определение *ши* 士, имеющее в качестве основного значение «служение чему-либо», осталось в имперском Китае, но идея «служения» интеллигенции будь то государству, будь то обществу прослеживалось вплоть до 1980-х гг. Китайские коммунисты начали перенимать марксистскую риторику, применяя к «интел-

лигенции» классовое обозначение *чжиши цзецзи* 知识阶级, в котором *чжиши* 知识 — знание, *цзецзи* 阶级 — класс. Среди либеральных китайцев в обиходе было нейтральное обозначение интеллектуала *ю сиэчжэ* 有学者, что дословно переводится «тот, у кого есть познание».

С 1950-х гг. положение интеллектуалов, которая отныне стала классом интеллигенции было напряженным. С образования КНР Мао Цзэдун 毛泽东 продвигал по отношению к интеллигенции концепцию «служения народу» как основную добродетель для образованного слоя общества. С практической точки зрения, это означало полное подчинение молодой интеллигенции директивам коммунистической партии, потому что роль представителя интересов и воли народа на себя взяла партия, позволяя интеллигенции только быть вовлеченным в работу по проведению аграрной реформы, демократических преобразований в городах и т. д. [3, с. 113]. В итоге Мао Цзэдуном был взят лозунг Ху Ши «Жизнь на службе общества», который в 1920 г. составлял этическое ядро движения за новую культуру [4, с. 29].

С начала первых проведенных планов и реформ, представители интеллигенции активно вступали в полемику с правящей партией, поскольку видели ошибки и недочеты некоторых экономических и политических решений. Постепенно, в противовес «интеллигенции» как «буржуазного элемента», стала формироваться «партийная интеллигенция». Тем не менее к 1960-х гг. и с началом Культурной Революции интеллигенция стала гонимым классом. За этот период Китай потерял по меньшей мере, 1 млн чел. с высшим образованием и 100 тыс. чел. с профессиональным научно-педагогическим образованием. Общее число людей с образованием (включая среднее специальное) составило на конец 1970-х гг. 25 млн чел. [1, с. 21].

Пришедшие на смену консервативной коммунистической парадигме глубокие социальные изменения эпохи реформ и открытости 1978—1991 гг. создали новый мир как для китайской интеллигенции, так и для партийного государства. Положение китайской интеллигенции в «глобализирующемся Китае» стало

кардинально изменяться. Началась новая волна академической профессионализации, которая имела ярко выраженный глобальный, западный характер.

В это же время интеллигенция получила своё нынешнее нейтрально окрашенное понятие *чжishi фэньцзы* 知识分子, которое дословно можно перевести как «знающая часть общества». Данное понятие объединяет в себе и интеллигентов, и интеллектуалов [5, с. 17].

С начала XXI в. китайские ученые начали исследования, посвященные феномену «интеллигенции» и особенностям интеллектуальной элиты Китая. Основоположником направления Истории мысли *sixianglishi* 思想历史 является Сюй Цзилинь директор Института современной китайской мысли и культуры Восточно-китайского педагогического университета. Его определение интеллигента следующее: Интеллигент — это тот, кто владеет знаниями и культурными символами и может использовать разум, чтобы выйти за рамки, ограничения его или ее семьи, класса и местности [4, с. 12].

Интеллигенция теперь отстранена от партии-государства, не имея уверенности в своем влиянии в коммерциализированной, «фрагментированной авторитарной» общественной сфере Китая с 1990-х гг., а с другой стороны, они все больше подчиняются дисциплинам академической профессионализации. Политически лишенные авторитета и живущие по новым коммерческим и профессиональным нормам, новая интеллигенция ищет способ выразить себя, определить себя, показать на публичной арене, что она способна сделать. Китайская интеллигенция использует мыслительную работу, чтобы разобраться в дивном новом мире глобализации Китая и отстоять свой статус и роль в нем. Это сочетание старой интеллектуальной практики (привилегия мысли) и нового содержания (идеи вокруг политического либерализма) предоставило голос в пользу нового социального статуса или обстоятельств образованной элиты Китая.

Таким образом, современное значение интеллектуального указывает на группу культурных людей, которые с независимым статусом и полагаются на силу знания и духа, выражают горячую

общественную озабоченность обществом и воплощают своего рода общественное сознание и дух общественного участия. В этом смысле, интеллигенция сильно отличается от обычных технических специалистов, бюрократов и просто профессиональных ученых.

Библиографический список

1. Престиж профессий среди городского населения Китая // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. 1998. № 2. С. 19—24.
2. *Cheek T.* Xu Jilin and the Thought Work of China's Public Intellectuals // *The China Quarterly*. 2006. Jun. № 186. P. 401—420.
3. *Wagner R. G.* The Canonization of May Fourth // *The Appropriation of Cultural Capital. China's May Fourth Project*. Harvard Univ Asia Center, 2001. P. 66—120.
4. 许纪霖. 二十世纪中国思想史. 东方出版中心, 2000. 页 562.
Сюй Цзилинь. История китайской мысли в XX веке. Дунфан чубаньшэ, 2000. 562 с.
5. 祁进玉. 文化研究导论. 北京: 学苑出版社, 2013. 页 538.
Ци Цзиньюй. Введение в культурологию. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2013. 538 с.
6. 祝勇. 知识分子应该干什么? 北京: 实施出版社, 1999. 页 166.
Чжу Юн. Что делать интеллектуалам? Пекин: Шиши чубаньшэ, 1999. 166 с.

С. Л. Страшнов

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ТЕЛЕКАНАЛ «РОССИЯ К» И ЕГО АУДИТОРИЯ

Осмысливается феномен телеканала, обращенного по преимуществу к интеллигенции. Рассматривается программная сетка, устанавливаются тематические, жанровые и функциональные приоритеты. В ходе анализа учитываются результаты социологических исследований.

Ключевые слова: телеканал «Россия К», культурная проблематика, облик аудитории, внутреннее просветительство.

S. L. Strashnov

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

«RUSSIA K» TV CHANNEL AND ITS AUDIENCE

The phenomenon of the TV channel, which is mainly addressed toward the intelligentsia, is being contemplated. A program guide is being considered; topic, genre and functional priorities are established. The analysis takes into account results of sociological research.

Key words: TV channel «Russia K», cultural issues, the appearance of the audience, internal enlightenment.

Представления, по которым традиционные СМИ окончательно пали под напором медиа новых, пока, по крайней мере, не отвечают реальному положению дел. Один из последних опросов «Левада-центра» принес такие результаты: «Социальные сети вместе с интернет-изданиями стабильно удерживают второе место в качестве основного источника новостей — 42 % и 39 % соответственно. На первом месте — телевидение (64 %)» [3, с. 5]. Это, впрочем, не означает, что лавры лидерства разделены в общей группе поровну. Рейтинги участников российского мультиплекса, разумеется, неодинаковы, и тот из телеканалов, который будет нас в дальнейшем особенно интересовать, имеет достижения весьма

скромные. По последним данным, «Россия К», прежнее и для кого-то до сей поры более привычное название которого «Россия-Культура», занимает 15-е место из 20 с долей аудитории в 1,1 % среди всего населения страны и 13-е место с долей аудитории в 1,7 % в категории 18+ (см.: [5]).

Директор и главный редактор С. Л. Шумаков высказался однажды, беседуя с корреспондентом «Известий»: «Целевая аудитория у нас вполне солидная — и по возрасту тоже. Много женщин. До шестидесяти процентов зрителей — с высшим образованием» [1]. Похоже, что портрет с тех времен изменился мало. Косвенное подтверждение дает анкетирование, проведенное нами весной 2021 года при содействии студентов бакалавриата ИвГУ по направлению «Журналистика» В. Новаковской и Е. Рыбановой. Вопросы распространялись в заведомо наиболее адекватных группах — среди школьных учителей и медицинских работников (по 100 человек в каждой*). Выяснилось, что и здесь «Россия К» не востребована у 60,0 % и 32,0 % опрошенных соответственно. А относительно устойчиво к передачам этого канала обращается 40,0 и 26,0 % ответивших. Причем, в основном, это женщины из категорий 36+ и 55+, а многие из более молодых (58,3 %) не смотрят телевизор вообще.

Показательны функциональные приоритеты аудитории лояльной. Подавляющим большинством (93,9 %) передачи ценятся за «возможность расширить свой кругозор»; далее — по очередности — как «полезное заполнение досуга» (48,5 %) и лишь на следующем месте оказались «отдых», «возможности отвлечься и развлечься» (43,9 %). Правда, у педагогов, среди которых явно преобладали преподаватели гуманитарных дисциплин, лидировала и номинация «помощь в работе» (42,5 %), однако она же у медиков (по понятным, видимо, причинам) отсутствовала напрочь.

В одном из современных исследований читаем: «Аудитория как элемент медиасистемы может быть рассмотрена с позиций двух принципиальных подходов — социологического и экономического» [2, с. 334]. В ракурсе второго из них аудитория сама выступает «как продукт СМИ и становится товаром, кото-

* Причем откликнувшихся мужчин в первой группе — только 10, а во второй — 28.

рый СМИ предлагает рекламодателям» [2, с. 335]. Наглядный пример подобных действий — бесплатная пресса, высочайшие тиражи которой обеспечиваются именно таким образом. Канал «Россия К» в соседстве с журналистикой рыночной и хотя бы в масштабах отечественного телевидения выглядят феноменом: он не имеет рекламы, то есть не торгует своей аудиторией, что воспринимается последней весьма благодарно (как преимущество оценили это 59,1 % из опрошенных нами поклонников канала).

Медиапотребление аудитории «России К» поэтому следует постигать как явление прежде всего социальное, точнее — социокультурное. На такой подход нацеливает программная сетка, в которой воплощается концепция любого средства массовой информации и коммуникации. В представляемом на передний план выдвигаются, по словам того же Шумакова, задачи сохранения «культурного контекста» [1]. Новостное и дискуссионное погружение в мир искусств и наук, в проблемы вечные, исторические и современные осуществляется здесь компетентно (с привлечением авторитетных экспертов), тактично, но и зрелищно. Удаchi можно перечислять достаточно долго: помимо привлекательных для немалой части наших зрителей спектаклей (30,3 %), кинопоказа (30,3 %), концертов (31,8 %), это встречи с деятелями искусства (36,7 %) и познавательные передачи (50,0 %). А конкретно в двух последних номинациях выделим (среди нынешних) такие программы, как «Белая студия», «Сати. Нескучная классика», «Агора», «Власть факта», «Библиейский сюжет», «Правила жизни», «Главная роль», «Игра в бисер», а из недавнего — особенно запомнившегося — лекционный проект «Академия», ток-шоу «Тем временем» и «Что делать?».

Везде так или иначе учитывалась и учитывается природа телевидения: научный, образовательный и художественный материал трактуется со стремлением достичь эффекта увлекательности — в духе сайнстейнмента или эдьютейнмента. Но для нас существеннее все-таки аспект содержательный. А он для рассматриваемого СМИ, главным образом, просветительский. В этом можно увидеть следование традиции (ведь «Россия-Культура» возникла в 1997 году на основе канала учебного), но

можно узреть и некий парадокс: преобладающий образовательный статус аудитории как будто бы не должен располагать ее к банальному ученичеству. Однако обогащение знаниями, поддержание культурной формы для интеллигенции, которая и составляет ядро целевой аудитории «России К», не мыслятся как завершаемые окончательно — они процессуальны.

Зато и просветительство здесь внутреннее, подобное отличающему до сих пор редакционную политику «толстых» литературно-художественных и общественно-политических журналов (подробней об этом см.: [6 с. 75]). Производимое и распространяемое «Россией К» — это формат духовно-интеллектуального самообеспечения и культурной преемственности. Эфирная практика этого телеканала показывает, что зрелое поколение интеллигенции занято не только расширением информационного поля, но и сбережением утрачиваемого. И установки коллектива, и круг зрителей по преимуществу устойчивы, если не консервативны.

Естественно, это вызывает тревогу по поводу перспектив. С одной стороны, в собственном медийном секторе у данного СМИ нет серьезной конкуренции. Да, выходят в свет еще и газета «Культура», и радио «Культура», однако по имеющимся ареалам они (а заодно и «толстые» журналы) все же уступают телевизионному аналогу. С другой стороны, число подписчиков его фирменного аккаунта в социальной сети «ВКонтакте» незначительное — всего лишь 86 тысяч (см.: [7]): у НТВ — для сравнения — 421 тысяча (см.: [4]). Объяснение почти пятикратных различий — простое и не связанное с абсолютными показателями популярности: аудитория «России К» в целом старше и в меньшей степени интегрирована в непосредственные операции новых медиа.

Руководитель декларирует стратегию выжидания: «Молодежь канал «Культура» не смотрит. Драматизировать эту ситуацию я не склонен. Мы готовы подождать, пока люди повзрослеют» [1]. Но оправдана ли надежда, если даже те, кому уже сейчас за 30, в большинстве своем игнорируют телевидение как таковое?

И где же тогда сумеет медийно воспроизводиться интеллигенция в недалеком будущем? Можно, разумеется, уповать в качестве заглавного актива на социальные сети, но именно там наиболее очевидна общая сейчас тенденция аудиторной

фрагментации. А она заведомо противоречит извечной интеллигентской объединительной миссии. Так что актуально-острым продолжает оставаться вопрос о том, каким образом и под силу ли окажется для образованных людей посредническое связывание распадающихся страт.

Библиографический список

1. Культура как способность летать. URL: <https://iz.ru/news/372914> (дата обращения: 07.05.2021).
2. Медиасистема России: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2017. 384 с.
3. *Налитова Н.* Угодили в сети // Журналист. 2021. № 3. С. 5.
4. НТВ — ВКонтакте. URL: https://yandex.ru/search/?lr=5&clid=2363721-92&win=464&text=%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D0%BD%D1%82%D0%B2%20%D0%B2%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5&src=suggest_Pers (дата обращения: 08.05.2021).
5. Рейтинги каналов России 2021. URL: https://yandex.ru/images/search?text=%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B8%20%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%202021&stypе=image&lr=5&source=wiz&pos=13&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sostav.ru%2Fimages%2Fnews%2F2018%2F06%2F06%2F3sgtfsig.jpg&rpt=simage (дата обращения: 25.04.2021).
6. *Страинов С. Л.* Система СМИ: просветительство и журналистика: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 173 с.
7. Телеканал «Россия-Культура» — ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tvkultura> (дата обращения: 08.05.2021).

О. В. Шимельфениг

доцент, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ

Рассматриваются взгляды на проблему бессмертия отечественных религиозных философов и учёных.

Ключевые слова: жизнь, смерть, бессмертие, мировоззрение.

O. V. Schimelfenig

Associate Professor, Saratov National Research State University
named after N. G. Chernyshevsky (Saratov)

INTELLIGENTSIA AND THE PROBLEM OF IMMORTALITY

The views on the problem of immortality of domestic religious philosophers and scientists are considered.

Key words: life, death, immortality, worldview.

Рано или поздно любой человек переживает эмоциональный шок, столкнувшись с проблемой конца собственной жизни. В каком-то из возрастов он должен разрешить для себя проблему примирения с окончанием жизни, попытаться осмыслить свой конец, преодолеть страх перед тем, что именно его жизнь как способ индивидуального существования кончится, и подвести итог прожитому.

Фактически отношение человека к смерти мечется между двумя полюсами — страхом перед абсолютным небытием и надеждой на второе рождение. Большинство известных истории, философии и науке попыток проникновения в феномен смерти также движутся в этих направлениях, включая поиск различных способов достижения бессмертия.

Очевидно, что подход к решению этих проблем зависит от картины мира исследователя, от того, какой смысл он вкладывает

в ключевые понятия жизни и смерти, в частности, от принадлежности его к определённом мировоззренческому типу интеллигента. Здесь рассматриваются взгляды на эту проблему отечественных религиозных философов и учёных.

Начнём с русского космизма (Н. Ф. Фёдоров, В. Н. Муравьёв, Н. А. Сетницкий, А. К. Горский и др.), который является духовным истоком и концептуальным основанием современного трансгуманистического мировоззрения. Эти философы одними из первых подвергли критике положение о «естественности» и необходимости смерти, поставив вопрос о её активном преодолении. Они обратили внимание на удивительный факт, что вопрос о научном изучении смерти был на периферии науки, несмотря на его центральное положение в самых различных философских и религиозных системах: «Мы столь же мало знаем сущность смерти, действительную смерть, как и действительную жизнь» [7, с. 258]. Далее Фёдоров называет «ребяческим суеверием» и «легковерием» безоговорочное признание философами неизбежности и необратимости смерти. Его последователь русский философ Н. А. Сетницкий пишет: «Факт смерти в современных условиях есть факт наименее научно исследованный, факт, перед которым (не скажем — наука, это было бы неправильно и несправедливо по отношению хотя бы к будущей науке), а учёные, деятели науки, останавливаются или в священном трепете, или в состоянии полной нерешительности, полного неведения с вопросом: “Что же дальше?”» [6, с. 393].

Он полагает причиной такого отношения к смерти как «неизбежности» то, что человеку комфортнее рассматривать её как сущностную характеристику своего способа существования, чем видеть в ней результат собственного действия или бездействия. Проект «общего дела» Н. Ф. Фёдорова предполагает не только пересмотр традиционных представлений о сущности человека, смерти, познания, религии, но и радикальную реформу философского знания. Исходный вопрос философии «почему сущее существует?» он считает вопросом «только любопытства», праздным, «прямо к делу не побуждающим» [7, с. 425].

Смерть представляет собой зависимость человека от внешней по отношению к нему и враждебной его бытию природной стихии, а главное зло — это «существующий онтологический

статус человека и природы, мироздания вообще, которое подвержено закону конечности и смерти» [5, с. 161].

Идеи русских космистов нашли развитие в современных концепциях трансгуманизма, например, в работах Д. Ицкова [2]; А. В. Мищенко [4] и др. «Трансгуманизм — активно развивающаяся форма современного мировоззрения, которое рассматривает в качестве главной задачи, стоящей перед человечеством, преодоление биологической обусловленности человеческого существа и достижение индивидуального бессмертия для каждого человека. Человек смертен, поскольку субстратом его сознания (Я, личности) — является непрочный и несовершенный биологический организм, который неизбежно стареет, разрушается и умирает. Следовательно, бессмертие возможно, с этой точки зрения, только лишь в том случае, если биологический носитель нашего сознания будет либо радикально видоизменен — преобразован в некое бессмертное совершенное квазибиологическое существо (например, путем киборгизации — замены большей части органов тела механическими аналогами), либо в более радикальной форме бессмертие достигается путем «переноса» индивидуального сознания на новый, искусственно созданный, гораздо более прочный и «ремонтпригодный», чем биологическое тело, субстрат — например, оно может быть перенесено в компьютер, путем, скажем, компьютерной имитации функции мозга конкретного индивида, или перемещено в искусственное тело каким-то иным способом (включая даже идею переноса нематериальной души с одного носителя на другой). Человек, с точки зрения трансгуманистов, не является вершиной эволюции. Скорее — он лишь первое эволюционное звено, инициатор процесса, который должен породить гораздо более совершенное существо — «постчеловека», обладающего индивидуальным бессмертием, огромными физическими и интеллектуальными возможностями, устойчивого к неблагоприятным воздействиям среды, способного жить на других планетах, в космосе и т. д.» [1, с. 105].

С позиции сюжетно-игровой парадигмы, разрабатываемой мной [9], которая имеет корни во многих древних культурах, основным недостатком трансгуманизма является не его этическая неприемлемость, а скорее его философская наивность, которая проявляется в некритическом принятии натуралистической модели

человека как единственно возможной и отбрасывании без достаточного обоснования и рассмотрения всех прочих, в том числе, ассоциируемых с религиозной философией, альтернативных (ненатуралистических) концепций природы человека (подробно в [1]).

Согласно философии экзистенциализма, чтобы осознать себя как «экзистенцию», человек должен оказаться в «пограничной ситуации» — например, перед лицом смерти. *«Исчезновение смысла смерти привело бы к исчезновению смысла жизни. То, что выглядит как реализация вековой мечты — обретение бессмертия — привело бы, по сути дела, к самоубийству человечества»* [3, с. 22] — утверждает В. А. Лекторский.

Трудно одновременно держать в фокусе внимания тему смерти и какой-то сюжет жизни. Однако подобную процедуру можно смоделировать на вращающемся глобусе, освещённом локальным источником света: светлая половина постепенно уходит в «ночь», а для тёмной в это же время наступает «день». Представьте себе, что это сама Земля, где на части поверхности, уходящей в темноту, люди чистят зубы, стелют постели и ложатся спать; а на противоположной стороне умываются, убирают постели, завтракают и приступают к работе, — и эти антагонистические сюжеты разыгрываются **ОДНОВРЕМЕННО** на **ОДНОЙ** и той же планете! Каждый знает об этом, но вряд ли, вставая и умываясь, думает о том, что антипод в это же время ложится спать. Таково же двуединство противоположных земных сюжетов не только суточных, но и сезонных: когда в Северном полушарии расцветают яблони, в шкаф убирается зимняя одежда, то в Южном полушарии падают листья, идёт первый снежок и люди достают тёплые куртки и сапоги. Так и в космических масштабах *одновременно* одни звёзды рождаются, другие умирают.

Теперь представьте себе большую больницу вашего города, в которой, к сожалению, регулярно отвозят трупы в морг, а в это же время в перинатальном центре, практически с той же регулярностью, появляются на свет новорожденные. Если бы баланс нарушился в любую сторону (умирало бы значительно больше, чем рождалось, или наоборот), то это привело бы к гибели человечества.

Обращение к этой наглядной физической метафоре призвано помочь выйти на уровень теоретического осмысления необхо-

димости *одновременного* со-существования противоположных «полюсов», взаимодействие которых обеспечивает разворачивание всех процессов во Вселенной. Но люди, даже зная об этом, обычно стремятся «отпилить» для себя положительный полюс, выбросив или уничтожив — отрицательный, не отдавая себе отчёт, что одно без своей противоположности не может существовать, подобно тому, что только наличие двух разных электродов батарейки обеспечивает ток, который даёт свет и вращает мотор. Так же люди пытаются иметь добро без зла, здоровье без болезней, молодость без старости, жизнь без смерти. В определённом смысле так и должны они себя вести: если бы все люди поднялись над противоположностями и не стремились к каким-то привлекательным заветным целям, то жизнь бы остановилась, как говорится во французской пословице: «Если бы в мире царствовал Разум, то в нём бы ничего не происходило».

Значительным вкладом в эту проблематику являются труды известного русского религиозного философа С. Л. Франка. Одна из центральных тем его работ — идея Всеединства, а также плодотворная концепция, органично сопрягающая философию и богословие, в которой он опирался и на труды восточных мистиков: «Кто не чувствует инородности и трансцендентности Божества всему остальному, тот вообще его не имеет; но и тот, кто не ощущает его *присутствия во всем*, таинственного сродства с ним *всего*, — его также не имеет. Это несказанное, логически далее не определяемое сродство всего сущего с Божеством применимо, прежде всего, к бытию как целому» («Непостижимое», гл. 8, п. 7) [8, с. 463].

«Всё, что в своей *грубой фактичности* является нам небожественным и противобожественным, в своей последней глубине и правде оказывается божественным» (Там же, гл. 10, п. 3) [8, с. 554].

Библиографический список

1. Иванов Е. М., Шимельфениг О. В. Трансгуманизм и проблема бессмертия // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 1, ч. 1. С. 104—122.
2. Ицков Д. «Неочеловечество 2045». Глобальная стратегия дальнейшей эволюции человечества в третьем тысячелетии. Декларация общест-

- венного движения «Россия 2045». URL: <http://www.2045.ru/news/29045.html> (дата обращения: 12.01.2020).
3. *Лекторский В. А.* Философия как понимание и трансформирование // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 17—24.
 4. *Мищенко А. В.* Апгрейд и сверхлюди. Технологическая гиперэволюция человека в XXI веке. 3-е изд. М.: Либроком, 2013. 168 с.
 5. *Семёнова С. Г.* Философ будущего века: Николай Фёдоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
 6. *Сетницкий Н. А.* О смерти и погребении // Н. Ф. Фёдоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семёновой. СПб.: РХГА, 2008. С. 392–396.
 7. *Фёдоров Н. Ф.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.
 8. *Франк С. Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
 9. *Шимельфениг О. В.* Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688 с.

УДК 316.346.32-053.6

Т. Н. Шушунова

доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск)

ВОСПИТАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОГО ПОДХОДА М. ВЕБЕРА

В статье рассматривается способ применения теоретико-методологического конструкта М. Вебера — «идеальный тип», как способ эффективной организации воспитательной и идеологической работы со студенческой молодежью в рамках вуза как самой интеллигентной и прогрессивной части молодежной социально-демографической группы.

Ключевые слова: деятельный подход, идеальный тип, социальное действие, историческая память, ориентации деятельного подхода.

T. N. Shushunova

Associate Professor, Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank (Minsk)

EDUCATION OF THE INTELLECTUAL THROUGH THE PRISM OF THE ACTIVE APPROACH OF M. WEBER

The article considers the method of applying the theoretical and methodological construct of M. Weber — «ideal type», as a way of effective organization of educational and ideological work with the student youth within the university as the most intelligent and progressive part of the youth socio-demographic group.

Key words: active approach, ideal type, social action, historical memory, orientations of the active approach.

Воспитать интеллигентную молодежь, способную создать благоприятные условия для развития, совершенствования страны, является приоритетной задачей в любом высшем учебном заведении, что находит отражение в идеологической и воспитательной работе. Но для ее успеха необходима тесная связь с социологическим вектором измерения, потому что в данном случае продуктивность зависит от глубокого понимания целевой аудитории, на которую осуществляется целенаправленное воздействие со стороны высшего учебного заведения. Именно у студенческой молодежи в силу возраста базовые ценности подвергаются трансформации, что делает ее уязвимой к вызовам со стороны информационных потоков и превращает в динамичную группу, чье мнение можно формировать и использовать. В тоже время, студенческая молодежь является «маркером» общественных вызовов и изменений в силу личностной независимости, ценности свободы и качеством получаемого образования, предполагающего различные виды социальной мобильности. Перед вузами стоит важная и сложная задача по формированию социальной идентичности студенческой молодежи, где идеологическая и воспитательная работа будут встроены в большей степени как безусловная этическая норма, а не как искусственная конструкция, не отражающая реалиям современного времени и тем процессам, которые осуществляется в стране.

Важным теоретико-методологическим основанием для поставленной задачи может выступать деятельный подход и теория социального действия немецкого социолога М. Вебера. Понятие «социальное действие» введено в социологию М. Вебером для обозначения действия индивида, направленного на разрешение жизненных проблем и сознательно ориентированного на других людей. Основными признаками социального действия (по Веберу) являются *осознанная мотивация* и *ориентация на других*. Вебер выделяет четыре типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное [1]. Принимая во внимание вышеперечисленное, можно предположить, что эффективная организация идеологической и воспитательной работы, а также способы воздействия на молодых людей в Вузе могут быть сформированы как сочетание представленных четырех различных ориентаций студенческой деятельности для того, чтобы каждый уникальный представитель студенческой молодежи имел шанс быть понятым и услышанным на основании личностно-ориентированного способа взаимодействия. Где *целерациональная ориентация* будет нацелена на тех молодых людей, для которых приоритетными «мотивационными якорями» для восприятия информации и сознательного включения в студенческую активность посредством организованных мероприятий будет именно «деятельностная активность» (карьера, профессиональная деятельность, учёба, познание, творчество)».

Для активизации *ценностно-рациональной ориентации* у молодых людей, чьи жизненные приоритеты фокусируются в рамках значимых общественных ценностей (здоровье, семья, религия, дружба, любовь и т. д.) должны быть организованы такие мероприятия, которые бы коррелировали с разделяемыми ими ценностями. Опираясь на результаты массового опроса Институтом Социологии НАН Беларусь в 2018 г. наиболее значимыми ценностями для молодых людей являются: здоровье (63,9 %), дружба (61,1 %), семья (59,6 %), материальный достаток (45,6 %), дети (39,4 %), интересная работа, профессия (34,8 %), душевный покой (33,2 %), свобода (28,8 %), возможность развлекаться (26,7 %), самореализация (24,6 %) и т. д. А состояние здоровья большая часть опрошенных оценивает как «удовлетворительное» (40,3%), чуть меньше (35,8 %) — как «хорошее» и 9,1 %

признали свое состояние здоровье «очень хорошим» [3]. Следовательно, нельзя забывать, что молодые люди, обучающиеся в вузе, имеют четкие ценности, которые могли бы служить «мотивационными якорями» для другой важной подгруппы студенчества.

Традиционная ориентация в организации идеологической и воспитательной работы со студенческой молодежью должна быть основана на воспроизведении исторической памяти белорусского народа. Под исторической памятью обычно понимают набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Существует точка зрения, согласно которой историческая память социально обусловлена и является формой коллективного сознания. Историческая коллективная память традиционно ассоциируется с функцией культуры как мнемонического феномена, системы, воспроизводящей прошлый опыт посредством традиций, обрядов, морали, конкретных артефактов и хот они отличаются друг от друга, историческую коллективную память можно формировать одновременно с культурной памятью как системы базовых представлений общества о прошлом, закрепленных в памятниках культуры и социальной традиции. Прекрасным примером исторической коллективной памяти является город как ее хранитель локальных мест коллективной памяти. В современном городе существуют различные пространства, сочетающие в себе, как функциональность, так и особую атмосферу, историческую память, доступную для «прочтения» каждому молодому горожанину. Это современный и действенный способ сформировать у молодых людей чувства сопричастности, солидарности и общности. Единственное, что нельзя в данном случае забывать, это разнообразная тематика городских мест, которые могут действительно служить прекрасными образцами для воспроизводства традиционной ориентации [2].

Аффективная ориентация в воспитательной и идеологической работе с молодыми людьми может быть построена как эмоционально-личностная. В ней тоже есть потребность у тех молодых людей, для которых процесс освоения различных сфер общественного опыта осуществляется и закрепляется благодаря переживаниям, что возможно только в эмоционально-

насыщенной и субъективно-творческой атмосфере. В этом отношении именно духовная сфера общества располагает универсальными, действенными механизмами и способами воздействия на индивида. Имея в своей структуре, такие элементы как культуру, образование, религию, мораль, науку, искусство, духовная сфера жизни общества не просто удовлетворяет духовные потребности индивидов в творчестве, общении, познании и т.д., но и регулирует и отражает духовно-нравственную жизнь общества, глубоко проникая при этом в сознание людей, становясь частью их личностной структуры [3]. Как раз культура способна вызывать эти переживания, вводить человека в особые состояния, где все возникающие ощущения являются индивидуальным опытом, побуждают думать, размышлять над пищей для души, для осознания самих себя для формирования своего личностного Я. Роль искусства, как части культуры, в формировании личности заключается в том, что оно побуждает к творческой, со творческой деятельности, что развивает самосознания человека и делает процесс переживания искусства актом личностной биографии. Искусство способно спасти от любой стандартизации и засилья массовой культуры в силу своей индивидуалистической природы, это то, что прекрасно уравнивает природное и социальное в человеке. Искусство, по мере соприкосновения с ним, является прекрасным мерилom культуры человека и мотивируют его что-то изживать в своей сущности, а иногда и восполнять пробелы в своем образовании. Что естественно способствует расширению личного опыта человека. А при грамотном использовании — будет служить воспитательным моментом молодого человека.

Таким образом, для преодоления отчуждения современного студенчества от самого принципа построения воспитательной и идеологической работы старого образца предлагается переосмыслить организацию этой работы в пользу деятельностного подхода с использованием теоретико-методологических оснований теории идеального типа М. Вебера. А также, принимая во внимание, что цель высшего образования есть воспитание гармонично-нравственной личности, достаточно вспомнить Гете-Юнговский образ — «бьющегося сердца», когда только чередование всех видов деятельности в одном человеке обеспечивает его гармоничное развитие, построение грамотной воспитательной

и идеологической работы с самой интеллектуальной частью молодежной группы, студенчеством, должно строиться как единство во всех четырех ориентаций социальной активности.

Для успешной реализации представленной теоретической концепции организации воспитательной и идеологической работы со студенческой молодежью необходимо опираться на актуальную социологическую информацию, путем проведения разведывательного и описательного социологического исследований с целью определения доли каждой подгруппы молодых людей в общей массе студенчества; выявлению востребованных для каждой из подгрупп целевых мероприятий по формированию идеологической и воспитательной работы, основываясь на исследовании потребностей, мотивов поведения, интересов и социальных ожиданий молодежи.

Библиографический список

1. *Вебер М.* Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послеслов. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602—633 [Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 29.11.2006]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3646> (дата обращения: 25.04.2021).
2. *Лебедева Е. В., Шушунова Т. Н.* Городское публичное пространство как ресурс исторической памяти // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26—27 сентября 2019 г. / гл. ред. Г. П. Коршунов. Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. С. 152—154.
3. *Шушунова Т. Н.* Трансформация духовных ценностей в системе высшего образования // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Институт социологии НАН Беларуси, 14—15 ноября 2019 г. / гл. ред. Г. П. Коршунов. Минск: СтройМедиаПроект, 2019. С. 368—340.

Секция 2
ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 316

А. М. Баженов

доцент, Тульский государственный университет (Тула)

ПОРТРЕТ СОЦИОЛОГА
ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЕВАДЫ

В статье рассматривается жизнь и деятельность выдающегося российского социолога Юрия Александровича Левады. Анализируется вклад ученого в возрождение эмпирической социологии. Называются способы изучения социологом общественного мнения в России.

Ключевые слова: социология, эмпирическая социология, социальное исследование, общественное мнение.

A. M. Bajenov

Associate Professor, Tula State University (Tula)

PORTRAIT OF SOCIOLOGIST
YURI ALEXANDROVICH LEVADA

The article examines the life and work of the outstanding Russian sociologist Yuri Alexandrovich Levada. The contribution of the scientist to the revival of empirical sociology is analyzed. They are called the methods of the sociologist's study of public opinion in Russia are considered.

Key words: sociology, empirical sociology, social research, public opinion.

Юрий Александрович Левада (1930—2006) — выдающийся советский и российский социолог. Ю. А. Левада — один из тех, кто реанимировал эмпирическую социологию в СССР в шестидесятые годы.

© Баженов А. М., 2021

Становление ученого Ю. А. Левады начиналось в Московском университете, где он учился в 1947—1952 годы на философском факультете. Первоначально он работал в Институте китаеведения Академии наук СССР. В 1960 году Ю. А. Левада пришел в Институт философии АН СССР, где в 1966 году у него состоялась защита докторской диссертации по теме «Социологические проблемы критики религии». В 1968 году Ю. А. Левада перешел работать в Институт конкретных социальных исследований АН СССР, где возглавлял отдел теории и методологии. В это же время ученый читал лекции по социологии на факультете журналистики Московского университета. После издания книги «Лекции по социологии»¹ в 1969 году Ю. А. Левада подвергся резкой критике за отход от марксизма. Его лишили звания профессора, а по партийной линии вынесли строгий выговор. В этой ситуации Ю. А. Левада проявил свои лучшие качества. Он был уверен в своей правоте и старался достойно защищать свои убеждения. Здесь сказалась его глубокая человеческая порядочность. Он вынужден был перейти работать в Центральный экономико-математический институт. Там проработал 16 лет.

Как отмечала Тамара Васильевна Левада (1929): «Объективно — судьба его трагична; восемнадцать лет (1970—1988) Левада не мог ни преподавать, ни публиковаться в печати. А с 1972 г. — даже работать в коллективе профессиональных социологов. Но он не признавал в этом трагедии. Принципиально не признавал, полагая, что человек может и должен делать избранное им дело в любых условиях» [2, с. 9].

Ю. А. Левада с 1988 года стал работать по приглашению Б. А. Грушина (1929—2007) и Т. И. Заславской (1927—2013) во Всесоюзном (Всероссийском) центре изучения общественного мнения, а с 1992 года стал его директором. С 1994 года он стал редактором журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены». Журнал выходил шесть раз в году. В каждом номере Ю. А. Левада публиковал свою статью. Ю. А. Левада предложил девиз, выражающий сущность всей работы коллектива исследователей: «От мнений — к пониманию».

¹ Сочинения / Ю. А. Левада [сост. Т. В. Левада]. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. 415 с.

Ю. А. Левада вместе со своими коллегами начал разрабатывать проект «Советский человек». Впоследствии была издана книга «Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х гг.»². Ученый так объяснял необходимость продолжить исследование этой проблемы: «Сначала мы думали заменить человека «советского» на, скажем, «российского» или «постсоветского». А потом присмотрелись к его существованию внимательнее и поняли, что в основном он такой же, как был. Поэтому и сейчас проект можно называть «советский», имея в виду и отличия, которые мы набрали по дороге» [3, с. 14].

В черед этих отличий можно назвать такие, как приобщение к мировому рынку, свобода слова, открытое общество (приоткрытое). Общество приоткрылось, но люди оказались закрыты. По мнению Ю. А. Левады, молодые граждане России очень легко ловятся на старые крючки. Кроме того, у нас страна людей, которые сами себя ценить не научились.

Особенно это проявляется во время выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. С одной стороны, россияне во время опросов заявляют о том, что выборы «не очень честные» или «совсем нечестные». С другой стороны, большинство опрошенных, как правило, выражают удовлетворение результатами прошедших выборов. Ю. А. Левада отмечал то, что парадокс массового сознания надо искать в самом характере используемых им критериев, стандартов оценки социальных процессов и событий.

«Подобный характер нормативного поля человеческого существования формирует лукавые типы поведения и характерные черты их носителя — «человека лукавого». Он приспосабливается к социальной действительности, ищет допуски и лазейки в ее нормативной системе, т. е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней «правила игры», и в то же время — что не менее важно — постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила. Это вынуждает его постоянно оправдывать собственное поведение то ли ссылками на необходимость самосохранения, на пример «других» («надо жить», «все так» и

² Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / под ред. Ю. А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.

проч.), то ли апелляциями к нормативным системам иного ранга («высшие интересы» и т. п.), — писал Ю. А. Левада [4, с. 19]. Видимо, такая модель поведения наших соотечественников имеет тесную связь с советской эпохой. Двусмысленность любых оценок в лукавом сознании делает возможным демонстративную переоценку событий, эпох, деятелей — не предполагающую серьезного их переосмысления.

Ю. А. Левада следующим образом определял основные черты советского человека: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. Такой набор характеристик свидетельствует, скорее, об определенной принадлежности человека системе ограничений, чем его действиях.

«Правильный» советский человек не может представить себе ничего, что находилось бы вне государства. Для него негосударственные медицина, образование, наука, литература, экономика, производство и т. д. — или просто невозможные вещи, или — как это стало уже в постсоветские времена — нелегитимные, или дефектные институции. Он целиком принадлежит государству, это государственно зависимый человек, привычно ориентированный на те формы вознаграждения и социального контроля, которые исходят только от государства. Тем не менее, при утверждении рыночных отношений, пусть медленно, но граждане России адаптируются к новым экономическим и социальным условиям жизни.

Ю. А. Левада выделял в динамическом развитии «человека советского» раннесоветский период, позднесоветский период, период перестройки и возникновение новой ситуации. В каждом из этих периодов общество оказывалось структурировано по-своему. Правда, ученый не ставил перед собой задачи дать полную характеристику этих периодов. Ю. А. Левада ограничивается выделением в каждом из них двух наиболее существенных слоев — «верхнего» и «нижнего» слоев или сознания политической или культурной элиты и массового сознания.

По мнению социолога, сознание массовых слоев характеризуется тремя более или менее устойчивыми характеристиками — «терпением», «мобилизацией» (в период выборных кампаний) и «двоемыслием». Особенно важной особенностью является

содержание двоемыслия. Здесь обнаруживается прямая связь с романом Джорджа Оруэлла «1984».

По мнению известного социолога Льва Дмитриевича Гудкова (1946), своеобразие способа работы Левады состояло в стремлении обнаружить многообразие мотивов и образцов действия, признания сложности и социальной материи в конкретных, российских обстоятельствах и ситуациях «сейчас идущей жизни», выявлении такой же равноценности российской реальности, что и в других зонах мировой истории [1, с. 369—370].

В 2003 году Ю. А. Левада вынужден был покинуть ВЦИОМ из-за трансформации этой организации. Был создан Аналитический центр имени Ю. А. Левады (Левада-Центр). Стал выходить журнал «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии». Показателем авторитета Ю. А. Левады является то, что все сотрудники ВЦИОМа ушли вместе с ним в другую организацию. Об этом хорошо заметил сын ученого Владимир Юрьевич Русинов (Левада): «Я думаю, такой выбор коллег — самая высокая награда, которой может быть удостоен ученый, руководитель при жизни, куда там нобелевской организации!» [5, с. 226—227].

За текущей информацией политического характера Ю. А. Левада пытался нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориентаций «простого советского человека», и делал это блестяще. По мнению многих коллег, в этой историко-теоретической ориентации заключается главное отличие работы Левада-Центра от аналогичных зарубежных исследований.

Говоря о роли Ю. А. Левады в развитии российской социологии, многие специалисты выделяют три момента. Сила неравнодушной и нестандартной научной мысли — это первый вклад, который внес ученый в социологическое сообщество. Вторым вкладом можно считать высоту нравственного поведения и поступка. Ко всему его творчеству можно применить категорию «научной честности». В конце шестидесятых годов, когда наше общество совершало переход от «оттепели» к новым «заморозкам», такая модель поведения была явной и откровенной ересью с точки зрения марксистской идеологии. Третий вклад Ю. А. Левады в социологическое сообщество — это его удивительный юмор, тонкая ирония и по отношению к самому себе, это

его веселые сентенции, реплики, обобщения, которые он высказывал по разному поводу. Во время публичных выступлений он пытался вместе с аудиторией искать ответы на вопросы, которые ставились самой жизнью в повестку дня.

Итак, Юрий Александрович Левада является выдающимся российским социологом, который внес огромный вклад в развитие отечественной социологии. Особые усилия ученый приложил для исследования общественного мнения в современной России.

Библиографический список

1. *Гудков Л. Д.* Проблемы социологии Юрия Левады // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / сост. Т. В. Левада. М.: Издатель Карпов Е. В., 2010. С. 369—370.
2. *Левада Т. В.* Предисловие // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / сост. Т. В. Левада. М.: Издатель Карпов Е. В., 2010. С. 9.
3. *Левада Ю. А.* Интервью Саше Канноне // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / сост. Т. В. Левада. М.: Издатель Карпов Е. В., 2010. С. 14.
4. *Левада Ю. А.* Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1 (45). С. 19.
5. *Русинов (Левада) В. Ю.* В самом конце его последней зимы // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / сост. Т. В. Левада. М.: Издатель Карпов Е. В., 2010. С. 226—227.

М. В. Баканова

Заведующий Медицинским центром международного ухода
«Dua Hospital», Исламабад (Пакистан)

ИНТЕЛЛИГЕНТ БРИТАНСКОЙ ИНДИИ — СЭР САИД АХМАД ХАН

19-й век и британская оккупация привели к формированию нового поколения интеллигенции в Британской Индии, борющейся не только за самосознание общества, но и продвигающей идеи независимости, которые в итоге привели к образованию современной политической карты Южной Азии.

Ключевые слова: Южная Азия, политология, социология, социальная антропология, теория двух наций.

M. V. Bakanova

Chief of «Dua Hospital» International Care Medical Centre,
Islamabad (Pakistan)

INTELLIGENT OF BRITISH INDIA — SIR SAYID AHMAD KHAN

The 19th century and the British occupation led to the formation of a new generation of intellectuals in British India, fighting not only for the identity of society, but also promoting ideas of independence, which ultimately led to the formation of the modern political map of South Asia.

Key words: South Asia, political science, sociology, social anthropology, theory of two nations.

Интеллигенция — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры [1, с. 311]. Несмотря на то, что понятие «интеллигенция» изначально возникло и сложилось в рамках российской культуры, оно получило значительное распространение в мире. Принятое на Западе понятие «интеллектуалы» вполне может быть рассмотрено как

узкая часть термина «интеллигенция». При этом, различия в подходах и оценках зачастую определяют слабое участие западных мыслителей или мыслителей мусульманских стран в оценке представителей образованной элиты в качестве интеллигенции. При этом, данная элита вполне подходит под определение В. В. Тепикина и фактически может быть закономерно рассмотрена в качестве интеллигенции [2, с. 107].

Несмотря на то, что Делийский султанат и Могольская Империя породили ряд замечательных представителей интеллигенции: поэтов, прозаиков, ученых; угасание страны под воздействием активной британской оккупации к началу 19 века фактически уничтожило древнее наследие. При этом, под воздействием тех же британцев 19 век, особенно его вторая половина стали источником формирования новой местной интеллигенции британо-индостанского общества. Ярким представителем последней стал сэра Саид Ахмад Хан.

Саид Ахмад Хан родился в семье высших сановников Могольской империи, однако, уже его отец отрекся от слабой имперской системы и перешел на сторону британцев. Он получил традиционное для того времени образование мусульманской знати в Дели, включающее в себя: языки (персидский, арабский, урду и позднее английский), исламские науки, математику, астрономию, праву, а также много времени уделяя спорту. Ранняя смерть отца вынудила молодого дворянина поступить на службу. Сэр Саид унаследовал титул и должность своего отца, однако от службы при дворе отказался, также как и от карьеры журналиста в журнале брата и от судейской мантии в верховном шариатском суде. Несмотря на то, что должность в колониальной администрации не была для него доступна (такой закон появился только в 1860 году), он принимает приглашение на место клерка, ответственного за ведение документации и судебных дел в Агре, фактически став одним из первых судейских чиновников индостанского происхождения. Уже в 1940 году он начал активный карьерный рост, а в 1958 году назначен на высокий пост в Мурабададе. Восстание сипаев (1857—59), закончившееся низложением императорской власти и образованием Британской Индии, не обошло его стороной, как и большинство мусульманских семей Северного Индостана [3].

В 1859 году сэр Саид опубликовал буклет «Асбаб-и-Багават-и-Хинд» («Причины восстания в Индии»), в котором изучал причины восстания сипаев и причины его несостоятельности. Он опровергает мнение о том, что заговор планировался мусульманскими элитами вследствие уменьшения их политического влияния в стране. При этом — он обвинил британскую администрацию в агрессивной экспансии и игнорировании устоев местной культуры и менталитета. Данная книга была отправлена им в Великобританию и была там признана в качестве официального документа [4]. Несмотря на обвинения, автор был в целом признан лояльным британской политике.

Отслужив на британской службе около 20 лет сэр Саид выходит в отставку, что дало ему новый толчок к разработке новых социально-политических норм, философских идей и общественно-религиозных реформ. В своих книгах он критикует традиционных мусульманских богословов, заостеневших в старых традициях и догмах и предлагает освежить взгляд на ислам и воспринимает Коран — как источник прогресса для мусульман. Он организует исламское научное общество, а на его основе — в 1875 г. Мусульманский англо-восточный колледж (а затем и переросший в Алигархский университет в 1920 г.). Преподавание в нем строилось на равновесии между западными и восточными дисциплинами, а учебные программы ориентировали студентов для работы как в Европе, так и в мусульманских регионах. Создание подобного учреждения тем не менее было одобрено британцами. Через некоторое время Алигарх становится интеллектуальным центром мусульман Южной Азии [5]. А затем — и центром свободомыслия, и сопротивления британской оккупации, многие из выпускников которого стали во главе движения по борьбе за независимость.

В 1867 году в связи с тем, что из официального урду выделился индийский язык хинди и британская администрация под влиянием чиновников-индуистов была согласна принять хинди в качестве официального языка Британской Индии, сэр Саид последовательно отстаивал позиции урду. Он доказал, что урду был вторым по использованию в Империи Великих Моголов после персидского и официальным языком страны. Свидетельствуя перед назначенной Великобританией комиссией по образованию,

сэр Саид неоднозначно воскликнул, что «урду был языком дворян, а хинди — языком народа», за что подвергся резким нападкам индуистов. При этом он не рассматривал урду как язык исключительно индостанских мусульман, а признавал его в качестве общего индуистско-мусульманского наследия [6].

1 апреля 1869 года он вместе со своими сыновьями отправился в Англию, где 6 августа был награжден Орденом Звезды Индии от британского правительства, впоследствии он был посвящен британским правительством в рыцари, т. е. получив официальное признание своей деятельности от Великобритании.

В 1878 году сэр Саид был назначен в Законодательный совет вице-короля и изначально делал попытки примирить индуистское и мусульманское население Британской Индии. Однако, непримиримое отношение индуистов к мусульманам (в том числе и в качестве чиновников) вынудило его сделать больший уклон на сотрудничестве мусульман с британцами, как представителей более близких религий: ислама и христианства. В 1886 году он организовал Всеиндийскую мусульманскую образовательную конференцию в Алигархе, которая продвигала его видение современного образования и политического единства мусульман. Его работы сделали его самым выдающимся мусульманским политиком в Индии 19-го века, часто влияя на отношение мусульман к различным национальным вопросам.

Одна из наиболее интересных и сложных работ Саида Ахмед Хана — «Теория двух наций», которая отображает отношения между мусульманами и индуистами в рамках существования одного государства, под контролем Британии. Именно эта его относительно поздняя идея стала основной для образования в 1947 году двух отдельных независимых государств Индии и Пакистана, имеющих много общего в истории, культуре, языке; но разделенным по религиозному признаку. К началу 20 века преимущественное индуистское управление (с подачи британцев) в большинстве своем нетерпимо относилось к мусульманам, уменьшало для них возможность получить качественное образование и получить доступ к рычагам управления государством, часть мусульманских народов было записано британцами в качестве «враждебных каст» и не допускалось к получению образования вообще [5].

Сэр Саид Ахмед Хан фактически явился создателем мусульманской светской интеллигенции в Британской Индии, воспитателем целой плеяды политиков и интеллектуалов того времени. Его до сих пор помнят и чтят мусульмане Индостана, как великого мусульманского мыслителя и социального реформатора. Он был пылким сторонником прогрессивного и динамичного подхода к образованию, в том числе — религиозному. Он был первым мусульманским лидером, который понял опасность поглощения мусульман Индостана и возможность их полного растворения среди индуистского населения. Не смотря на то, что его идеи зачастую подвергаются критике со стороны индуистских националистов, они до сих пор остаются актуальными ввиду сложной социально-политической обстановки вокруг индийского мусульманского меньшинства.

Библиографический список

1. *Амбарцумов Е. А., Ерман Л. К.* Интеллигенция // Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 10. 664 с.
2. *Тепикин В. В.* Интеллигенция: культурный контекст Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 108 с.
3. *Баканова М. В.* Мир под названием Пакистан. Канада: Альтаспера Паблишинг, 2015. 406 с.
4. *Masood Ashraf Raja* Constructing Pakistan: Foundational Texts and the Rise of Muslim National Identity, 1857—1947. Oxford University Press, 2010. 182 p.
5. *Баканова М. В.* Ислам в Южной Азии. Канада: Альтаспера Паблишинг, 2021. 385 с.
6. *Graham G. F. I.* Life and work of Sir Syed Ahmed Khan. British India Calcutta: Thacker, Spink, 1909. 289 p.

Д. В. Кареев

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ИСТОРИК IV ВЕКА СЕКСТ АВРЕЛИЙ ВИКТОР:
ПРОВИНЦИАЛ, СТАВШИЙ
СТОЛИЧНЫМ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ**

В статье речь идет о римском историке и биографе IV века Сексте Аврелии Викторе. Анализируются его происхождение, биография и главные особенности его исторического труда «Liber de Caesaribus», а также обстоятельства, способствующие его становлению как историка-моралиста.

Ключевые слова: Секст Аврелий Виктор, Аммиан Марцеллин, Юлиан, Римская империя, провинциалы, биография.

D. V. Kareev

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

**FOURTH-CENTURY HISTORIAN
SEXTUS AURELIUS VICTOR: A PROVINCIAL
TURNED METROPOLITAN INTELLECTUAL**

The article is about the fourth-century Roman historian and biographer Sextus Aurelius Victor. The author analyzes his origin, biography and the main features of his historical work «Liber de Caesaribus», as well as the circumstances that contributed to his formation as a moralist historian.

Key words: Sextus Aurelius Victor, Ammianus Marcellinus, Julian, Roman Empire, provincials, biography.

По справедливому замечанию В. ден Боэра, мы, к сожалению, никогда не узнаем, зачем будущий император Юлиан в 361 году приказал провинциальному историку Сексту Аврелию Виктору, которого он впервые встретил в г. Сирмии, прибыть к нему в Наисс, чтобы занять пост консуляра провинции Вторая Паннония, и при этом почтил его еще и бронзовой статуей [5, с. 19]. Точно также непонятны причины, побудившие уже импе-

ратора Феодосия выдвинуть его, африканского провинциала и сына бедняка, лишенного преимуществ аристократического образования, в префектуру города Рима в 389 году [5, с. 19]. Не вызывает сомнения, что у него имелся отличный послужной список, а его продвижение по службе впоследствии позволило ему обладать одним из высоких статусов поздней Римской империи *vir clarissimus* [5, с. 19]. Видимо, надо согласиться с оценкой его современника, крупнейшего историка того времени Аммиана Марцеллина утверждавшего, что Виктор был человеком, достойным «зависти за свой разумный образ мыслей», позволившей ему добиться столь высоких должностей [1, с. 136].

Будущий историк и имперский чиновник Секст Аврелий Виктор, как он сам пишет о себе в своем историческом труде «*Liber de Caesaribus*», родился в сельском районе провинции Африка, и его отец, как указывает сам историк, был скромным и необразованным [3, с. 49]. И только благодаря усердным занятиям наукой, он сделал свою жизнь «более почетной» [2, с. 26]. Дата рождения Виктора не может быть точно установлена, но он предположительно родился около 320 года, поскольку в 337 году он, похоже, был в Риме и стал свидетелем похорон императора Константина I Великого, а в 361 г. он уже зрелый и достаточно опытный назначается консуляром Второй Паннонии. Более того, сомнительно, чтобы он поднялся по бюрократической лестнице настолько быстро, поскольку он не принадлежал армии, главному социальному лифту того времени [3, с. 49].

Начальное образование Аврелия Виктора, как и у его более известного североафриканского современника Аврелия Августина, вероятно, было получено на местном уровне, как это было тогда принято для представителей высшего и среднего классов [3, с. 49]. Впоследствии Виктор, похоже, уехал из Африки в Рим, где предположительно находился между 337 и 348 годами.

Во время своего пребывания в столице Виктор, вероятно, получил должность на императорской государственной службе, возможно, в нотариальном корпусе, поскольку его образование превосходно подготовило его для этого, тем более, что корпус нотариусов быстро расширялся при императоре Констанции II [3, с. 50]. Поэтому, возможно, что Виктора в качестве старшего нотариуса послали в Сирмий незадолго до 361 года. Именно в этот

период Виктор написал «Liber de Caesaribus» единственное, насколько нам известно, свое произведение. Оно было начато не раньше 358 г., так как автор отмечает землетрясение в Никомедии в консульство Цереала, произошедшее в августе этого года [2, с. 23]. Из самого текста, мы узнаем, что его работа была завершена между 9 сентября 359 года и 8 сентября 360 года [3, с. 51].

Вскоре после того, как он завершил «Liber de Caesaribus», и незадолго до смерти императора Констанция II Виктор связал свою судьбу с будущим правителем империи Юлианом. Молодой император назначил Виктора наместником Паннонии Второй и наградил его бронзовой статуей [1, с. 136]. Виктор, как и Юлиан, имел литературные наклонности и, вероятно, был согласен с императором в вопросах политики и в целом философии. К тому же оба были язычниками и поклонниками древних традиций Рима.

То есть, Аврелий Виктор принадлежал к тому же поколению, что и Юлиан, родившийся в 331 году, и Аммиан Марцеллин, родившийся около 332 года. Вполне естественно, что молодой император выделял его. Также, мы замечаем сходство и между Виктором и Аммианом, несмотря на их разницу в происхождении (Аммиан, несомненно, был сыном куриала Антиохии и был выходцем из гораздо более зажиточной семьи, чем Виктор), которое проявляется в стремлении к классическому литературному языку, привязанности к древней религии, уважение к старым традициям Рима и подражание литературным образцам (Саллюстий и Тацит). Вполне возможно, что оба историка были лично знакомы.

Наконец, в 388 или начале 389 года император Феодосий назначил Аврелия Виктора praefectus urbis. Эта должность была очень востребована членами сенаторской аристократии как венец их карьеры, и в этот период ее занимали такие выдающиеся личности, как Аниций Басс, Квинт Аврелий Симмах и Никомех Флавиан [3, с. 52]. Должности, которые Виктор занимал между своим наместничеством в Паннонии и городской префектурой, неизвестны, но вполне вероятно, что он служил проконсулом Африки [3, с. 53].

Аммиан Марцеллин представляет Виктора как *vir sobrius* [1, с. 136], и у нас нет оснований сомневаться в искренности этой похвалы. Прилагательное *sobrius* при этом означает не

только «трезвый», но и «умеренный», «воздержанный», «благоразумный», «рассудительный». Предполагая отказ от всех излишеств, такие добродетели как уравновешенность, благоразумие и мудрость представляют в IV веке истинный нравственный идеал. Поэтому Аврелий Виктор не теряет возможности заклеить все пороки, начиная от чрезмерного употребления вина и заканчивая самыми постыдными деяниями правителей. Если он с некоторым самодовольством и распространяется о скандалах из личной жизни императоров или их жен, то это не столько из стремления рассказать исторические анекдоты, сколько ради того, чтобы показать истинную ценность чистоты нравов. Естественно, что Виктор отмечает скромность как необходимое условие счастья. Возможно, что здесь он как язычник испытывал уже влияние христианской морали, которая в IV веке широко проникла в нравы общества. Но пример личной жизни Юлиана достаточно ясно показывает, что подобный аскетизм оставался в почете в языческих кругах.

Литературная культура и хорошее образование тоже, по его мнению, имеют большое значение. Именно классическая литература способствовала социальному подъему самого Аврелия Виктора. Поэтому он так часто упоминает в добродетелях правителей их склонности к знаниям или, наоборот, их невежество и грубость. Культура, образованность и хорошие манеры необходимы императору как бы плох он ни был, они всегда придают ему некоторый престиж; напротив, их отсутствие притупляет самые прекрасные природные качества [2, с. 55]. Однако мораль и добродетель по-прежнему имеют первостепенное значение, и без воли к обузданию пороков образование и наука остается лишь минутной слабостью правителя. Хотя большинство хороших императоров были образованными людьми, некоторые из них смогли компенсировать свою необразованность только благодаря опыту, полученному из жизни. Это были, прежде всего, императоры эпохи тетрархии, люди, во многом, вышедшие из низов общества и имевшие пренебрежение к образованию [2, с. 56]. Таким образом, Виктор, вероятно, из симпатии к тетрархам, чей социальный подъем несколько напоминает ему его собственный, вынужден оправдывать их поступки и их нравы.

Аврелий Виктор, как провинциал и выходец из Африки, тесно связан со своей родиной; он ненавидит императора Мак-

сенция, разорившего Карфаген, «красу земель», и прекрасные края Африки [2, с. 56]. Отмечая суровость своих соотечественников, он, вместе с тем, проявляет к ним сочувствие, иногда даже пристрастное, как в случае с Каракаллой, правителем далеко не идеальным [2, с. 30]. Он все же чувствует себя провинциалом и не упускает случая заметить, что именно благодаря «*externi*» империя достигла своего величия [4, с. 223]. Но, в то же время, он и глубоко римлянин. Враждебно относясь к «варварству» в армии и администрации, он отмечает свою привязанность к Вечному городу, скрупулезно отмечая торжество «*ludi saeculares*», и с сожалением констатируя, что ими пренебрегали в его веке [2, с. 35]. По словам Ч. Старра, Аврелий Виктор и весь образованный слой людей того времени «стремились защитить стандарты, по которым они добивались продвижения по службе», и полностью «осознавали угрозу варварства как внутри и так и за пределами Империи» [6, с. 582].

Таким образом, Аврелий Виктор предстает хорошим свидетелем политического и нравственного менталитета своих современников. Пессимизм, возникающий в его творчестве, тоже традиционен у латинских историков. Его оригинальность заключается в том, что он хотел сделать свой исторический труд не простым изложением фактов, а своего рода трактатом морали и политики, который должен использоваться правителями в дальнейшем. Возможно, даже что его произведение больше предназначалась будущему императору Юлиану, чью победу и приход к власти он предчувствовал.

Библиографический список

1. Ammianus Marcellinus. Vol. II. London, 1940.
2. Aurelius Victor Livre des Césars / Ed. P. Dufraigne. Paris, 1975.
3. Bird H. W. A Reconstruction of the Life and Career of S. Aurelius Victor // The Classical Journal. 1975. Vol. 70 (4). P. 49—54.
4. Bird H. W. S. Aurelius Victor: Some Fourth Century Issues // The Classical Journal. 1978. Vol. 73 (3). P. 223—237.
5. Boer W. den Some minor Roman Historians. Leiden, 1972.
6. Starr Ch. G. Aurelius Victor: Historian of Empire // The American Historical Review. 1956. Vol. 61, № 3. P. 574—586.

Л. В. Климович

доцент, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, старший научный сотрудник,
Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск)

**ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
К. Д. ПОМЕРАНЦЕВА (1906—1991):
ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ***

В статье раскрывается жизненный путь представителя российской послереволюционной эмиграции К. Д. Померанцева. Основное внимание уделено его молодости, события которой восстановлены по материалам архива Института изучения стран Восточной Европы при Бременском университете.

Ключевые слова: история России, эмиграция, литература, интеллигенция, Русское Зарубежье.

L. V. Klimovich

Associate Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I. N. Ulyanov, Senior Researcher,
Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk)

**STROKES TO THE PORTRAIT
OF K. D. POMERANTSEV (1906—1991):
ACCORDING TO NEW ARCHIVAL MATERIALS**

The article reveals the life path of the representative of the Russian post-revolutionary emigration K. D. Pomerantsev. The main attention is paid to his youth, the events of which have been reconstructed from the Archive of The Research Centre for East European Studies.

Key words: history of Russia, emigration, literature, intelligentsia, Russian Diaspora.

© Климович Л. В., 2021

* *Статья подготовлена в рамках программы «Иммануил Кант» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Германской службы академических обменов (DAAD).*

Революция и гражданская война в России изменила жизни миллионов человек, многим пришлось навсегда покинуть родину. Среди судеб тысяч эмигрантов историки чаще обращаются к известным личностям, тогда как судьба простого человека остается в стороне. В большей степени это касается тех, кто покинул Россию в юношеском возрасте, тех, кому пришлось получать образование и устраивать свою жизнь в эмиграции.

Статья посвящена довоенной биографии поэта и прозаика российской эмиграции Кирилла Дмитриевича Померанцева. Писательский талант проявился в нем только в послевоенные годы, когда он активно стал сотрудничать с журналом «Русская мысль». С 1947 года он становится сотрудником журнала, с 1958 года заместителем главного редактора. Он являлся ярким представителем молодого поколения послереволюционной эмиграции, «незамеченного поколения», как назвал его В. С. Варшавский [4].

Только в послевоенные годы К. Д. Померанцев смог обрести свое призвание: он выступал в эмигрантских периодических изданиях как поэт, автор интервью и очерков о деятелях русской эмиграции. Его произведения публиковались в изданиях: «Новый журнал», «Возрождение», «Мосты», «Опыты», «Континент», «Русскую мысль», «Новое русское слово» [7]. В послевоенные годы в его квартире устраивались литературные вечера, в которых принимали участие Иван Бунин, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Борис Зайцев, Юрий Одарченко, Владимир Смоленский и другие поэты и писатели [7].

В 1963, 1965 годах в альманахе «Мосты» вышла его повесть «Итальянские негативы» [7], в 1986 году он написал мемуары «Сквозь смерть», изданные в Лондоне [6]. В своих книгах, он дает яркие и точные портреты деятелей эмиграции с кем он был знаком, при этом свою личность обходит стороной. В 1986 году в Париже был опубликован сборник «Стихи разных лет». Спор о роли молодых писателей и поэтов в литературном процессе межвоенной поры ярко отразился на страницах книги В. С. Варшавского. Исследователи отмечают, что в названии книги В. С. Варшавский зашифровал загадку этого поколения: название метафорично, отчасти провокационно и вызывающее споры до сих пор [2, с. 218].

На сегодняшний день отсутствует специальное исследование, посвященное жизненному пути К. Д. Померанцева, в сборнике его воспоминаний, и серии интервью приводятся портреты людей с кем ему довелось общаться, все они затрагивают послевоенный период, а годах молодости он упоминает в паре абзацев.

Наша статья основана на личных документах К. Д. Померанцева, хранящихся в архиве Института изучения стран Восточной Европы при Бременском университете. К сожалению, документы малочисленны и представлены лишь официальными бумагами. Но, несмотря на это они позволяют проследить жизненный путь Померанцева, как представителя молодого поколения эмигрантов, показать сложности, с которыми сталкивалась эмигрантская молодежь в чужой стране.

Померанцев Кирилл Дмитриевич родился в Москве в 1906 году. Точная дата рождения не известна, так как в разных источниках указаны 1906 и 1907 годы. О его детстве и родителях, нам известно только из серии его интервью. Его отец Дмитрий Померанцев работал нотариусом в Полтаве, где и провел детство Кирилл. Его мать умерла, когда ему было 12 лет, а сам он рос болезненным ребенком [5, с. 401].

Отец женился второй раз и уже вместе с отцом и мачехой Кирилл Померанцев в 1919 году переехал в Новороссийск и оттуда покинул Россию. Скорее всего, Померанцевы эвакуировались в марте 1920 года. Первые годы в эмиграции он провел в Константинополе, где были открыты «русские школы».

Кирилл Померанцев получил среднее образование в английской школе-приюте для мальчиков. Занятия были организованы по программе подобным русским реальным училищам. В целом он учился хорошо, но, как отмечали учителя, особого рвения не проявлял [1]. 7 класс К. Померанцев окончил в 1924 году в возрасте 18 лет со средними баллами, если судить по оценкам, то легче всего ему давались точные предметы: алгебра, геометрия, физика [1].

После окончания школы Померанцев смог получить американскую стипендию профессора Т. Уитмора, который возглавлял Комитет помощи русской молодежи за границей (США), что позволило ему продолжить образование в Париже. Документы

свидетельствуют, что во Францию он въехал в 1926 году, о его деятельности 2 года после окончания школы нам не известно. В своих интервью он называет 1928 год, датой въезда во Францию. В турецком паспорте, выданном для переезда во Францию, значится дата выдачи 26 ноября 1926 года, таким образом, Померанцев приехал в Париж в конце 1926 года [3]. Померанцев учился в *École spéciale de travaux publics, du bâtiment et de l'industrie* (Специальная школа общественных работ, строительства и промышленности). Изначально он поступил на курс Высшей школы по направлению инженер «Общественных работ», но экзамены после 1 года обучения сдать не смог. Руководство заведения пошло ему навстречу и предложило перевестись без экзаменов на средние технические курсы сроком обучения на 3 года по специальности «Инженер общественных работ» (*Travaux publics*). Но и здесь он учиться не стал, занятия не посещал и практические работы не сдавал [1].

Другими документов об учебе Померанцева мы не располагаем, открытые источники говорят о том, что образования он так и не получил. Померанцев активно занялся общественной деятельностью в детско-юношеской организации Национальной организации русских разведчиков (НОРР) под руководством П. Н. Богдановича. НОРР образовалась путем выхода части скаутов из Национальной организации русских скаутов в 1928 году [8, с. 152]. Померанцев занимал должность инструктора [1], в его задачи входила в том числе агитация детей для участия в летних лагерях [3].

Документы же свидетельствуют, что уже 1 ноября 1931 года инструктор Померанцев вышел из НОРР по собственному желанию, с чем это связано остается загадкой [1]. В своем интервью он упоминает о том, что «мы, часть старших разведчиков, около 10 или 12 человек, создали собственную организацию русских патриотов (название точно не помню). Причём я написал нечто вроде устава, и первая глава гласила, что мы не политическая организация, но борьбу с национал-социализмом и коммунизмом считаем делом чести каждого порядочного человека. Это и стало известно немцам. Об этом знал и полковник Богданович... Он ли донёс, я не могу ручаться» [3].

Эти обстоятельства послужили, по мнению К. Д. Померанцева основанием для постановления об его аресте немецкими властями, после нападения немцев на СССР. Померанцев вспоминал, что благодаря знакомству в Префектуре ему удалось получить пропуск и уехать из Парижа. Документы подтверждают, что пропуск им был получен 20 сентября 1941 года, по которому ему удалось сначала уехать в Тарбе, что находится недалеко от Тулузы, где у него были знакомые, а затем в Лион [3].

Начавшаяся война ознаменовала новый этап в жизни российской эмиграции и Кирилла Померанцева, в частности. Он вспоминал, что участвовал в движении Сопротивления, после войны обдумывал вопрос возвращения в СССР. Французское гражданство он не получил, всю жизнь прожив с паспортом с видом на жительство, который выдавался на 10 лет. В таком документе, выданном в 1979 году, в графе гражданство значится русский беженец/эмигрант, профессия наемный работник [1].

Молодость К. Д. Померанцева пришлась на первые десятилетия эмиграции, его судьба позволяет реконструировать жизненный путь молодого человека, показать, что не всегда поддержка в виде стипендии была гарантией получения образования. Все же многое зависело от самого человека, его жизненного выбора.

Библиографический список

1. Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen [Archiv of The Research Centre for East European Studies] (FSO), fond 01—112 (К. Д. Померанцев).
2. «...Я задумал очень трудную книгу...». Письма к В. С. Варшавскому о «Незамеченном поколении» / вступительная статья М. А. Васильевой; подготовка текста и комментарии М. А. Васильевой и О. А. Коростелева // Русская литература. 2017. № 1. С. 216—242.
3. «Встречи это божественный дар». Кирилл Померанцев: о себе, о судьбе, об эмиграции. (Беседа Александра Радашкевича с Кириллом Померанцевым): в 6 ч. URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_314.html (дата обращения: 11.03.2021).
4. *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.

5. *Померанцев К.* Оправдание поражения / сост. А. П. Радашкевич. Санкт-Петербург: Русская культура, 2018. 638 с.
6. *Померанцев К.* Сквозь смерть. Париж, 1986. 195 с.
7. *Радашкевич А.* Из истории русской эмиграции: Померанцев К. Д. URL: https://www.partner-inform.de/zapiski/text%20html/6/12-Kirill_Pomerantzev.htm (дата обращения: 11.03.2021)
8. *Терзов А. С.* История и идеология русских эмигрантских молодежных организаций на примере национальной организации русских разведчиков (НОРР) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2009. № 11 (15). С. 151—155.

УДК 2-67 / 2-9

А. А. Копылов

аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени св. равноап. Кирилла и Мефодия (Москва)

**ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ПЕРЕПИСКИ
ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ I (СИМАНСКОГО)
С ПРЕДСЕДАТЕЛЯМИ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Г. Г. КАРПОВЫМ И В. А. КУРОЕДОВЫМ В 1958—1964 ГГ.

В статье на основе переписки Патриарха Алексия I (Симанского) с Г. Г. Карповым и В. А. Куроедовым рассмотрены основные вопросы, которые отражены в ней во время антирелигиозной политики, которую проводил Н. С. Хрущев в 1958—1964 гг. На основе писем раскрыты вопросы положения монастырей и духовных школ, которые были основными в данный период.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, переписка, Совет по делам Русской православной церкви, монастыри, антирелигиозная политика.

A. A. Kopylov

Graduate student of the General Church Post-graduate and doctoral Studies named after St. Equinox. Cyril and Methodius (Moscow)

**THE MAIN TOPICS OF CORRESPONDENCE
OF PATRIARCH ALEXY I (SIMANSKY)
WITH THE CHAIRMEN OF THE COUNCIL
FOR THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH
G. G. KARPOV AND V. A. KUROEDOV IN 1958—1964**

The article being based on the correspondence of Patriarch Alexy I (Simansky) with G. G. Karpov and V. A. Kuroyedov examines the main issues that are reflected in it during the anti-religious policy pursued by N. S. Khrushchev in 1958—1964. The issues of the situation around monasteries and theological schools, that were the main topics in this period, have been revealed.

Key words: Russian Orthodox Church, correspondence, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, monasteries, anti-religious policy.

Письма Патриарха Алексия I (Симанского) — сборник документов, опубликованный в 2009—2010 гг. издательством РОССМЭН [3, 4] является одним из основных источников для изучения истории Церкви в середине XX века. Исследования по разным вопросам, таким как взаимодействия с Советом по делам Русской православной церкви, Церковь и советское общество, духовенство эпохи, изучение некоторых приходов не обходятся без использования переписки. Эпоха хрущевских гонений в переписке стала одной из переломных. Во-первых, новое наступление на Церковь поставило вопрос о ее отношении к проводимой политике. Во-вторых, в 1960 году поменялось положение во взаимоотношениях главы Русской Церкви и Совета по делам Русской православной церкви в связи с назначением нового главы Советского надзирающего органа. Вместо Г. Г. Карпова главой стал В. А. Куроедов. В-третьих, проведение под давлением советской власти Архиерейского Собора в 1961 году и принятие изменений в Положение об управлении Русской Православной Церковью поставило необходимым осмысление произошедшего.

В исследованиях протоиерея А. Марченко [2], Т. А. Чумаченко [5], М. И. Одинцова [3], М. В. Шкаровского [6] подробно рассмотрены различные вопросы данного этапа церковно-государственных отношений. В настоящей статье представлены краткие сведения о том, какие вопросы поднимались в переписке Патриарха в течение его предстоятельского служения в 1958—1964 гг.

Современник событий, А. Э. Краснов-Левитин замечает, что за рубежом состояние оценивалось двояко: «Одно (мнение. — А. К.), что Патриархия и все ее работники были агентами органов. Другое мнение, что Патриархия была стражем веры, носительницей народных религиозных чаяний» [Левитин-Краснов с. 196—197]. Сам автор воспоминаний не согласен ни с одним из приведенных мнений. Рассмотрев личность патриарха Алексия, современник приходит к выводу о том, что предстоятель Церкви следовал согласно следующему принципу: «Консервативная церковь в консервативном государстве — такова новая формула, пришедшая на смену старой формуле церковных либералов “свободная церковь в свободном государстве”» [1, с. 198].

За шесть лет Патриарх Алексей отправил 113 писем. Больше всего писем было отправлено в 1959 и 1962 гг. Это были годы, когда перед Церковью встали вопросы не только осмысления новой политики, начатой в 1958 году, но и первые осмысленные действия по произошедшим изменениям 1960 и 1961 гг. Несмотря на назначение в 1960 году нового главы Совета по делам Русской православной церкви, В. А. Куроедова, в 1960 году, переписка была самой короткой. Тем не менее, встречи с новым чиновником происходили весьма часто.

Количество писем Патриарха Алексия по годам

Ходатайства Патриарха Алексия по годам	
Год	Количество писем с ходатайствами Патриарха
1958	14
1959	24
1960	4
1961	11
1962	24
1963	13
1964	23

Наибольшее число писем за рассматриваемый период касалось деятельности монастырей, положению духовных школ, а также деятельности Церкви на местах. Патриарх неоднократно консультировался по вопросам новой политики и того, как Церковь должна была реагировать. Тяжбы, которые были направлены лично ему, глава Церкви неоднократно решал совместно с Советом по делам Русской православной церкви.

В мае 1958 года Его Святейшество направил для сведения Совета смету о деятельности Патриархии за рубежом и примерных затратах, которые были использованы для обеспечения деятельности клириков и мирян, в Европе. В смете помимо выдаваемых «на руки» денежных средств представлена информация о ремонте в Болгарии, США и Югославии храмов, принадлежавших Русской Церкви [4, с. 215—217].

Г. Г. Карпов до своего смещения также получил три личных письма. В них Святейший иерарх жаловался на свое здоровье, а также интересовался состоянием здоровья советского чиновника и его родных [4, с. 234, 250, 265—266]. Последнее письмо первому председателю Совета Патриарх направил на его имя, когда Карпов уже был отправлен на пенсию [4, с. 301—302].

С В. А. Куроедовым темы переписки касались сугубо церковных дел. Вопросы, поднимаемые главой Церкви в 1961—1964 гг., касались попыток сохранения церковной жизни, отстаивания тех или иных церквей на местах в условиях открытой антирелигиозной политики.

Для Патриарха, как и ранее вопросы монастырей были одними из ключевых. В годы руководства страны Н. С. Хрущевым были закрыты большинство обителей, поэтому Его Святейшество писал в Совет с просьбами разрешить Церкви решить судьбу монахов и монахинь переводом в оставшиеся обители.

В первой половине 1960-х гг. также были выявлены случаи, когда Патриарх писал в Совет по вопросам духовных школ. Патриарх старался сохранить Минскую Духовную семинарию [4, с. 411—412.]. Однако духовная школа была закрыта. Кроме того, Глава Церкви неоднократно писал о положении дел в Московских и Ленинградских Духовных Семинариях и Академиях, которые стали основными учебными центрами в это время.

Таким образом, в годы Хрущевской антирелигиозной политики переписка Патриарха Алексия с Советом по делам Русской православной церкви сосредоточилась вопросами внутренней жизни. В условиях антирелигиозного курса государства Патриарх Алексей старался насколько возможно сохранить Церковь от полного уничтожения. В первую очередь, первоочередным был вопрос монастырей и монашествующих. В этих письмах Глава Церкви старался содействовать сохранению церковную жизнь, или, если это не удавалось, переводу монашествующих в другие обители. Вопросы духовных школ также были связаны вопросов сохранения, функционирования и улучшения положения их деятельности. Осмысление деятельности Патриарха на основе его переписки с Советом по делам Русской православной Церкви позволяет говорить о том, каким образом Церковь выстояла в это непростое для нее время.

Библиографический список

1. *Краснов-Левитин А. Э.* Рук твоих жар: Воспоминания. Ч. II. Тель-Авив, 1979.
2. *Марченко А. Н., прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2010.
3. *Одинцов М. И.* Патриарх победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). М.: Политическая энциклопедия, 2015.
4. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945—1970 гг. / под ред. Н. А. Кривовой; отв. сост. Ю. Г. Орлова; сост. О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
5. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945—1970 гг. / под ред. Н. А. Кривовой; отв. сост. Ю. Г. Орлова; сост. О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. Т. 2. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 671 с.
6. *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.
7. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.

А. А. Корников

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ РУССКОГО
ИНТЕЛЛИГЕНТА В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ.
И. Ф. НАЖИВИН: ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ**

В статье рассматриваются идейно-политические искания видного представителя русской интеллигенции конца XIX — начала XX в., публициста и писателя И. Ф. Наживина, прошедшего очень сложный путь эволюции от толстовца-народника до апологета белогвардейского движения. Позднее в условиях эмиграции он постепенно эволюционирует от антибольшевизма до полного признания Советской власти

Ключевые слова: русская интеллигенция, великая российская революция, Гражданская война в России, идейные искания, И. Ф. Наживин.

A. A. Kornikov

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

**IDEOLOGICAL AND POLITICAL SEARCH
OF THE RUSSIAN INTELLECTUAL IN THE ERA
OF WARS AND REVOLUTIONS.
I. F. NAZHIVIN: WRITER AND PUBLICIST**

The article examines the ideological and political search of a prominent representative of the Russian intelligentsia of the late XIX — early XX centuries, the publicist and writer I. F. Nazhivin, who went through a very difficult path of evolution from a Tolstoy-narodnik to an apologist of the White Guard movement. Later, in the conditions of emigration, it gradually evolves from anti-Bolshevism to full recognition of Soviet power.

Key words: Russian intelligentsia, the Great Russian Revolution, the Civil War in Russia, ideological searches, I. F. Nazhivin.

Одной из актуальных тем российского интеллигентоведения является тема идейно-политических исканий русской интеллигенции в условиях бурных событий в России первой четверти

XX века. Этой теме посвящено большое количество исследований. Однако многие из них носят абстрактный, обобщенный характер, не замечающих всей сложности и тонкостей позиции отдельных русских интеллигентов, эволюции их взглядов в условиях трагических событий того времени. В данной статье мы попытаемся реконструировать идейно-политические искания видного представителя русской интеллигенции конца XIX — начала XX в., известного дореволюционного и эмигрантского писателя И. Ф. Наживина (1874—1940 гг.).

Общие сведения о жизни и творчестве И. Ф. Наживина имеются в ряде энциклопедических изданиях, вышедших в последние годы [1, с. 600—602; 10, с. 216—218; 11, с. 446—448]. Для понимания истоков идейно-политических взглядов И. Ф. Наживина необходимо остановиться на основных вехах его жизненного пути. Иван Федорович происходил из крестьян Владимирской губернии. Его отец разбогател, занимаясь лесным промыслом. Это позволило И. Ф. Наживину получить неплохое образование за границей и заняться литературным творчеством. Первые его произведения начали публиковаться в 1890-х гг. К концу его жизни собрание сочинений И. Ф. Наживина насчитывало более 40 томов, включая рассказы, повести, романы, эссе. Дореволюционная, эмигрантская и советская литературная критика достаточно нелицеприятно оценивала его творчество. Во многом это было связано с взглядами И. Ф. Наживина как противника революционного движения в стране.

Революция 1917 года застаёт его в родном селе Буланово (ныне Собинский район Владимирской области). В 1918 году он уезжает сначала в Киев, а затем на юг России, находившийся под контролем белогвардейской армии. И. Ф. Наживин сотрудничает в ОСВАГе — пропагандистском органе Вооруженных сил юга России. В 1920 году И. Ф. Наживин эмигрирует с семьей за границу. Там он продолжает заниматься писательским творчеством. В 1936 году он обращается с покаянным письмом к И. В. Сталину с просьбой простить его заблуждения и дать возможность вернуться в СССР. Однако это письмо осталось без ответа. Умер И. Ф. Наживин 4 апреля 1940 года в Бельгии.

Говоря об идейно-политических взглядах И. Ф. Наживина необходимо отметить, что в начале своего творческого пути он

был сторонником толстовства, с примесью народничества, противником революционного движения в стране [2]. Характеризуя свои взгляды в 1917 г., И. Ф. Наживин писал в «Записках о революции», вышедших в эмиграции в 1921 году: «Я сын мужика, я левый писатель, в течение больше двадцати лет, человек ничем своей общественной репутации не запятнавший» [9, с. 150, 315]. На выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года он голосует за энесов, то есть умеренных социалистов, близких по своей программе к кадетам. Вместе с тем он подчеркивал: «Я тоже ни в какой степени не социалист». Интересно, что свои известные «Записки о революции», он посвящает павшим под трехцветным знаменем старой России — «Великой, Единой, Неделимой» [9, с. 79]. В целом в этих «Записках» автор занимает позицию постороннего наблюдателя. Он критикует либералов, белогвардейцев, но еще более ему антипатичны большевики, комиссары и, в целом, все революционеры.

Как оценивал происходившие события в России И. Ф. Наживин и, в частности, как он объяснял причины и сущность революции 1917 года? По его мнению: «Восстание большевиков, если рассматривать его более внимательно, — это восстание масс, остро почувствовавших в борьбе за существование свое бессилие». Далее он отмечал: «Революция вырождается в пугачевщину. Армия коммунистов в огромном большинстве — армия подкупленных голодных людей» [9, с. 116, 264]. Анализируя причины революции, автор обвиняет в первую очередь российскую интеллигенцию: «Мы определенно виноваты, мы, интеллигенция, мы, вожди народные». Истоки этого разрушительного бунта И. Ф. Наживин также видит в критической направленности всей русской литературы, начиная с Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, подрывавшей устои российской государственности» [9, с. 113—115].

Работая в ОСВАГе в качестве пропагандиста белого движения, он сотрудничал в одесской газете «Южное слово», опубликовал брошюры «Что нужно знать солдату?» (1919), «Два письма» (1920), в которых упрекал крестьян в том, что они обрекают рабочих на голод, призывал тех и других «идти вместе, вместе делать жизнь лучше» [3; 4].

После поражения армии А. И. Деникина И. Ф. Наживин эмигрировал за границу, там некоторое время примыкал к монархистам. Он присутствовал на международном съезде русских монархистов в Германии в Рейхенгалле в 1921 году, где выступил с пространным докладом о насущных задачах монархического движения [5, с. 183—194].

Однако вскоре он отошел от монархистов, окончательно убедившись, что «старый порядок сгнил до корня, рухнул и придавил собою миллионы людей. И восстанавливать эту гниль, значит, бить самого себя обухом по голове» [5, с. 163, 215]. Поняв безысходность своего положения в зарубежье, Наживин начинает склоняться к «сменовеховству». В 1926 г. ходатайствовал о возвращении на родину, обратился в полпредство СССР в Париже с просьбой о принятии его в советское гражданство. Однако он получил отказ.

Это не остановило его просоветскую эволюцию. В памфлете «Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову» (Брюссель, 1930) он подверг жесткой критике либеральный проект по переустройству России П. Н. Милюкова, обвинив лидера российских либералов в банкротстве, а его новые предложения по переустройству страны назвал «старческим слабоумием»: «Вы, старик... уже стоящий в могиле... рветесь к власти..., в ослеплении своем метите себя в преемники Сталина» [6, с. 7—8]. В начале 1930-х он окончательно отмежевывается от монархизма. В брошюре «Национальная слава и национальный позор. О Николае II» (Брюссель, 1933) он писал о последнем царе как о личности, «которую хотелось бы вырвать из нашего прошлого», осуждал его как виновника небывалого разорения страны, вызвавшего революцию [7]. К середине 1930-х годов И. Ф. Наживин полностью разочаровывается в возможностях всех направлений эмиграции привлечь на свою сторону народ России и, самое главное, воссоздать могущество страны. Он все больше обращает внимание на созидательную деятельность большевиков, те успехи, которые были достигнуты на пути индустриализации.

В изданной в 1935 г. в Тяньзине (Китай) книге «Неглубокоуважаемые» — беллетризованных записках об эмиграции — И. Ф. Наживин в нелестном свете представляет эмигрантских политиков и писателей. В финальную часть книги он вводит обращение «К Иосифу Сталину»: «Я прошу Вас, Иосиф Виссарионо-

вич, пустить меня домой. Сил осталось уже немного, но все их отдам на служение Родине...» [8, с. 300—304]. И. Ф. Наживин обратился к политическому лидеру Советского Союза с просьбой о разрешении вернуться в СССР, о чем свидетельствует его письмо, сохранившееся в архиве. Однако эта просьба осталась без ответа [10, с. 218].

Таким образом, подводя итог можно отметить, что И. Ф. Наживин принадлежал к категории российских интеллигентов, которые были напуганы тектоническими сдвигами, которые происходили в нашей стране на переломном этапе её развития и не могли определиться со своими политическими предпочтениями. Они занимали колеблющуюся позицию в период революционного хаоса и смуты. Несомненно, свой отпечаток наложили и личные качества И. Ф. Наживина — человека эмоционального, остро реагирующего на любую несправедливость и жестокость. Вместе с тем необходимо отметить, что публицистические произведения и мемуары И. Ф. Наживина, созданные в 1910-х—1930-х годах, являются ценными историческими источниками о революции, гражданской войне, постреволюционной эмиграции, отразивших все эти события через призму восприятия мятущегося российского интеллигента.

Библиографический список

1. Михайлов А. И. Наживин И. Ф. // Русская литература XX века / под ред. Н. Н. Скатова Т. 2. Москва: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. 719 с.
2. Наживин И. Ф. Моя исповедь // Собрание сочинений. М.: Зеленая палочка, 1912. Т. V. 495 с.
3. Наживин И. Ф. Что нужно знать солдату. Ростов н/Д: Б. и., 1919. 34 с.
4. Наживин И. Ф. Война деревни с городом: Два письма (к рабочим и крестьянам). Ростов н/Д: Б. и., 1920. 15 с.
5. Наживин И. Ф. Среди потухших маяков: Из записок беженца. Берлин: Икар, 1922. 237 с.
6. Наживин И. Ф. Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову. Брюссель: Независимый, 1930. 32 с.
7. Наживин И. Ф. Национальная слава и национальный позор: (о Николае II). Брюссель: Polyglotte, 1933. 23 с.
8. Наживин И. Ф. Неглубокоуважаемые. Тяньцзин: Издательство А. И. Серебренников, 1935. 408 с.
9. Наживин И. Ф. Записки о революции. М.: Кучково поле, 2016. 383 с.

10. Полякова С. Т. И. Ф. Наживин // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия. 1999. 717 с.
11. Трущенко Е. И. Ф. Наживин // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.

УДК 94(47).057

Н. Ю. Кривопалова

доцент, Самарский национальный исследовательский университет
(Самара)

ЛИЧНЫЙ ФОНД АДВОКАТА А. Г. ЕЛШИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ САМАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье характеризуются формы социальной активности адвокатов как представителей самарской интеллигенции в начале XX в. На материалах личного фонда присяжного поверенного А. Г. Елшина в ЦГАСО раскрываются направления его общественной деятельности в Самарской губернии в 1905—1918 гг.

Ключевые слова: присяжные поверенные, интеллигенция, партия кадетов, Самарское краеведение.

N. Y. Krivopalova

Associate Professor, Samara National Research University (Samara)

PERSONAL FUND OF ATTORNEY A. G. ELSHIN AS A SOURCE FOR STUDYING THE SAMARA INTELLIGENTSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article characterizes the forms of social activity of attorneys as representatives of the Samara intelligentsia at the beginning of the 20th century. Based on materials from the personal fund of the attorney at law A. G. Elshin in TsGASO are revealed the directions of his social activities in the Samara province in 1905—1918 are revealed.

Key words: attorneys at law, intelligentsia, cadet party, Samara regional studies.

К началу XX века в Самарской губернии сформировалась профессиональная группа адвокатов как социально-значимая часть местной интеллигенции, призванная решать новые сложные задачи развивающегося общества. Становление самарской адвокатуры шло в русле общероссийского движения и было связано с буржуазной реформой суда, сделавшей этот институт необходимым элементом формирующейся системы буржуазных правовых отношений. Адвокатура (институт присяжных поверенных) в России создавалась в качестве особой самоуправляемой корпорации, хотя и подконтрольной судебной власти, но не входящей в ее состав. Главная задача профессиональной деятельности адвокатов — защита и реализация прав и свобод граждан, отстаивание справедливого осуществления правосудия — обуславливает отнесение представителей этой группы к интеллигенции.

Как показывают источники, самарские адвокаты помимо своей профессиональной деятельности участвовали в работе органов местного самоуправления, явились инициаторами создания культурно-просветительских и общественно-политических организаций губернии, занимая активную и ответственную гражданскую позицию. В этом, на наш взгляд, и проявлялись социальные функции присяжных поверенных как особой группы интеллигенции. Разнообразные направления социальной активности отчетливо раскрываются на материалах личного фонда адвоката А. Г. Елшина в Центральном государственном архиве Самарской области (Ф. 352). Фонд поступил в архив на хранение в 1926 г., охватывает период 1905—1918 гг., включает 98 единиц хранения в 3 описях, скомплектованных по смешанному принципу.

Александр Григорьевич Елшин (1878—1928) был родом из старинной дворянской семьи. После окончания гимназии получил высшее образование на юридическом факультете Петербургского университета. Возвратившись в Самару, работал помощником, а затем присяжным поверенным Самарского окружного суда до октября 1918 г.

Важным направлением социальной активности, представленном в личном фонде присяжного поверенного А. Г. Елшина,

является его общественно-политическая деятельность в составе самарского комитета партии кадетов с 1905 г. по 1918 г. В январе 1906 г. Самарский учредительный съезд партии народной свободы избрал А. Г. Елшина секретарем губернского комитета, в дальнейшем он стал председателем организации. После Февральской революции Елшин возглавил в Самарской городской думе партийную фракцию, выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания.

К основным типам документов фонда, отражающих это направление, относятся официальные документы центрального и местного комитетов партии народной свободы: обращения, резолюции, информационные сообщения; а также авторские документы: доклады и рабочие материалы Елшина по наиболее важным партийным вопросам. Перечисленные документы связаны с различными этапами деятельности кадетской партии и ее местного отделения, поэтому рассредоточены по делам фонда.

Одним из авторских документов являются «Краткие сведения о жизни Самарского отдела Партии Народной свободы», подготовленные Елшиным 18—19 марта 1917 г. по поручению губернского комитета партии. Документ особенно подробно описывает процесс организационного становления местного комитета и начальный этап его деятельности, передавая атмосферу бурного общественного подъема [1, л. 93].

В рамках группы официальных документов в фонде А. Г. Елшина содержится несколько обращений «К Самарскому обществу», отражающие активную позицию и деятельность губернского отделения кадетской партии в период 1905—1906 гг. Одно из них представляет политическую программу партийной организации. Документ провозглашал основные конституционные требования, рассматривал необходимые содержательные аспекты реформ в народном образовании, в аграрной сфере и рабочем законодательстве, в системе налогообложения и правовых отношениях [1, л. 215—216]. Положения этой программы легли в основу агитационной деятельности партии при открытии районных комитетов.

Другой документ-обращение «К Самарскому обществу» связан с важным направлением работы местных кадетов — политическим просвещением, которое представлялось «одной из оче-

редных задач русской интеллигенции». Для этого был создан «Самарский частный кружок для распространения политических знаний в народе», членами правления которого стали адвокаты А. Н. Хардин, А. Г. Елшин и литературовед Н. К. Пиксанов. Документ раскрывает задачи и основные формы работы кружка, особенно в уездных городах и деревнях, что имело важное политико-просветительское значение [1, л. 225].

Официальные документы личного фонда А. Г. Елшина характеризуют и поздний активный период в деятельности партии народной свободы (ПНС), обусловленный общественно-политическими событиями 1917—1918 гг. Среди этих документов — тезисы докладов и резолюции конференции ЦК партии, проходившей в 1917 г. и посвященной вопросам войны. На конференции были представлены доклады «О политическом положении», «Война, трезвость и финансы», «О пособиях увечным воинам». В принятых после обсуждения резолюциях отражена основная позиция партии по этим вопросам [2, л. 11].

Рассматриваемая группа документов включает также «Известия Центрального Комитета Партии Народной Свободы» с сообщениями о деятельности ЦК партии в Петрограде и распоряжениями для местных комитетов. Например, в Известиях от 13 ноября 1917 г. содержалась информация о заседаниях ЦК и обсуждении вопросов о составе Комитета Спасения Родины и Революции, о выборах в Учредительное собрание, о деятельности Петроградского Студенческого Комитета ПНС [2, л. 16—19].

В период 1917—1918 гг. А. Г. Елшин продолжал активную партийную работу, что отражают авторские документы его личного фонда. В этой группе преобладают рабочие материалы по актуальным политическим вопросам. Среди них — заметки об очередных задачах местной и государственной власти: «Благодаря чехо-слов<акам> — в Самаре нет большевиков и их власти. И перед Самарой — вопрос о создании иной, новой власти. [...] Самара не может остаться в стороне от общерусского дела. [...] Поэтому — нам предстоят задачи общегосударственного выздоровления и строительства. [...] Очередные государственные задачи:

а) свержение большевиков повсеместно, б) организация Армии для защиты от немцев, в) восстановление государства и возрождение хозяйств<енной> жизни страны [4, л. 29—31].

В фонде содержится ряд документов, подписанных адвокатом П. П. Подбельским, который с июля 1918 г. стал председателем местного комитета партии народной свободы. В свете изучения самарской интеллигенции представляет интерес сообщение о заседании «Комиссии по организации интеллигенции» (1918 г.), в состав которой входил П. П. Подбельский, подписавший документ. На заседании обсуждался план и организационные основы объединения интеллигенции. В документе отмечалось, что «в настоящий момент наиболее остро стоит вопрос о положении безработных интеллигентов. [...] Комиссия полагает, что объединение интеллигентных работников должно последовать

1) на почве обеспечения и защиты материальных интересов (приискание работы, устройство заводов, мастерских, столовых и пр.);

2) на почве интересов духовных (устройство образовательных курсов, чтение популярных лекций и пр.)» [1, л. 144—145]. Этот документ конкретизирует вопрос об изменении социального положения интеллигенции после октябрьской революции, когда многие ее представители потеряли работу и не имели возможности заниматься своей обычной профессией.

Еще одно направление социальной активности, представленное в личном фонде присяжного поверенного А. Г. Елшина, — это его исторические изыскания и краеведческая работа. Он был вдохновителем и организатором Самарского археологического общества, став его председателем в 1916 г.; занимался изучением древней истории Самарского края, что нашло отражение в подготовленном им в 1918 г. издании «Самарская хронология: Вып. I (по 1750 г. включительно)».

Документы, связанные с этим направлением деятельности, включают по большей части черновики, наброски и выписки по истории Самары. Многие материалы систематизированы, и указаны источники информации. Например, составленный Елшиным список городских воевод, охватывающий период с 1602 по 1684 гг., содержит полные имена, сроки службы и ссылки на источники — как правило, государственные акты [3, л. 93—93 об.].

Наряду с историческими выписками и набросками для самарской хронологии, в документах фонда А. Г. Елшина содержатся библиографические выписки. Они представляют собой

различные виды изданий со сведениями по истории Самары и соседних губерний [3, л. 1—13 об.].

К группе документов фонда, отражающих краеведческую деятельность А. Г. Елшина, относится и официальная документация Самарского археологического общества (САО). В 1917—1918 гг. работа общества была направлена на сохранение культурных ценностей в условиях гражданского противостояния. Документ от 11 июля 1918 г. содержит письменное обращение членов САО во главе с А. Г. Елшиным в штаб Народной армии с просьбой о необходимости перевозки из усадьбы графа Орлова-Давыдова (село Усолье Ставропольского уезда) на хранение в Самарский городской музей «наиболее важного в историческом и археологическом отношении имущества»: большой старинной библиотеки, исторического архива, различных коллекций и т. п. [4, л. 33]. Благодаря инициативе и усилиям участников САО ценные материалы усадьбы Орлова-Давыдова были сохранены для дальнейшего научного изучения.

В целом документы личного фонда присяжного поверенного А. Г. Елшина в ЦГАСО раскрывают основные направления его общественной деятельности, способствуя выявлению важных процессов, происходивших в российской провинции в начале XX в. Материалы данного фонда позволяют углубить и уточнить научные знания об особенностях политических и правовых отношений в самарском обществе этого периода, конкретизировать различные этапы деятельности местного отделения партии народной свободы, а также расширить представления об историческом изучении Самарского края и развитии краеведческого движения. А. Г. Елшин явился ярким представителем региональной интеллигенции и сыграл значительную роль в общественно-политическом и культурном преобразовании Самарской губернии в 1905—1918 гг.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 352. Оп. 2. Д. 1.
2. ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 84 а.
3. ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 1.
4. ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 2.

В. М. Марасанова

заведующая кафедрой, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова (Ярославль)

Ю. А. Кривошеева

старший преподаватель, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова (Ярославль)

A. F. GRYAZNOV AS A REPRESENTATIVE OF TECHNICAL INTELLIGENTSIA OF THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

В статье рассматриваются основные аспекты деятельности А. Ф. Грязнова как представителя дореволюционной технической интеллигенции. Авторы уделяют отдельное внимание интеллектуальному труду Грязнова по изучению истории Ярославской Большой мануфактуры.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, интеллигентоведение, фабрика, текстильная промышленность, Ярославль.

V. M. Marasanova

Head of the Department, P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl)

Yu. A. Krivosheeva

Senior lecturer, P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl)

A. F. GRYAZNOV AS A REPRESENTATIVE OF THE TECHNICAL INTELLIGENTSIA OF THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article considers the main aspects of the activity of A. F. Gryaznov as a representative of the pre-revolutionary technical intelligentsia. The authors pay attention to Gryaznov's study of the Yaroslavl Big Manufacture's history.

Key words: intelligentsia, intellectuals, intelligentsia studies, factory, textile industry, Yaroslavl.

Основоположник отечественного интеллигентоведения В. С. Меметов охарактеризовал интеллигенцию как группу представителей различных социальных слоев и профессий, живущих интеллектуальными интересами, как социальный слой, объединяющий лиц, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством. Он подчеркивал, что в интеллигенцию входят «представители образованного слоя общества, принявшие на себя роль выразителей интересов народа, претендовавшие на роль его духовного пастыря и представителя перед властью» [5, с. 7—8].

Интерес к истории российской интеллигенции и судьбам российской технической интеллигенции в исследовательской среде [3; 4] позволяет говорить об актуальности данной темы, особенно в Год науки и технологий.

В 2022 г. Ярославский комбинат технических тканей «Красный Перекоп», бывшая Ярославская Большая мануфактура (ЯБМ), отметит свой трехсотлетний юбилей. Несмотря на то, что сегодня предприятие переживает кризисный период, оно по-прежнему остается одним из старейших действующих текстильных производств, чья история уходит далеко вглубь веков.

За годы своего существования фабрика сменила множество владельцев и руководителей, жизнь и деятельность которых до сих пор содержит белые пятна. Задачей исследователя видится открытие новых страниц их интеллектуального творчества.

С XVIII в. до революционного 1917 г. на ЯБМ сменились три династии владельцев — Затрапезновы, Собакины-Яковлевы и Карзинкины, причем последние не только возродили предприятие после его упадка в первой половине XIX столетия, но и добились выхода фабрики в десятку крупнейших производств страны.

Успех работы любого предприятия неразрывно связан с целью грамотных управленческих решений, принимаемых его руководством. Дореволюционные владельцы ЯБМ были сведущи в фабричном производстве, однако, со временем тенденция удаления фабриканта от самого предприятия становилась все более очевидной. При династии Карзинкиных члены правления Товарищества Ярославской Большой мануфактуры проживали преимущественно за пределами Ярославля, отдавая фабрику на откуп управляющему персоналу.

На заре «фабричного» периода работы ЯБМ руководство предприятия предпочитало полагаться на деятельность иностранных директоров и мастеров, приезжавших на фабрику вместе с заграничным оборудованием. Тем не менее, недовольство рабочих, вызванное конфликтами с иностранцами [6, с. 16] заставило фабрикантов изменить политику подбора кадров, после чего, в начале 1890-х гг. на предприятии появился русский управленческий персонал, в том числе и Алексей Флегонтович Грязнов.

Карьеру Грязнова на ЯБМ можно назвать стремительной. В 1892 г. недавний выпускник Императорского Московского технического училища становится техническим секретарем при директоре ЯБМ, после крупнейшей стачки 1895 г. — заместителем директора фабрики, а в 1898 г. — управляющим предприятия.

На ЯБМ Алексей Флегонтович приступил к гидравлическим исследованиям р. Которосль на предмет обновления старых водяных турбин и переустройства одного из крупных отделений фабрики, составлял чертежи, планы закупки и размещения оборудования в цехах и др., представляя как технические расчеты, так и экономические обоснования работ. Грязнов проявил на ЯБМ способности изобретателя: он разработал проект хлопкоочистительной машины для трудного в очистке среднеазиатского хлопка. Грязнов дважды посещал США с целью изучения очистительного оборудования и автоматических ткацких станков, позволявших одному ткачу обслуживать сразу несколько машин, а также для поиска партнеров в области машиностроения. Командировка в Швецию позволила управляющему ЯБМ усовершенствовать систему отопления фабричных помещений [8, с. 26—29].

За 25 лет работы на ЯБМ Алексей Грязнов показал себя как эффективный управленец. В целях снижения социальной напряженности среди многотысячного населения фабричного района Грязнов стремился предупреждать конфликты и не допускать чрезмерного обострения ситуации. К числу его заслуг можно отнести упорядочение системы приема текстильщиков на предприятие (предпочтение отдавалось квалифицированным и дисциплинированным рабочим, при приеме особую роль играло наличие родственников среди рабочих ЯБМ), сокращение рабочего дня в

1905 г. (не забывая, конечно, о роли в этом снижении собственно протестного движения рабочих и общей обстановки в стране), структурирование ценовой политики лабаз, введение на ЯБМ беспроцентных ссуд для рабочих на постройку жилья и предоставление земли для построек, совершенствование системы материальных стимулов труда (выдача пособий, предоставление отпусков по состоянию здоровья, оплата лечения, гибкая система ротации кадров), развитие системы культурно-образовательных учреждений при фабрике, в том числе работавших на воспитание нового поколения текстильщиков [9, с. 57—61, 63].

Заслугой управляющего можно считать и получение фабрикой высоких наград за «учреждения» для рабочих и качество продукции на Всемирной выставке в Париже 1900 г. [7, с. 103, 112—113].

Разносторонняя деятельность Грязнова не ограничивалась лишь рационализаторской работой и решением вопросов фабричного «соцкультбыта» — управляющий ЯБМ также известен своим широчайшим кругозором и глубочайшим интересом к истории предприятия. В 1910 г. увидел свет его колоссальный труд «Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г.», подводивший итог более чем столетнего «мануфактурного» периода работы ЯБМ. Автором были обобщены исторические факты и статистические материалы о старой мануфактуре и ее рабочих, промышленности и городской жизни в целом, грамотно подобран иллюстративный материал (картины, акварели и гравюры, фотографии, планы), подкрепляющий повествование. Пожалуй, наибольший интерес здесь представляет собирательная деятельность управляющего — часть предметов из личной коллекции образцов продукции ЯБМ, принадлежавшей Грязнову, также были продемонстрированы в книге. Среди прочего Алексей Флегонтович собирал образцы водяных знаков и товарных ярлыков ЯБМ, позволявших идентифицировать продукцию предприятия среди продуктов прочих мануфактур [2]. Грязнов также оставил рукописные мемуары, хранящиеся в музее комбината «Красный Перекоп».

В начале мая 1917 г. А. Ф. Грязнов был арестован, но по ходатайству Комитета общественного порядка вскоре освобожден.

ден. От последовавшего предложения вновь возглавить ЯБМ он отказался и уехал в Москву [1, с. 103]. В 1918 г. Грязнов с семьей оказался в эмиграции, разделив судьбы многих соотечественников. В 1920-х гг. семейство осело в польской Лодзи, где Алексей Флегонтович нашел возможность не просто работать по специальности, но и вновь реализовывать свои рационализаторские идеи и заботиться о быте рабочих. Новым местом его трудовой деятельности стала фабрика Айтингонов, где Грязновым была введена одновременная система работы одного ткача на 32 станках [10, с. 15].

Изучение трехсотлетней истории ЯБМ невозможно без оценки ключевой фигуры ее развития — талантливого русского инженера Алексея Флегонтовича Грязнова, в течение четверти века выступавшего руководителем и организатором производства одной из старейших фабрик страны и определявшего разнообразные производственные и социальные аспекты работы предприятия. Его рационализаторская работа способствовала росту производительности труда и объемов выпускаемой продукции, а книга по истории предприятия является востребованной и поныне.

Библиографический список

1. *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура: страницы истории комбината «Красный Перекоп», 1722—2002. Ярославль: Ньюанс, 2002. 269 с.
2. *Грязнов А. Ф.* Ярославская Большая Мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М.: Синодальная типография, 1910. 554 с.
3. *Гусарова М. Н.* Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в советской высшей технической школе в 1950—1980-е гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. № 1 (72). С. 197—204.
4. *Гусев А. В.* Подготовка инженерно-технических кадров в системе промысловой кооперации губерний Верхнего Поволжья в 20—30-е годы XX века // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 75—84.
5. *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—26.

6. *Мейерович М. Г.* Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника: учебное пособие. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1995. 120 с.
7. Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб.: А. С. Шустов, Тип. М.П.С. (Товарищества И. Н. Кушнерева и Ко), 1900. 250 с.
8. *Смирнова Ю. Б.* Алексей Грязнов и модернизация производства на Ярославской Большой мануфактуре в конце XIX — начале XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 2 (40). С. 24—29.
9. *Шильникова И. В.* «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой мануфактуры А. Ф. Грязнова (1898—1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. 2006. Вып. 12. С. 56—70.
10. *Цыбарт М.* Судьбы людей: Грязновы // Здравствуйте! Журнал русского национального меньшинства в Польше. 2014. № 2. С. 15—17. URL: https://russkijdom.files.wordpress.com/2018/09/numer-2_2014.pdf (дата обращения: 02.05.2021).

УДК 908

В. С. Околотин

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ БОРИСОВ — ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

В статье отражена роль воспоминаний Б. А. Борисова в увековечивании трудовых достижений жителей города Иванова в годы Великой Отечественной войны, в объяснении их искреннего желания, несмотря на горечь от утраты близких, своим напряженным трудом приблизить час победы над нацистской Германией и ее союзниками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, город Иваново, трудовые достижения, воспоминания, город трудовой доблести.

V. S. Okolotin

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

BORIS ALEKSEEVICH BORISOV — STROKES TO A CREATIVE PORTRAIT

The article reflects the role of Borisov's memoirs in perpetuating the labor achievements of the residents of the city of Ivanov during the Great Patriotic War, as well as in explaining their sincere desire, despite the bitterness from the loss of their loved ones, to bring the victory over Nazi Germany and its allies closer by their hard work.

Key words: The Great Patriotic War, the city of Ivanovo, labor achievements, memories, the city of labor valor.

Автор статьи длительное время работает над темой трудовых достижений ивановцев в годы Великой Отечественной войны. Результаты его исследований нашли отражение в различных статьях и монографиях. В основном они основаны на материалах центральных архивов, Государственного архива Ивановской области, а также ведомственных архивов. Многие документы, введенные в ходе этой работы в научный оборот, являются уникальными для региональной истории. В то же время работа в архивах и изучение историографии показали, что организация работы тыла в годы войны на территории Ивановской области в источниках личного происхождения (мемуарах) представлена крайне незначительно. К сожалению, ни один из ярких руководителей области в годы войны, советских и хозяйственных работников не оставили потомкам свои воспоминания о работе тыла. Лишь бывший секретарь ивановского горкома ВКП (б) Борисов Борис Алексеевич, работавший в Иванове в 1942—1944 гг., оставил нам свидетельства и замечательные воспоминания о реальных событиях военного времени в городе и области, с сохранением подлинных фамилий партийных, советских и хозяйственных руководителей, а также рядовых тружеников фабрик и заводов. Их уникальность заключается в том, что автор в живой и очень проникновенной форме отразил события в тылу, боль и горечь ивановцев от утраты близких на фронтах жестокой войны и их искреннее желание своим поистине непосильным трудом приблизить час победы над Германией и ее союзниками. В совокупности с результатами

исторических исследований в памятном издании «Иваново — город трудовой доблести» они помогли создать объективное представление о вкладе жителей города и области в разгром врага, сохранить и увековечить память о них [1, с. 129—230].

Итак, краткие штрихи к творческому портрету Бориса Алексеевича Борисова. Он родился 1 февраля 1903 г. в Ярославской губернии. По окончании начальной школы поступил в городское училище, где учился с 1914 по 1918 год. Закончив обучение, работал в конторе фабрики Сакиных. Вступил в ряды РКСМ

Из-за болезни переехал в Тамбовскую губернию, работал конторщиком на заводе «Красный боевик». По мобилизации был призван в коммунистический отряд, участвовал в ликвидации «кулацко-эсеровских банд». В составе продотряда прошёл Кирсановский уезд Тамбовской губернии, сопровождая обозы с отобранным у местных жителей зерном, охранял склады с сельскохозяйственной продукцией, подавлял бунты, был ранен. Когда отряд был разгромлен, попал в плен, но был освобождён бойцами Красной Армии. По состоянию здоровья уволен с военной службы и вернулся на фабрику конторщиком.

После окончания Гражданской войны два года возглавлял в Ярославле спортивное общество «Спартак». С 1924 г. в части особого назначения, охранял военные объекты, участвовал в патрулировании по городу, вступил в РКП (б), исполнял обязанности уволенного секретаря комсомольской организации фабрики «Красные ткачи» № 1 и № 2.

С осени 1925 г. в ВМФ (Балтийский флот). Окончил Кронштадтскую артиллерийскую школу, служил на корабле «Октябрьская революция». По окончании обучения получил воинское звание старшина и направлен на Черноморский флот в отдельный дивизион подводных лодок в Севастополь.

После увольнения из флота в звании капитана 2 ранга направлен в распоряжение Крымского обкома ВКП (б), где прошел путь от секретаря первичной партийной организации до секретаря по делам промышленности, транспорта, организационно-партийной деятельности Симферопольского горкома ВКП (б). В начале 1940 г. был назначен на должность первого секретаря Севастопольского горкома ВКП (б).

На протяжении 250-дневной обороны Севастополя (12 сентября 1941 — 9 июля 1942) находился в городе и руководил им. С 26 октября возглавлял Севастопольский городской комитет обороны, организовывал спецкомбинат, работу Севморзавода по ремонту повреждённых кораблей, строительство оборонительных сооружений, госпиталей, производство боеприпасов и оружия, создание местной противовоздушной обороны и многое другое. Покинул город на одной из последних подводных лодок. 3 июля прибыл в Новороссийск и был направлен в распоряжение ЦК ВКП (б). В сентябре 1942 г. назначен вторым секретарем Ивановского горкома ВКП (б). С января 1944 года работал в различных городах Советского Союза и в аппарате ЦК КПСС.

После войны написал ряд книг, в основном посвящённых обороне Севастополя: «Записки секретаря горкома», «Подвиг Севастополя», «Севастопольская быль», «Севастопольцы не сдаются», «Дети Севастополя», «Я всё вынесу», «Школа жизни», «За родной Севастополь». В 1973 г. (в 70 лет) защитил кандидатскую диссертацию и получил учёную степень кандидата исторических наук. Умер 8 марта 1981 г. в Москве, где провёл последние годы жизни. Похоронен, согласно завещанию, в Севастополе, — на кладбище коммунаров. Б. А. Борисов является кавалером орденов Ленина и Красного Знамени, медалей «За оборону Севастополя», «За победу над Германией» и др. С 25 октября 1967 г. почетный гражданин Севастополя.

Есть в его творческом наследии и уникальные воспоминания о работе в Иванове в 1942—1944 гг. Они второй частью под названием «В столице края ткачей» вошли в его мемуары «Записки секретаря горкома», изданные в 1964 г. При этом важно отметить, что его рукопись была подписана в печать 4 июня 1964 г., а уже 9 июля, согласно его рукописной помете «Ивановскому областному партийному архиву», данное издание появилось в фондах Государственного архива Ивановской области. Мемуары Б. А. Борисова были изданы тиражом в 50 тыс. экз. «Политиздатом» в Москве. Несмотря на столь внушительный по своим размерам тираж, издание отсутствует в Центральной универсальной научной библиотеке г. Иванова и известно лишь узкому кругу исследователей и представителей общественности. Об уникальности данного издания для региональной истории

свидетельствует одно только то, что оно является единственным мемуарным источником оставленным будущим поколениям партийными, советскими и хозяйственными руководителями трудившимся в регионе в годы Великой Отечественной войны. В своем обращении к читателям Б. А. Борисов отмечал, что «это воспоминания о том, что я сам видел и пережил в суровые годы Великой Отечественной войны, о людях, с которыми сталкивала меня моя судьба. Я не претендую на исчерпывающую полноту рассказа о жизни партийных организаций Севастополя, Иванова, Владивостока, когда я там работал. Я пишу о том, что, по моему мнению, было главным, наиболее характерным. О том, что мне стало особенно дорого то трудное время. Само собой разумеется, имена и документы в записках подлинны» [1, с. 3].

В краткой аннотации к изданию говорится следующее: «Книга Бориса Алексеевича Борисова особенно подкупает тем, что является правдивым свидетельством героических событий Великой Отечественной войны, которые составили эпоху в жизни нашего народа. Б. А. Борисов просто и мужественно, не опуская глаз, говорит о пережитых трудностях и несчастьях, с нежной любовью рассказывает о советских людях, величие и щедрость души которых, раскрывались перед ним ежедневно, ежечасно. Автор этой книги не писатель, не журналист. В недавнем прошлом партийный работник, он в своих «Записках» много внимания уделил работе партийных организаций. Но ведь, по сути, за этим встает вся наша жизнь...» [1, с. 2].

Мемуары исполнены с большой душевной теплотой к ивановцам независимо от того, где они трудились в годы войны. Уже по названиям 9 глав второй части можно судить о тщательном подходе автора к его воспоминаниям об Иванове. В частности: «Верные славным традициям», «Первые дни», «Шаг за шагом», «Еще о наших женщинах», «В дни битвы на Волге», «На подъеме», «Молодцы комсомольцы», «Весна 1943 года», «В шеренге передовых».

Несомненно, история трудового подвига жителей города Иванова и Ивановской области в годы Великой Отечественной войны значительно глубже и насыщеннее, чем его воспоминания. Региональным исследователям предстоит потратить еще много усилий для изучения данного периода, объема материальных и

людских ресурсов мобилизованных в регионе для бесперебойного обеспечения потребностей фронта и тыла, восстановления народного хозяйства временно оккупированных советских территорий. Предстоит ввести в научный и общественный оборот огромную массу неизвестных документов из столичных, региональных и ведомственных архивов, включить их в историко-культурный потенциал области. Но даже уже проделанная работа по изучению наследия прошлого позволила сформировать уникальный информационный массив, послуживший основой для присвоения городу Иваново в числе 20 крупных промышленных центров России почетного звания «Город трудовой доблести». Можно с уверенностью утверждать, что воспоминания Б. А. Борисова внесли заметный вклад в дело обоснования и достижения столь заслуженного признания. Его труды лишены показной конъюнктуры и были нацелены на сохранение памяти о старших поколениях россиян, сражавшихся на фронте и трудившихся в тылу. Их общественная востребованность даже спустя длительное время после издания воспоминаний в свидетельствует о гражданской позиции автора, его стремлении сохранить историческую правду о войне. Очень хочется думать, что дальнейшими историческими исследованиями удастся максимально приумножить действующий историко-культурный ресурс региона, продолжить увековечивание памяти о тружениках тыла и, возможно, открыть общественности новых героев исторического прошлого.

Библиографический список

1. *Борисов Б. А.* Записки секретаря горкома. М.: Политиздат, 1964. 304 с.
2. Иваново — город трудовой доблести / сост. и отв. ред. В. С. Околотин, Иваново: АО «Ивановский издательский дом», 2020. С. 97—158.

А. Б. Оришев

заведующий кафедрой, Российский государственный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева (Москва)

ОБРАЗ УЧЕНОГО-ИНТЕЛЛИГЕНТА АКАДЕМИКА И. А. КАБЛУКОВА: ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена профессору Тимирязевской академии, академику И. А. Каблукову — выдающемуся ученому, ставшему одной из легенд российской науки и системы высшего образования. Раскрываются основные вехи его биографии, демонстрируется роль ученого в становлении в России физической химии. Развенчивается широко распространенный миф о том, что образ ученого-интеллекта стал основным прототипом знаменитого стихотворения С. Маршак «Вот какой рассеянный».

Ключевые слова: И. А. Каблуков; Тимирязевская академия; интеллигенция.

A. B. Orishev

Head of the department, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow)

THE IMAGE OF THE SCIENTIST-INTELLIGENT ACADEMICIAN I. A. KABLUKOVA: LEGENDS AND REALITY

The article is dedicated to the professor of the Timiryazev Academy, academician I. A. Kablukov, an outstanding scientist who has become one of the legends of Russian science and the higher education system. The main milestones of his biography are revealed, the role of the scientist in the formation of physical chemistry in Russia is demonstrated. The widespread myth that the image of a scientist-intellectual became the main prototype of the famous poem by S. Marshak “Such an absent-minded man” is being debunked.

Key words: I. A. Kablukov; Timiryazev Academy; intelligentsia.

В истории каждого вуза есть люди, которые стали легендами еще при жизни. Одной из таких личностей стал профессор Тимирязевской академии, академик И. А. Каблуков, рассказы о котором до сих пор передают из уст в уста тимирязевцы. За прошедшие годы имя этого ученого обросло невероятным количеством мифов, что становится непонятным, какие события действительно имели место быть, а какие — стали плодом воображения потомков. И как результат, с одной стороны И. А. Каблуков — выдающийся ученый, а с другой — непревзойденный субъект городского фольклора.

Иван Алексеевич Каблуков родился 2 сентября 1857 г. в семье бывшего крепостного. Отец его — Алексей Федорович — работал зубным врачом у помещика в селе Пруссы Троицкой волости Московского уезда, где лечил его семью и крестьян из ближайших деревень. Окончив гимназию в 1876 г., Иван Алексеевич поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, которое блестяще окончил, а затем был оставлен при университете для получения университетского звания. В 1887 г. И. А. Каблуков защитил диссертацию на тему: «Глицерины, или трехатомные спирты и их производные» на степень магистра химии и в знак признательности и глубокого уважения посвятил ее своему учителю — выдающемуся химику А. М. Бутлерову.

Дальнейшая научная и педагогическая деятельность Ивана Алексеевича в области химии — основы химической промышленности требовала расширения научных связей. Еще в дореволюционное время И. А. Каблуков много путешествовал, как по России, так и по Западной Европе. Австрия, Германия, Франция, Швейцария — эти и некоторые другие страны посетил ученый [2, с. 901].

Целью поездок И. А. Каблукова было ознакомление с природными богатствами (соляными озерами, залежами нефти и пр.), их переработкой и с различными видами промышленности. Эти научные командировки способствовали укреплению его личных связей с крупнейшими химиками всего мира [3, с. 10].

В молодые годы ученый отличался либеральными воззрениями и по данным полиции считался «неблагонадежным». мировоззрение Ивана Алексеевича формировалось в кругу москов-

ских интеллигентов, нравственным ориентиром для которых было служение народу [1, л. 3—10].

В 1899 г. И. А. Каблуков был избран адъюнкт-профессором Московского сельскохозяйственного института (под таким названием в те годы существовала Тимирязевская академия) и всю свою оставшуюся жизнь связал с этим учебным заведением. Работая в нем, он стал известным на всю страну ученым, видным представителем московской интеллигенции. В эти же годы И. А. Каблуков начал активно сотрудничать и с кафедрой физической химии Московского университета [6, р. 2601—2607].

Уже в советский период И. А. Каблуков стал членом-корреспондентом Академии наук СССР (1928), почетным членом Академии наук СССР (1932). Правительство СССР высоко отметило заслуги ученого, наградив его Орденом Трудового Красного Знамени (1937) и Орденом Ленина (1940).

Основным направлением научной деятельности И. А. Каблукова было изучение природных богатств России. Кроме того, ученый серьезно увлекся пчеловодством. Он не делил науку на теоретическую и прикладную, так как считал, что есть наука и ее практическое применение. Научными интересами И. А. Каблукова стали исследования в разных областях физической химии: теория растворов, термохимия, химия комплексных соединений, физико-химический анализ солевых систем, изучение состава меда и воска. И. А. Каблуков активно участвовал в организации отечественного производства минеральных удобрений. Одно время он возглавлял комиссию по вопросу добывания окислов азота из воздуха в нашей стране. На основе полученных им научных результатов в Крыму был построен бромный завод для получения калийных солей из морской воды. Велика роль И. А. Каблукова и в подготовке молодых кадров для советской науки. Под его руководством выросла блестящая плеяда отечественных физиков и химиков.

С 1899 г. по 1941 г. читал И. А. Каблуков в Тимирязевской академии лекции по неорганической химии. При этом он каждую лекцию обогащал внутренним содержанием и излагал в ясной, но не упрощенной форме. Будучи противником схоластических приемов при изучении химии, он всегда сопровождал свои лекции опытами. Лекции И. А. Каблукова вызывали такой большой

интерес, что их периодически переносили в самую вместительную академическую аудиторию — актовъ зал главного корпуса, так как другие аудитории не вмещали всех желавших услышать неординарного лектора и выдающегося ученого.

Однако кроме проведения интересных опытов сама личность профессора привлекала внимание студентов. Из воспоминаний академика М. И. Синягина: «Одним из очень известных профессоров Тимирязевки был И. А. Каблуков. Вряд ли был когда-нибудь еще один профессор, о котором бы ходило столько анекдотов, как о Каблукове. Эти анекдоты шли за Каблуковым всю его жизнь и продолжаются после его смерти [...]».

Рассказывали, что он расписывался не Иван Каблуков, а Каблук Иванов. Очевидцы сообщали, что одной ногой Каблуков шел по мостовой, а другой по тротуару и жаловался вполне серьезно: «Что-то захромал, знаете». Я сам слышал, как он, вместо того, чтобы сказать «великие русские химики Менделеев и Меншуткин», вдруг выпалил «великий русский химик Мендельшуткин». В речи на нашем выпуске Каблуков заявил: «Совсем недавно только в 1828 г. вы пришли в эти стены!». Ошибка на сто лет вызвала веселое оживление в зале, а это в свою очередь возмущение оратора — он так и не понял — над чем же, собственно, смеются слушатели» [5].

Другая история повествует о том, как однажды И. А. Каблуков якобы явился в студенческую аудиторию в обуви разного цвета. На правой ноге был ботинок черного цвета, на левой — красного. «Иван Алексеевич, а у Вас ботинки разные», — не преминули указать на досадную оплошность студенты. И профессор не стушевался, а оперативно исправил ошибку. Через пару минут, переобувшись, он вновь предстал перед аудиторией. Однако в этот раз черный ботинок был у него на левой ноге, а красный — на правой.

Еще одна история связана с галошами академика, которые он по моде того времени частенько одевал в дождливую погоду. Войдя однажды в трамвай, И. А. Каблуков, удобно расположившись на свободном месте, решил на какое-то время разуться. Через пять-шесть минут он взглянул на лежавшие внизу галоши и с удивлением спросил «чьи это?» Пассажиры молчали. И тогда академик поступил в привычной для себя манере: на первой же

остановке без тени сомнений выбросил галоши через дверной проем на улицу. И придя в аудиторию, Иван Алексеевич усердно пытался понять, куда делась его обувь [4, с. 60].

Как известно, ученый проживал в корпусе № 6 академии, первый камень фундамента которого сам лично когда-то закладывал. Здесь же он и проводил свои занятия, здесь же ставил химические опыты. И если верить воспоминаниям одного из коллег, то как-то раз академик накиннул на себя белый халат и привычно встал за кафедру. Все как обычно, только на ученом отсутствовала такая важная часть мужского гардероба как брюки. Благо, что этого не видели студенты. Ситуацию спасла сестра академика, проживавшая в этом же здании и вовремя указавшая Ивану Алексеевичу на этот казус.

Эти и подобные истории породили легенду о том, что И. А. Каблуков послужил прототипом известного стихотворения Самуила Маршака «Вот какой рассеянный». Об этом, в частности, настаивает популярная интернет-энциклопедия «Википедия». Более того, есть сведения, что эту версию поддерживал и сам ученый, когда поделился своими подозрениями с братом поэта — писателем М. Ильиным.

И все же образ «человека рассеянного» — это образ собирательный. У С. Я. Маршака было не только несколько прототипов, но и богатая творческая фантазия. Намеки на образ «рассеянного» так или иначе фигурируют во многих других его произведениях. К тому же далеко не все истории про И. А. Каблукова соответствуют действительности. Большинство историй, которые повествуют о «чудачествах» академика — это плод воспоминаний, которые, как известно, являются одним из самых субъективных исторических источников. Более того, как утверждают в наше время психологи — около 50 % воспоминаний — это человеческие фантазии, плод воображения, обращенного в прошлое. Заметим, что многие занимательные истории появились уже после смерти ученого, ушедшего в мир иной в возрасте 84 лет. Так или иначе, но в серьезную академическую историю академик И. А. Каблуков вошел не как прототип героя стихотворения, а как один из основоположников отечественной физической химии и автор оригинальных работ по пчеловодству. Его имя с большим уважением произносят в Тимирязевской

академии, а заслуги И. А. Каблукова как ученого признаны во всем мире. И все рассказы, которые повествуют о неординарной личности академика, подчеркивают только одно: яркий человеческий образ великого ученого-интеллекта, не лишённого чувства юмора, обладание которым с точки зрения психологии является одним из признаков высокого интеллекта человеческой личности.

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 474. Оп. 7. Д. 9.
2. *Варуценко Р. М., Зайцева Е. А.* Жизнь, посвященная науке // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77, № 10. С. 900—910.
3. *Елховский А. А.* Иван Алексеевич Каблуков. М.: ТСХА, 1957. 56 с.
4. *Оришев А. Б.* РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева: университетские легенды. М.: РГАУ-МСХА, 2016. 156 с.
5. *Синягин М. И.* Хлеб из камня. Воспоминания. URL: <http://misha-sinyagin.narod.ru/mutim3.htm> (дата обращения: 13.04.2021).
6. *Druzhinina A. I., Tiflova L. A., Monayenkova A. S. Goryunkov A. A.* History of the VF Luginin Thermal Laboratory // Russian Journal of Physical Chemistry. 2019. Vol. 93, № 11. P. 2101—2107.

УДК 94:27-526.62

Д. И. Польшиванный

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПАЛЕХСКИЙ ХУДОЖНИК ФЕДОР КАУРЦЕВ: СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В докладе на основе опубликованных, архивных и вновь обнаруженных личных документов о раннем периоде жизни и творчестве палехского художника Федора Александровича Каурцева (1896—1963) рассматриваются вопросы формирования и изменений его социальной и творческой идентичности в первой трети XX в.

Ключевые слова: Палех, искусство, Ф. А. Каурцев, социальная и творческая идентичность.

D. I. Polyvyannyu

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

PALEKH ARTIST FYODOR KAURTSEV: SHAPING OF THE IDENTITY

The essay is based on published, archive and recently found documents on the early period of life and creative work by Palekh artist Fyodor Alexandrovich Kaurtsev (1869—1963) and reveals the shaping and dynamics of his social and creative identity in the first third of the 20th c.

Key words: Palekh, art, F. A. Kaurtsev, social and creative identity.

Федор Александрович Каурцев (1896—1963) известен как «ведущий мастер второго поколения» художников советского Палеха. Эта характеристика была дана ему «поэтом Палеха» Е. Ф. Вихревым [2, с. 126]. Очерк Каурцева «Ближе к жизни», опубликованный в книге Вихрева «Палешане» [1, с. 262—288] (черновик сохранился в РГАЛИ [3], остался единственным опубликованным текстом художника. Высеченная на мемориальной доске на доме, где жил Ф. А. Каурцев в 1930—1963 гг., характеристика «художник лаковой миниатюры» оставляет за рамками его работы над фресками храмов Кремля и Троице-Сергиевой лавры, участие в росписи Саратовского детского театра, работы по фарфору и оформлении книг. Немногие упоминания о Ф. А. Каурцеве в общих трудах по искусству Палеха также не касаются жизненного и творческого пути художника.

В центре внимания этого доклада — формирование социальной и творческой идентичности художника в начале жизненного пути. Наряду с немногими архивными материалами осветить эту тему помогают документы, обнаруженные автором зимой 2020—2021 гг. на чердаке его палехского дома среди наплававшихся многие годы газет, бумаг и пр. Сейчас документы разобраны автором и передаются в Государственный музей палехского искусства (ГМПИ), директору которого О. А. Колесовой автор обязан ценными консультациями. Среди них оказались черновики двух автобиографий мастера — 1935 и 1949 гг. Благодаря им и другим свидетельствам можно восстановить важные подробности жизни будущего мастера во время его обучения в иконописной мастерской Н. М. Сафонова в 1908—1913 гг. Они

также позволяют отследить его затянувшееся из-за двух войн и послевоенных лишений возвращение к творчеству между 1921 г. и апрелем 1928 г., когда Каурцев был принят кандидатом в созданную тремя с половиной годами ранее палехскую Артель древней живописи. В центре нашего внимания — формирование его творческого самосознания и социальной идентичности в первый период и обстоятельства возвращения к творчеству — во второй.

Федор Александрович Каурцев был последним из художников известной с начала XIX в. фамилии палехских мастеров (иногда писавшихся Коурцевыми и Коурцовыми). В первой трети XIX в. славились как искусные иконописцы Иван и Андрей Каурцевы, а их сестра Маремьяна вышла в 1807 г. замуж за Льва Михайловича Софонова — основателя иконописных мастерских в С.-Петербурге и Палехе (1830) [4, с. 14; 5; 6, с. 30]. Со временем расширявшееся иконописное дело Софоновых поглотило мастерскую Каурцевых, сын одного из братьев стал их управляющим, а внук другого — Александр Федорович Каурцев (ок. 1864 г. — ок. 1900) — отец нашего художника — был мастером в мастерской Н. М. Софонова. Оставшиеся от него в бумагах сына скудные материалы включают четыре десятка прорисей и два подписанных карандашных наброска образов «Св. Пророк Илия» и «Моление о чаше». Его вероятное изображение сохранилось на фото участников росписи Спасо-Преображенского собора Никола-Угрешского монастыря (освящен в 1894 г.) [4, с. 64].

Сын, который не помнил отца при жизни, писал о нем в черновике автобиографии в 1949 г.: «Мой отец работал ... иконописцем у предпринимателей Сафоновых, где работал и мой дед, и мои дяди Каурцевы, которые какими-то нитями были связаны с развитием Сафоновского иконописного дела. Но те тяжелые условия, лишенные всяких антисанитарных правил, и 14-часовой рабочий день давали повод к развитию злокачественной болезни туберкулеза, ... которая преждевременно свела в могилу и моего отца, прожившего всего 36 лет». Вдова иконописца Мария Михайловна осталась со свекровью и двумя детьми — четырехлетним Федором и семилетней Анной, зарабатывая случайными полевыми работами, продажей церковных свечей и сдачей внаем комнаты. Дети закончили четырехклассную сельскую школу,

Анна выучилась на швею, но и ее в 1911 г. вместе с бабушкой унесла та же болезнь, что и отца.

Федор по окончании школы «по стопам отца» был отдан в обучение в иконописную мастерскую братьев Сафоновых, где проучился четыре с лишним года (против обычных шести), и был выпущен «полумастером» в 1913 г.

Палехские иконописцы, до реформы 1861 г. бывшие крепостными крестьянами на оброке, и после отмены крепостного права оставались в крестьянском сословии. Посетивший Палех в 1863 г. смотритель Оружейной палаты Г. Д. Филимонов назвал местных иконописцев, имея в виду сочетание их занятий «крестьянами-ремесленниками» [7]. Ф. А. Каурцев в автобиографии 1935 г. пишет, используя социальную терминологию разных времен: «Социальное положение родителя (А. Ф. Каурцева. — Д. П.) — крестьянин, имущественное положение было *середняк*. Основная *работа моего отца — по найму* (курсив здесь и далее — мой) у хозяев Сафоновых по иконописи, а сельское хозяйство являлось подсобным». На упомянутом выше фото мастеров Софоновской мастерской А. Ф. Каурцев, как и его собратья, позируют в фуражках мастеровых и держат в руках рабочие инструменты иконописцев — муштабели.

Немногие сохранившиеся свидетельства юности Ф. А. Каурцева сохранили явные черты крестьянской идентичности. Среди бумаг — запись пяти куплетов «Крестьянской марсельезы», вышедшей из среды революционной демократии и распространявшийся в списках. Для семьи Каурцевых он был актуализирован аграрной реформой, дошедшей до Палеха в 1911 г. и вписанной художником в воспоминания о бедствиях отрочества: «Мать вскоре после смерти моего отца закрепленную имеющуюся землю, которую не в состоянии была обработать, передала в общество с надеждой, что когда мы подрастем, землю опять перевести на нее. Но прошедшая Столыпинская реформа послужила переделом земли на отрубные и хуторские хозяйства и закреплению ее как собственности за теми, кто ей пользовался. Таким образом большая часть земли оказалась в руках кулацкой прослойки, которые в дальнейшем начали скупку земли у мало-мощных хозяйств. Мать при переделе земли обратно ее не получила, и наше хозяйство осталось безземельным до Октябрьской

революции». Юношеский рисунок, сохранившийся среди его бумаг, посвящен крестьянской теме и подписан «Ф. А. Каурцев» почерком, в котором улавливаются черты отцовского, сохранившегося на имевшихся в доме прорисях.

Уникальной была культурная атмосфера Палеха накануне Великой войны, которая, видимо, способствовала укреплению творческого самосознания юноши. Федор Каурцев выписывает строки из стихов Н. Гумилева и В. Брюсова, Ф. Сологуба и П. Бутурлина, хранит вырезки из отечественных и иностранных журналов и книг об искусстве начала XX в. Но в 1914 г. началась война, на третий год которой в мобилизационные списки попал и девятнадцатилетний «полумастер»-иконописец. После окончания унтер-офицерской школы Каурцев был отправлен на Западный фронт. В Пинских болотах его постигла болезнь, он был отправлен на лечение в Москву, где его и застала революция. Весной 1918 г. он был демобилизован и возвратился в Палех, но уже в ноябре того же года его ждал призыв в РККА и отправка под Уфу. Там Каурцев в марте 1919 г. попал в плен и оказался в далеком Ачинске в Сибири, где и встретил окончание гражданской войны, работая в госпитале вначале под колчаковской, а затем под большевистской властью.

«Вернувшись домой с военной службы, поступить на работу не мог», пишет Каурцев, — «то, чему обучался, стало ненужным... И мне пришлось заниматься разнородной полубатрацкой работой, чтобы иметь возможность прожить, обрабатывая наделенный мне участок полевой земли за неимением своей лошади в хозяйстве». «Возвращенный» участок в две десятины земли не давал возможности прокормить себя и мать, одряхлела корова, и Федору пришлось браться за любую предлагаемую работу — заготовку дров, ремонтные и плотницкие работы и пр. При этом в основе их с матерью пропитания оставалось земледелие, хотя все его посевы — по трехпудовому мешку овса и ржи — вряд ли могли удовлетворить даже элементарные нужды.

После семи лет «разнородного физического труда», как писал художник в черновике очерка «Ближе к жизни» [3], в апреле 1928 г. бывший иконописец вновь вернулся к ученичеству, вступив кандидатом в «Артель древней живописи» (далее — Артель), основанную тремя годами ранее. Среди бумаг Каурцева есть три

черновика его заявления о приеме в Артель. На обороте одного из них тридцатидвухлетний палешанин набрасывает заявление об отсрочке долга в 40 рублей, взятого под будущий урожай. Видимо, на решение вступить в артель, помимо сформированного в детстве и ранней юности творческого сознания, влияла и нужда, которую Каурцев надеялся преодолеть в новом качестве — квалифицированного рабочего — мастера художественного кооператива. После нескольких месяцев кандидатского стажа он стал полноправным членом Артели, а через два года — бригадиром, наставником принимаемых в Артель учеников и председателем ее ревизионной комиссии.

Возвращение к творчеству и новое социальное положение не сразу избавили художника от крестьянского труда. Члены «Артели древней живописи» вошли в колхоз «Красный Палех», «приходящим членом правления» которого стал Каурцев. Соответственно, художника не оставляла и крестьянская идентичность. В очерке он отмечал, что «выпускаемая работа первоначально преимущественно отражала деревенские темы, с чем повседневно встречаешься...» [3]. Однако полученные в детстве и юности знания и культурный опыт позволил Каурцеву вскоре выйти на сложные композиции (сцены из «Ревизора» Н. В. Гоголя) и уже в начале 1930-х гг. стать «ведущим мастером второго поколения» советской художественной интеллигенции Палеха.

Библиографический список

1. *Вихрев Е.* Палешане. Записки палехских художников о их жизни и творчестве, написанные летом 1932 г. и иллюстрированные ими самими. М.: Московское товарищество писателей, 1934.
2. *Вихрев Е.* Палех. 1927—1932. Вторая композиция. М.: Художественная литература, 1938.
3. Воспоминания палешан: Каурцев Ф. А. РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 279.
4. *Колесова О. А.* Палех и палешане. Путеводитель. Иваново: Референт, 2010.
5. Письмо Ф. А. Каурцева Вихреву Ефиму Федоровичу 18 июня 1933 г. РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 158.
6. *Сафонова И. А.* Многоликий Палех. Иваново: Референт, 2015.
7. *Филимонов Г. Д.* Палех // *День*. 1863. № 34—35.

УДК 908 (470.620)

Т. О. Санникова

старший научный сотрудник,
Музей истории города-курорта Сочи (Сочи)

ПОДВИЖНИК СОЧИНСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ — НИКАНОР КИРПИЧ

В истории сочинского краеведения и становлении Сочинского музея краеведения (ныне Музей истории города-курорта Сочи) большую роль сыграли люди, которых в отечественной традиции принято называть подвижниками. Среди них имя Никанора Онисифоровича Кирпича, чья линия жизни вписана в историю судеб отечественной интеллигенции 1920—1930-х гг.

Ключевые слова: Сочинский музей краеведения, Никанор Кирпич, краеведение Сочи, история интеллигенции 1920—1930-х гг.

T. O. Sannikova

Senior researcher, Museum of the History of the Resort City Sochi (Sochi)

DOER OF SOCHI LOCAL HISTORY — NIKANOR KIRPICH

In the history of Sochi local history and the formation of the Sochi Museum of Local Lore (now the Museum of the History of the Resort City Sochi), a great role was played by people who in the Russian national tradition are called «podvizhniki» (ascetics). Among them is the name of Nikanor Onisiforovich Kirpich, whose line of life is inscribed in the history of the fate of the intelligentsia in the 1920 s and 1930 s.

Key words: Sochi history museum, Nikanor Kirpich, Sochi Local History, history of the intelligentsia of the 1920 s—1930 s.

Музей истории города-Сочи, созданный в 1920 году как Сочинский музей краеведения, прошел в первое десятилетии своего существования один из сложных периодов, когда вообще стоял вопрос, а сможет ли он жить в отсутствии постоянного здания, переездов, неподходящих условий хранения. Большую роль в создание и сохранение музейных коллекций внес Никанор Онисифорович Кирпич.

Несмотря на «увесистую» фамилию, по сохранившимся свидетельствам Никанор Онисифорович (в источниках встречается и написание его отчества как Анисифорович) был человеком скромным, но твердым в своих убеждениях. Его облик сохранил старый снимок рубежа 1920—1930-х гг., где Никанор Онисифорович запечатлен в профиль среди экспонатов животного мира Сочинского музея краеведения — благородный седовласый старик с бородой и в круглых очках. Снимок, вероятно, был сделан без позирования, может быть даже случайно. И такая удача, что в истории остался внешний облик этого удивительного интеллигента, вглядывающегося вдаль. Есть что-то незащищенное в этом взгляде, детское.

Никанор Онисифорович Кирпич появился в Сочинском краеведческом музее 1 января 1923 года и стал заниматься ботаническим, зоологическим отделами и библиотекой. К слову, штат сотрудников в этот период состоял только из трех работников, кроме Кирпича — это заведующий музеем и техслужащий.

К этому времени, Н. О. Кирпич окончил учительский институт, в течение многих лет специализировался при музеях по ботанике и зоологии (энтомология). Работал при областном Владикавказском музее, в Батумском областном музее и при музее Батумского ботанического сада. Музейный стаж составлял 15 лет [1, л. 2].

Сотрудниками музея в это период была подана идея, и разрабатывался проект устройства при музее ботанического сада.

В 1923—1924 гг. заведующим Е. С. Котелевцом и Н. О. Кирпичом была проведена сверка предметов, оформлены новые этикетки с исправлением прежних недочетов, заведены каталоги. Предметы, не имеющие краеведческого характера, выделили в смешанный отдел. Музей пополнился новыми экспонатами, в том числе: по ботаническому отделу — представителями хвойных пород; по зоологическому — представителями Черного моря [2, л. 9 об.].

В середине 1920-х годов музей стал центром организации и проведения экскурсионных маршрутов в районе. По его инициативе в 1924 году в Сочи создали общество краеведения, которое в дальнейшем работало в тесном контакте с музеем.

Музейная работа проходила в сложных условиях бюрократической борьбы с рядом организаций, пытавшихся покушаться на музейную территорию и его помещения, которые к тому же нуждались в ремонте.

В конце 1925 года Н. О. Кирпич становится заведующим музеем [3, л. 27]. К началу 1926 года музей имел более 2000 экспонатов и три закрепленных за ним дома [4, л. 7]. Однако вскоре наступил коренной «переворот» в его жизни.

В апреле 1926 года музей был переведен из своего здания на территорию Сочинской сельскохозяйственной опытной станции. Заведующим объединенными музеями краеведения и Опытной станции до разрешения вопроса о подведомственности вопроса остался Н. О. Кирпич [5, л. 18].

Уже в 1927 году, в спешном порядке, в связи с борьбой разных ведомств, экспонаты музея были спешно складированы и перемещены в здание сочинской школы № 1, где отсутствовали необходимые условия для музейной деятельности. В течение полугода музей переводился из одного школьного кабинета в другой, а уже летом 1928 года все здание школы было использовано краевым отделом просвещения под дом отдыха, а имущество музея снова сложено в ящики и размещено в школьном здании на чердаке и в кладовых.

В Записке Н. О. Кирпича в Сочинский Отдел Народного образования (ОНО) сообщалось об этих проблемах с горечью и возмущением: «В связи с этим вопросом я решаюсь высказать пред ОНО ряд своих соображений о дальнейшей судьбе Музея, вытекающих из моей долголетней работы в музее, в сочинских школах и районе. Музей краеведения настоятельно необходим для нас, как культурпросветительн. учреждение, так же, как необходимо для нас зрение и дар живой речи; без Музея школы, клубы и само краеведческое о-во будут слепыми и немymi. Рано или поздно культурная жизнь Соч. района предьявит настойчивое требование создания краеведческого музея; так зачем же теперь разорять и сводить на нет 8-летний труд и силы ОНО, учительства и крестьянства, вложенные в создание имеющегося уже Музея, распылять и растрчивать его имущество, представляющее и научную и материальную ценность. Утратив его теперь, будет очень трудно вновь воссоздавать его» [6, л. 2].

Н. О. Кирпич подчеркивает в своей записке, что «музей краеведения за все 8 лет своего существования всегда был прочным и самым жизненным очагом краеведческой мысли и работы в районе <...>; установил и упрочил постоянную деловую связь по краеведческим вопросам с районным учительством и с целым рядом крестьян-старожилов, знающих край; <...> Наше краеведческое общество и все краеведческие ячейки района это только живые силы краеведения, для которых кровом, очагом, незыблемой опорной базой должен быть Музей краеведения» [6, л. 3—4].

Согласно выводам Н. О. Кирпича, для восстановления музея и его деятельности, «необходимо достижение двух основных условий: обеспечение его постоянным и прочным помещением и изысканием средств на его содержание и развитие. Оба эти условия представляются мне вполне достижимыми при условии лишь наличия доброй воли со стороны тех учреждений и лиц, от которых они зависят» [6, л. 4].

Сочинский краеведческий музей присутствует в официальном списке культурно-просветительских учреждений Сочинского района за 1928—1929 учебный год, однако данные по сотрудникам и бюджету нулевые, что вполне понятно, так как музей, по сути, лежит в ящиках. И уже 4 января 1929 инспектор ОНО в Окружной отдел народного образования сообщает: «сведения о работе не присылаем в виду того, что при Соч. районе музей не существует и Зав. музеем нет» [7, л. 34].

В сочинской газете «Красный луч» № 61 от 2 июня 1929 года было опубликовано открытое письмо общественности города с ходатайством о необходимости восстановления музея, хранящегося в ящиках в школе № 1.

В 1930 году Районный отдел народного образования и Горсовет решили восстановить музей. С этой целью отпустили средства и отвели комнату в гостеатре для построения музейной экспозиции. Так наступил новый этап в жизни Сочинского музея краеведения.

В сохранившихся документах 1932 года среди сотрудников Сочинского музея краеведения вновь можно увидеть Н. О. Кирпича. Хотя штат и увеличился до 5 человек, научных сотрудников как прежде только двое, кроме Н. О. Кирпича, это директор — А. Н. Краснов.

Никанор Онисифорович остался в памяти людей, знавших его незаурядным человеком. Очень живые трогательные воспоминания о восьмидесятилетнем старике, «настоящем энциклопедисте-краеведе» оставил в своих «Записках» Петр Гаврилович Гвоздилов, один из первых сочинских экскурсоводов. Его очерк, посвященный периоду 1933—1937 гг. так и называется «Никанор Кирпич». Вот некоторые штрихи к портрету: «Бывший учитель, неизвестно на какие средства существовавший в это время, Никанор Анисифорович Кирпич при его весьма преклонном возрасте оставался горячим энтузиастом в области краеведения, страстным защитником природы во всех ее проявлениях. (...) Нужно было видеть, с каким удовольствием и умением посвящал он нас — неучей, в дебри геологии, минералогии, гидрографии, ботаники. Не перечить всего, что он вложил в наши головы. С каким вниманием и любовью мы впитывали эти уроки. (...)

Кирпич умел рисовать карты, именно «рисовать» — это были карты-схемы, но они были настолько рельефными, настолько простыми и выразительными, что даже малограмотный человек (а в то время в санаториях преобладали именно малограмотные люди — таков был тогда уровень рабочего класса) мог по ним увидеть изображенный участок во всех его деталях. К тому же эти карты были очень красивы, и все санатории хотели иметь такие у себя» [8, с. 29—30].

В 1937 году, по свидетельству П. Г. Гвоздилова, «какой-то негодяй написал на Н. О. Кирпича ложный донос», Никанора Онисифоровича арестовали, отправили в тюрьму, где он вскоре и умер. Судьба Н. О. Кирпича — еще одно свидетельство, очень сложного и противоречивого периода отечественной истории, каким стали 30-е годы XX столетия.

Библиографический список

1. АМИГКС (Архив Музея истории города курорта Сочи). Ф. 9. Д. 3.
2. СГА (Сочинский городской архив). Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 64.
3. СГА. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 115.
4. АМИГКС. Ф. 9. Д. 5/2.
5. АМИГКС. Ф. 9. Д. 5/1.
6. Записка директора Сочинского музея краеведения Кирпича Н. О. в отдел народного образования, 1927—1928 гг. // МИГКС (Музей истории города-курорта Сочи). ОФ-10786/25.

7. СГА. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 137. Л. 34.

8. *Гвоздиков П.* Никанор Кирпич // Откуда пошла быть в Сочи рать экскурсоводная: Записки старого экскурсовода. 1933—1937 годы. Сочи: Дория, 2010. С. 29—30.

УДК 930.1

Д. С. Сафолов

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

**СПЕЦКОР ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ» К. Я. ФИНН
О ТРУДОВЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ ИВАНОВЦЕВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена отражению одной из страниц творчества Константина Яковлевича Финна, раскрывающей содержание трудового подвига ивановцев в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Константин Яковлевич Финн, город Иваново, военная корреспонденция, очерк, трудовые достижения.

D. S. Safolov

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

**SPECIAL CORRESPONDENT OF THE NEWSPAPER
«Izvestia» K. Ya. FINN ABOUT THE LABOR
ACHIEVEMENTS OF CITIZENS OF IVANOVO DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Konstantin Yakovlevich Finn is a Soviet writer and playwright. During the Great Patriotic War he was a correspondent for the Izvestia newspaper. He wrote essays about the front and life in the rear. One of these essays was dedicated to the city of Ivanovo, or rather its women.

Key words: Great Patriotic War, Konstantin Yakovlevich Finn, Ivanovo, War correspondence, Essay.

В годы Великой Отечественной войны важно было не только информировать о ратных подвигах бойцов и командиров Красной армии, но и укреплять их боевой дух известиями о трудовых достижениях в тылу. Эта тема находила отражение не только на страницах региональных периодических, но и центральных газет. Обращение к ней особенно активизировалось летом 1942 г. после развертывания Всесоюзного социалистического соревнования на предприятиях страны. Инициатором такого соревнования в текстильной промышленности стал ивановский меланжевый комбинат, который поддержали другие предприятия города Иванова и области. О том, какими непосильными трудами достигались столь смелые инициативы, и рассказал в своем очерке специальный корреспондент газеты «Известия» Константин Яковлевич Финн — советский писатель и драматург.

В годы Великой отечественной Войны он освещал события на фронте и в тылу. В ходе одной из таких командировок он посетил город Иваново и в последствие подготовил очерк о встречах с ивановцами, их настроениях и трудовых достижениях. Впервые он был опубликован на страницах газеты «Красная звезда» 24 сентября 1942 г. Очерк назывался очень просто, но в его название К. Я. Финн заложил глубокий смысл — «Женщины города Иванова» (Иваново — город трудовой доблести / сост. и отв. ред. В. С. Околотин. Иваново: АО «Ивановский издательский дом», 2020. С. 88—96). В нём Константин Яковлевич рассказал о впечатлениях, возникших от поездки в город Иваново, о тех людях, которые здесь жили и самое главное о тех женщинах, которые трудились на предприятиях вместо мужей, братьев, отцов, сыновей, призванных в действующую армию. Очерк построен в форме кратких историй с сохранением подлинных имен и названий предприятий.

Одна из историй его очерка была посвящена женщине, с которой К. Я. Финну довелось встретиться на скамейке в одном из центральных скверов города. Её муж погиб на фронте, похоронка пришла только вчера вечером. Женщина была убита горем, но всё равно держалась и в этот день вышла на работу. Она работала на толстом банкаброше. Её подгоняла мысль о муже, о его гибели на фронте. Он был для неё не только как муж, но и как сын — детей у них не было, самый родной человек на свете. Она

вдохновлялась тем, что муж одобрил бы её выход на работу. В свою очередь Константин Яковлевич пересказал ей историю с фронта о встрече с ивановскими бойцами. В одной из поездок в действующую армию, в части, где было большинство ивановцев, командир положительно отзывался о них и говорил, что «умереть, погибнуть они могут, отступить нет». Мария, так звали женщину, после его слов, ещё больше вдохновилась и проронила фразу «мы ивановцы, народ упорный».

Константин Яковлевич не раз вспоминал эту фразу при встрече с ивановскими тружениками. В большинстве своем в статье упоминаются работницы ивановского меланжевого комбината. И именно им, как символу города, и был посвящён данный очерк.

Так, К. Я. Финн написал про Аню Комарову, которой было всего 19 лет, но за свое упорство и ответственность была на хорошем счету у поммастера. Аня работала ватерщицей на меланжевом комбинате. Ее могли поставить на самую сложную машину, на которой никто не мог выполнить план, а она встала за нее и стала его перевыполнять. На вопрос корреспондента о том, как ей это удаётся, она отвечала просто — чувство ответственности. Аня ощущала себя бойцом на фронте, который не может отступить и подвести остальных.

Ещё была Екатерина Михайловна Корчагина, женщина лет сорока, которая также работала на меланжевом комбинате прядильщицей. Екатерина Михайловна могла обслуживать до 700 веретён. Как отмечал К. Я. Финн, у неё были «удивительное ловкие пальцы, как у пианиста, а работа походила на дежурство часового на своём посту». Екатерина Михайловна следила за работой веретён и каждый раз, когда нитка обрывалась, она ликвидировала обрыв. Муж у Корчагиной ушёл на фронт добровольцем, хотя мог остаться, он тоже был специалистом на производстве. И теперь чета Корчагиных совместно борется с врагом, только на разных фронтах и разными средствами.

Аня Залогина сражалась с неприятелем в шлихтовальном цеху. Здесь никогда не работали женщины — это тяжелый физический труд. Аня Залогина попросилась. Вначале ее не пускали, говорили, что не справится, будет болеть. Аня была непреклонна. У нее был очень живой характер. Веселье, жизнерадостность

просто распирали ее. Аня все воспринимала с улыбкой, со смехом. Примеру Ани Зологиной последовали другие девушки. Им тоже очень хотелось доказать, что наши девушки — веселые, хорошие, нежные — все могут сделать во время войны для победы.

Константин Яковлевич в очерке также обращается к рассказу одной женщины, которая вспоминала о том, что до войны в «городе было очень весело и красиво. Много фабрик. Окна большие. Электричество. Все светилось. А по городу вечером гулянье какое было. Парни, девушки. Мужья с женами. Вообще весело. А теперь, где муж, где жена, все разъединились». Продолжая ее мысль, К. Я. Финн в очерке отметил, что война разъединила многие семьи, но при этом подчеркнул, что война может и сближать людей. И далее он привел пример необычной истории о том, как два чужих человека нашли друг друга во время войны, хотя ни что это не предвещало.

Дело было так. Дарья Ивановна Кромарова, пожилая женщина, не ходила вместе с девушками в подшефный госпиталь помогать медицинскому персоналу ухаживать за ранеными бойцами. Ей казалось, что она будет только мешать. Однажды девушки пришли из лазарета и рассказали Дарье Ивановне, что в одной из палат лежит молодой боец, который ни с кем разговаривать не хочет. Лежит, повернувшись к стенке, и молчит по целым дням.

Дарья Ивановна передавала ему несколько раз гостинцы, но тот только благодарил и отворачивался к стенке. После этого женщина лично пошла к нему. И на приветствие Дарьи Ивановны «Здравствуй сынок» отреагировал очень болезненно. Он рассказал, что у него нет никого на свете, а её хотел бы видеть своей матерью и назвал своё имя – Тимофей Иванович Проклов.

У Дарьи Ивановны тоже никого не было. Муж ее погиб в гражданскую войну, дети умерли рано. Проклов понравился ей. У него были нежные, грустные глаза. Лицо его показалось ей честным, открытым.

Всё своё свободное время, Дарья Ивановна проводила у койки Проклова. Она видела, как он выздоравливает, и радостью наполнялось ее сердце. В те дни, когда ему бывало хуже, она тосковала.

Через некоторое время Проклова перевели в другой город. Она проводила его, как сына. Он попрощался с ней, как с мате-

рю, а через некоторое время прислал ей письмо. В нём говорилось о том, что его знакомый зовёт уехать с ним в город Алматы, и спрашивал правда ли она хочет видеть в нём сына, на что Дарья Ивановна ответила – «приезжай, твоя мать».

Теперь они живут вместе. Он ей, как сын. А она ему как мать. Когда Дарья Ивановна рассказывает про сына, глаза ее становятся очень добрыми. Дарья Ивановна Кромарова, потомственная ивановская ткачиха.

С Дусей Лебедевой, Константин Яковлевич встретился на фабрике «Красная Талка». Ей было двадцать семь лет. Она небольшого роста, блондинка, кокетливая. Дуся — помощник мастера, ватерщица, она руководила бригадой, и бригада эта называлась «фронтной». Дуся Лебедева — в составе делегации ивановцев ездила на фронт, отвозила подарки бойцам и командирам. Ей удалось побывать на одной из артиллерийских батарей. И тогда же Дуся решила поближе познакомиться с артиллеристами, связать с ними свою бригаду девушек «кузами подлинной сердечной дружбы». Но при встрече Дуся постеснялась сказать это артиллеристам. Только приехав в Иваново, посоветовавшись со своими девушками, она решилась и написала письмо бойцам батареи, которым предлагала соревноваться: «Вы бейте фрицев, а мы будем перевыполнять план».

Девушкам ответили. И с тех пор возникла в бригаде Лебедевой фраза «наша батарея». Если кто-нибудь в бригаде отставал, ему грозились написать об этом на «нашу батарею»; если кто-нибудь особенно успешно работал, его поздравляли от имени «нашей батареи». Девушки ясно представляли себе этих молодых-артиллеристов, составляющих «нашу батарею». Чувство волнения и тоски охватывало сердца девушек, когда запаздывал ответ от артиллеристов. Не случилось ли чего? Но вот приходило письмо, и снова радость, снова смех, снова горячее обсуждение каждой фразы. Наверно, и бойцы «нашей батареи» в часы досуга говорят про девушек из далекого Иванова и называют их «наши девушки»...

Несомненно, такая информация из тыла через краткие человеческие истории была необходима для бойцов и командиров действующей Красной армии. Она не только укрепляла их боевой дух, но и помогала передавать душевное тепло от тех, кого они

защищали. Важна она и современным исследователям, поскольку содержит свидетельства очевидцев о событиях в тылу в годы Великой Отечественной войны. Именно это послужило основанием для включения очерка в содержание памятного издания, посвященного 75-летию Великой Победы и присвоению городу Иваново почетного звания «Город трудовой доблести». В этой связи можно с уверенностью утверждать, что благодаря творчеству Константина Яковлевича Финна, удалось сохранить крупницы исторического прошлого, очень необходимые для увековечивания трудовых достижений ивановцев в годы Великой Отечественной войны.

Секция 3
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА

УДК 677(091)(470.315)

К. Е. Балдин

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

**КРУЖОК ТЕХНОЛОГОВ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ
В НАЧАЛЕ XX В. — ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

В статье рассматривается деятельность кружка технологов в Иваново-Вознесенске в начале XX в. Он объединял инженеров, работавших на текстильных предприятиях. Главным направлением деятельности этой общественной организации было распространение новых технических знаний.

Ключевые слова: текстильная промышленность, техническая интеллигенция, инженеры, общественные некоммерческие организации, гражданское общество в дореволюционной России, популяризация научных знаний.

K. E. Baldin

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

**A CIRCLE OF TECHNOLOGISTS
IN IVANOVO-VOSNESENSK
IN THE EARLY 20th CENTURY —
THE ORGANIZATION OF TECHNICAL INTELLIGENTSIA**

The article examines the activities of a circle of technologists in Ivanovo-Voznesensk in the early 20th century. This organization brought together engineers, who worked in textile factories. The main focus of this public organization was the dissemination of new technical knowledge.

Key words: textile industry, technical intelligentsia, engineers, public non-profit organizations, civil society in pre-revolutionary Russia, popularization of scientific knowledge.

В начале XX в. в России динамично проходил процесс индустриализации. В ходе ее множились и росли крупные промышленные предприятия. Одновременно с этим происходил процесс формирования технической интеллигенции, самым многочисленным сегментом которой являлись инженерно-технические работники. В их среде возникло вполне объяснимое стремление к объединению, прежде всего — на почве профессиональных интересов.

По подсчетам, сделанным современными исследователями, в начале XX в. в России действовали около десяти научно-технических общественных организаций, которые объединяли как инженеров-практиков, так и научных работников [3, с. 122]. Одни из них имели всероссийский характер, таким было, например Императорское Русское техническое общество. Другие действовали в масштабах города, губернии, крупного региона.

Важное место среди узкого слоя местной интеллигенции в Иваново-Вознесенске занимали инженеры, трудившиеся на текстильных фабриках. По сравнению с сегодняшним днем их было очень немного — один—два человека на крупное текстильное предприятие. Они получали зарплату, которая была гораздо выше жалования врача или учителя. Некоторые из них входили в состав правлений предприятий, владели их акциями и были непосредственно заинтересованы в прибылях. Это прочно привязывало их к владельцам фабрик. Несмотря на это, идеи объединения и стремление к общественной деятельности проникли и в их среду.

22 декабря 1908 г. в Москве возник «Кружок технологов Московского района». В соответствии с уставом он объединял «лиц, занимающихся технической деятельностью» и имевших высшее техническое образование. Инженеры предполагали объединиться «на почве научно-технических интересов, взаимопомощи и разумных развлечений». В отличие от многих других обществ, деятельность которых замыкалась в масштабах города, уезда или губернии, кружок технологов был крупнорегиональной организацией, его деятельность распространялась на весь Московский промышленный район, т. е. на Московскую и десяток окружавших ее губерний с развитой промышленностью, преимущественно текстильной. Это были Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская, Тульская и др. губернии. В Москве

находилась центральная структура кружка, учредителями которой были видные русские инженеры, в том числе Р. Э. Классон [1, ф. 4, оп. 1, д. 1456, л. 1].

В уставе создававшейся организации перечислялись формы ее деятельности: лекции, собеседования, экскурсии по техническим вопросам, издание брошюр и специальных журналов. Своим членам, оставшимся без работы, общество имело право выдавать денежные пособия, устраивать кассы взаимопомощи, оно могло подыскивать им работу. Для организации так называемого «разумного досуга» своих участников кружок устраивал семейные вечера, спектакли, концерты [1, ф. 4, оп. 1, д. 1456, л. 1].

На периферии создавались отделения этой организации. Одним из первых среди них стал филиал, созданный в 1909 г. в Иваново-Вознесенске. Правление существовало только в Москве, в него входили и представители отделений, именно они считались руководителями филиалов. Они носили название «окружных членов правления». В Иваново-Вознесенске эти обязанности исполнял сначала Николай Александрович Сыхра, работавший на фабрике Н. Гарелина, а затем Алексей Иванович Таиров. В состав кружка входили такие известные инженеры как Л. П. Ауэр с Куваевской мануфактуры, Н. И. Овчинников, С. С. Дроздов, Ф. А. Володин [1, ф. 4, оп. 1, д. 1229, л. 75; д. 1369, л. 70; д. 1456, л. 9, 11]. Всего в составе кружка, по косвенным данным, в 1910 году состояло около четырех десятков инженеров, трудившихся на иваново-вознесенских предприятиях [2, 1910, 19 сент.]. Это были практически все специалисты с высшим образованием, которые работали на местных текстильных фабриках.

Кружок технологов в Иваново-Вознесенске работал весьма деятельно. Почти каждый месяц проходили собрания, на которых заслушивались доклады по тематике, связанной с производством: «Значение шлихты», «Торф как топливо, его добывание». Очень заинтересованно на протяжении двух заседаний в 1913—1914 гг. ивановские инженеры обсуждали систему Тейлора. Но, как видно, сочли ее не совсем пригодной для местных предприятий, так как о применении «научной системы выжимания пота» (выражение В. И. Ленина) на наших текстильных фабриках что-то не было слышно. Инженеры не остались безучастными к положению рабочих, и социальная тематика занимала, пожалуй, наиболее

заметное место на их собраниях, именовавшихся «товарищескими беседами». Обсуждались, в частности, следующие проблемы: «Значение вентиляции фабричных помещений для жизни и здоровья работающих», «Больничные кассы». Обзор санитарного состояния фабрик Иваново-Вознесенского района сделал в марте 1911 г. фабричный инспектор Л. К. Полубенин [1, ф. 4, оп. 1, д. 1307, л. 25; д. 1369, л. 10, 58, 70; д. 1229, л. 45].

Кружок заботился не только о своих членах, но и о будущих коллегах — студентах технических вузов. Осенью 1910 г. на одном из заседаний кружка было выражено настойчивое желание хозяевам местных предприятий: сделать практику на них этих студентов, т. е. будущих инженеров максимально продолжительной — не менее девяти месяцев. Также местных фабрикантов просили снова принимать молодых инженеров, только что окончивших вузы, на практику для приобретения умений и навыков. Как констатировали члены кружка, в дальнейшем хозяева местных предприятий хорошо зарекомендовавших себя молодых специалистов охотно брали на «хорошие места» и с «высокими окладами» [2, 1910, 19 сент.].

Обычно после каждой технической беседы проходил «товарищеский ужин» по подписке. Инженеры были публикой зажиточной, и они полностью снимали ресторан в гостинице «Националь». Власти были обязаны командировать на каждое собрание полицейского, который следил за тем, чтобы не допускали отклонений от заранее поданной в полицию повестки дня и произнесения противоправительственных речей. Это правило жестко соблюдалось в отношении всех организаций, в том числе самых благонамеренных [1, ф. 4, оп. 1, д. 1456, л. 7].

Иваново-вознесенский кружок технологов поддерживал тесные контакты с местным медицинским обществом. Толчком к их совместной деятельности стал всероссийский съезд фабрично-заводских врачей, состоявшийся в Москве в апреле 1911 г. Та и другая организации намеревались послать на него своих представителей, так как вопросы, обсуждаемые на съезде, в равной мере затрагивали интересы врачей и инженеров. В 1911 г. прошло несколько совместных заседаний двух организаций, была создана объединенная медико-техническая комиссия, на которой обсуждались проблемы санитарного состояния местных фабрик и заболеваемости среди

рабочих. В деятельности комиссии принимал активное участие фабричный инспектор Л. К. Полубенин и врач С. И. Польшковский [1, ф. 4, оп. 1, д. 1229, л. 41, 75; 2, 1911, 17 марта].

Политической деятельностью кружок технологов и его Иваново-Вознесенское отделение не занимались. Впрочем, это было строжайше запрещено любым некоммерческим и неполитическим организациями в Российской империи. Лишь один раз местное отделение кружка технологов решилось на то, что можно оценить как демонстративный шаг. В октябре 1910 г. члены его на своем заседании почтили вставанием память скончавшегося в Петербурге известного либерального деятеля С. А. Муромцева, председателя I Государственной думы, и направило телеграмму соболезнования. Попутно отметим, что аналогичный жест сделал на своем собрании общество врачей в Иваново-Вознесенске [2, 1910, 17 окт.].

Развлекательная программа в деятельности кружка занимала второстепенное место. Лишь изредка устраивались танцы и семейные вечера. Так, 10 декабря 1911 г. состоялось семейное мероприятие, проходившее в клубе приказчиков. Вход на вечер был по членским билетам, т. е. только для своих. Программа вечера свидетельствовала о вкусах инженерно-технических работников сто лет назад. В ней значилось художественное чтение (рассказ А. П. Чехова), выступление камерного трио (фортепиано, скрипка, виолончель), которое исполняло произведения Мендельсона и вальс из «Спящей красавицы» П. И. Чайковского. Самодельные артисты исполнили фабричную песню «Барыня» и украинскую «Солнце низенько» [1, ф. 4, оп. 1229, л. 124].

Условия существования общественных организаций в до-революционной России были сложными. Недоверие к общественной инициативе, боязнь любых объединения, не инициированных начальством, ставили на пути создания некоммерческих и неполитических организаций множество бюрократических рога-ток. Несмотря на это, даже в провинции в начале прошлого века одна за другой возникали такие общественные объединения. Большинство участников их составляли представители интеллигенции, а так как этот слой населения был немногочисленным, то и сами они были весьма скромными по своим масштабам. Типичными примером этого был существовавший в Иваново-

Вознесенске филиал крупнорегионального объединения — московского кружка технологов. Главным направлением его деятельности являлась научно-техническая пропаганда в форме бесед, использовались также возможности для проведения досуга. Деятельность этой организации и других аналогичных структур свидетельствовала о постепенном формировании элементов гражданского общества в российской провинции.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
2. Старый владимирец.
3. *Туманова А. С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

УДК 94(47)'' „1941/1945'':620.

Г. А. Будник

профессор, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина (Иваново)

Т. Б. Котлова

профессор, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина (Иваново)

Т. В. Королева

доцент, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина (Иваново)

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье приводятся конкретные факты профессиональной деятельности инженеров и техников электроэнергетической отрасли в годы Великой Отечественной войны. Делается вывод о типичных, вневременных и специфических чертах советской интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, советская инженерно-техническая интеллигенция, Великая Отечественная война, СССР, электроэнергетика.

G. A. Budnik

Professor, Ivanovo State Power Engineering University
named after V. I. Lenin (Ivanovo)

T. B. Kotlova

Professor, Ivanovo State Power Engineering University
named after V. I. Lenin (Ivanovo)

T. V. Korolyova

Associate Professor, Ivanovo State Power Engineering University
named after V. I. Lenin (Ivanovo)

**ENGINEERING AND TECHNICAL INTELLIGENTSIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article presents specific facts of professional activity of engineers and technicians of the electric power industry during the Great Patriotic War. The conclusion is made about the typical, timeless and specific features of the Soviet intelligentsia.

Key words: intelligentsia, Soviet engineering and technical intelligentsia, the Great Patriotic War, the USSR, electric power industry.

В данной статье под *инженерно-технической интеллигенцией* понимается социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и обладающий особыми нравственными чертами. Ее *вневременными чертами* являются: высокий уровень образования, осознание важности и значимости интеллектуального труда и своей общественной роли в жизни общества, служение общественным целям и идеалам, требовательность к себе и к другим, гражданственность и гражданское мужество, бескомпромиссность в борьбе за правду, чувство собственного достоинства, скрупулезность в отношении к делу, аккуратность. *Советской инженерно-технической интеллигенции*, в отличие от дореволюционной, были присущи такие *специфические черты*, как: приоритет общественного над личным; близость к проблемам трудящихся; творческий подход к делу, а также — узко направленное образование; более низкий, чем у дореволюционной интеллигенции культурный уровень; мировоззрение, сформированное на основе марксистско-ленинской идеологии.

Предметом интеллигентоведческого исследования в данной статье является профессиональная деятельность инженеров и техников электроэнергетической отрасли СССР в 1941—1945 годах.

Проведенный авторами анализ воспоминаний ветеранов энергетики, архивных документов и интернет-ресурсов позволяет заключить, что *в годы Великой Отечественной войны в духовно-нравственном облике инженерно-технической интеллигенции присутствовали как типичные (общие), вневременные, присущие еще дореволюционной интеллигенции черты, так и специфические, сформированные в годы советской власти и ярко проявившиеся в годы военных испытаний.*

Так, например, высокое профессиональное мастерство было продемонстрировано энергетиками блокадного Ленинграда. Чтобы выстоять, городу нужна была электроэнергия. Однако фашистам удалось разрушить почти все электростанции города. В этих условиях инженерам и рабочим электроэнергетической отрасли удалось проложить по дну Ладожского озера более 100 км кабелей высокого напряжения, соединить их с воздушными линиями электропередачи в направлении к Волхову и Ленинграду и обеспечить подачу электроэнергии от Волховской ГЭС. В результате в сентябре 1942 года была прорвана энергетическая блокада Ленинграда. Руководителями всех работ по энергетике Ленинграда в дни блокады были управляющий РЭУ Ленэнерго И. П. Карасев, главный инженер энергосистемы С. В. Усов и его заместитель В. Н. Герасимов, который отвечал за аварийно-восстановительные работы и инженерные мероприятия по оборонной защите энергопредприятий.

Несмотря на тяжелые материальные условия, скудное питание, работу на пределе возможностей, часто под бомбовыми ударами противника, инженеры и техники добросовестно и ответственно относились к своей работе. Так, в марте 1942 года в очень короткий срок был реконструирован котел № 3 Ленинградской ГЭС-5. «Я обращаю внимание на то, вспоминал И. П. Александров, — ... работы на котле выполнялись очень тщательно, выдерживались все положенные нормативы и правила» [1].

Самоотверженно трудились энергетики Урала. В годы войны сюда были эвакуированы крупные промышленные предприятия из западных и центральных районов страны, здесь также

ускоренными темпами велось строительство новых оборонных предприятий. Однако генерирующих мощностей для обеспечения их работы не хватало. Поэтому ускоренными темпами здесь началась модернизация старых и строительство новых электростанций. Так, например, было принято решение ввести в строй новую станцию — Челябинскую ТЭЦ-1. Во время ее строительства инженерами-энергетиками было сделано много рационализаторских предложений. С. П. Гончаров, возглавлявший здесь монтажные работы, вспоминал: «В Наркомате электростанций меня предупредили, что Челябинская ТЭЦ должна строиться исключительно быстрыми темпами. Ознакомившись с состоянием дел, я принял решение ускорить ввод в эксплуатацию котлоагрегата, начатого до моего приезда, и готовить монтаж следующего на других технических началах.... Мы не смогли сразу организовать единую сборочную площадку, а ограничились сборкой монтажных блоков на нескольких локальных площадках. Однако нам удалось впервые в монтажной практике применить так называемый Г-образный кран, конструкция которого была задумана еще до войны.... Котел был смонтирован очень успешно и в исключительно короткий срок» [2]. Первый агрегат и самый мощный в стране турбогенератор были пущены в январе 1942 году.

В годы войны многие инженеры и техники продемонстрировали высочайший профессионализм и ответственность, а также способность принимать нетрадиционные для мирного времени технические решения, создавать и конструировать своими силами недостающее оборудование. Так, на Березниковской ТЭЦ аварийным очагом являлась система углеподачи. Из-за нее ТЭЦ нередко останавливалась. Вследствие серьезных конструктивных недостатков кабель-кран немецкого производства часто выходил из строя. Инженер В. Т. Кудрявцев коренным образом рационализировал оборудование, ликвидировал аварийные очаги, автоматизировал процесс перезапуска сжимных каналов и предложил новый способ замены несущих каналов. Впоследствии он изобрел первый советский кабель-кран с лучшими, чем у зарубежных эксплуатационными характеристиками [3].

Серьезной проблемой во время войны было проведение ремонта энергообъектов. Чтобы решить ее, на подстанциях создавались особые ремонтные схемы, героическими усилиями

инженеров и рабочих сокращались сроки ремонта. В военные годы основу сетей составляли одноцепные линии электропередачи 110/10 кВ, вывод в ремонт которых приводил к перерывам или ограничениям электроснабжения. Уральские энергетики решились на мужественный шаг — освоили метод ремонта линий под напряжением. Инициатором новаторских решений ремонта выступили энергетики «Челябэнерго». Инженер А. И. Понедилко был главным организатором и пропагандистом ведения работ на ЛЭП без их обесточивания. Позднее он был удостоен Государственной (Сталинской) премии за свои изобретения. Специалисты «Челябэнерго» вели поиски и исследования, связанные с ремонтными работами, которые требовали касания к проводам и изоляторам, находящимся под напряжением. Проводились работы по определению предельных безопасных значений тока, протекающего через человека, исследовались изоляционные свойства некоторых конструкционных материалов и разрабатывались различные способы доставки электромонтера к проводу. С получением изолирующих лестниц из дельта-древесины в сетях Урала начали проводиться масштабные работы по проверке и замене соединителей проводов, вставке отдельных отрезков провода, замене подвесных гирлянд изоляторов и др. [5].

В Перми организатором этого дела стал главный инженер «Молотовэнерго» А. Я. Шеленков. О трудовом героизме пермских энергетиков газета «Известия» в 1943 году писала: «Коллектив участка электропередачи В. Харитонов один из первых взялся ремонтировать линию под током. Эта линия питает важнейшие промышленные базы области. Бригада опытных линейщиков во главе с начальником дистанции Слесаревым терпеливо и настойчиво готовила себя к этой большой и тяжелой работе. Они сменили под высоким напряжением около 200 стоек, 164 ветровые связи и множество других деталей. Потребитель даже не догадался, что на участке от зари до зари шел ремонт» [4].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в профессиональной деятельности инженеров и техников рельефно прослеживаются такие традиционные для российской интеллигенции черты, как: высокий профессионализм и гражданская ответственность, а также такие специфические, как: приоритет государственных интересов над личными, что предопределяло

поддержку инициатив советского правительства, направленных на разгром врага, а также требовательность к себе и к другим, как основа трудового героизма.

Библиографический список

1. *Александров И. П.* Сердце осажденного Ленинграда // Электрификация в России. Воспоминания старейших энергетиков / сост. Д. Г. Котилевский, А. М. Маринов. М.: Энергоатомиздат, 1984. С. 156—157.
2. *Гончаров С. П.* Дела, люди, события // Россия электрическая: Воспоминания старейших энергетиков / под ред. П. С. Непорожного [и др.]. М.: Энергия, 1975. С. 121, 124—125.
3. *Маринов А. М.* Опорный край державы // Электрификация России: Воспоминания старейших энергетиков / сост. Д. Г. Котилевский, А. М. Маринов. М.: Энергоатомиздат, 1984. С. 192.
4. Немеркнувший свет Большого Урала. URL: <http://www.media-office.ru/?go=21120781&pass=fc2241edc53d27c605329f3876d36db8> (дата обращения: 15.02.2021).
5. Уральские энергетика первыми начали ремонтировать линии без отключения. Музей энергетика Урала. URL: <http://musen.ru/blog/uralskie-energetiki-pervymi-nachali-remontirovat-linii-bez-otklyucheniya> (дата обращения: 15.02.2021).

УДК 94(47).084.8

Н. Э. Вашкау

профессор, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк)

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются письма военного периода. Показано, как студенты могут использовать источники личного происхождения, чтобы изучить повседневную жизнь во время Второй мировой войны, узнать о чувствах, мыслях и чаяниях простых советских солдат.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронтовые письма, патриотизм, цензура.

N. E. Vashkau

Professor, Lipetsk State Pedagogical

P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk)

LETTERS OF SOVIET SOLDIERS AS HISTORICAL SOURCES IN RESEARCH OF DAILY LIFE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

In this article we analyze the letters of Soviet soldiers written during WWII, and explain how personal wartime records can be used by History students in their research. The goal is to portray the daily life of an average soldier, his struggles, hopes and dreams.

Key words: Great Patriotic War, war letters, patriotism, censorship.

За последние годы в исторической науке значительно возрос интерес к «человеческой стороне» войны, к психологии, поведению, моральному состоянию солдата в боевой обстановке, поэтому источники личного происхождения становятся важными в данном контексте. Письма позволяют проводить более глубокий анализ исторических событий, рассматривать отношение их авторов к происходящим явлениям. Новое направление в исторической науке — военно-историческая антропология, базирующаяся, в том числе, на источниках личного происхождения, показывает «человеческое измерение» войны, чувства, мысли, поведение рядовых солдат. Это позволяет понять, как и насколько сильно психологическое состояние и моральный дух армии влияют на результат боевых действий.

Многочисленно проанализировано более 250 писем советских солдат, сохранившихся в государственных архивах Волгоградской и Липецкой областей, а также в хранилищах музея — панорамы «Сталинградская битва», в школьных музеях и частных собраниях, опубликованных в сборниках документов. Часть писем в копиях постоянно используется на лекциях и семинарских занятиях по истории России и источниковедению.

Письма дают возможность увидеть войну «из окопа», глазами рядовых солдат и офицеров. Они затрагивают корневые, микроскопические формы бытия. Эти источники свидетельствуют о фронтовой жизни, хотя, конечно, несколько приукрашенной действительности.

Особенность писем — это однотипность их содержания. Обращения к родным, начальные строки, завершение письма указывают на традиции устной речи. Перечисление по старшинству всех членов семьи, поклоны, приветы, краткая справка о здоровье («я жив и здоров, чего и вам желаю»), пожелания счастья и благополучия, описание обстановки на фронте. Крайне редко встречаются размышления о причинах возникновения конфликта, анализ событий. Солдаты старались написать родным больше положительного, чтобы не волновать понапрасну близких. Интересовались у родных, собрали ли дома урожай, как учатся младшие, «перекрыли ли крышу дома», хватает ли денег...

Можно отметить, что письма к друзьям, находившимся на фронте, более информативны. Здесь солдаты находились в одинаковых условиях, выражали, без стеснения, свои чувства, сообщали о наблевшем. Если письма солдат с фронта домой сохранялись, то письма с фронта на фронт пропадали в суматохе военного быта. Содержание писем сугубо индивидуально и отражает особенности уровня образования, компетентности человека, его партийной позиции. Еще меньше мы обнаруживаем письма из дома солдату на фронт. Если исследователю удастся получить полный комплекс писем между солдатом и родными — это большая удача. Письма написаны на обрывках бумаги, многие не подписаны, поэтому установить автора часто практически невозможно. В начале войны это известные солдатские треугольники, в ходе войны меняется сам внешний вид конвертов, на них печатаются призывы, портреты русских полководцев. Когда армия пересекает границы СССР, солдаты пишут письма на листах, вырванных из разлинованных бухгалтерских книг, образцах квитанций на европейских языках. Пишут второпях, что отражается в текстах: «пишу тебе на марше, остановились на несколько минут. В хате нашел чистую тетрадь...».

Студенты знакомятся с условиями цензуры с обеих сторон, анализируя внешний вид писем, конвертов, обращая внимание на печати и пометки, зачеркивания отдельных слов и абзацев. Письма проверялись государственными органами, проводилась перлюстрация, изъятие «особо опасных». Письма, в которых выражалось недовольство, обеспокоенность, сомнения солдат о сложившейся обстановке, в настоящее время публикуются в

сборниках документов как часть делопроизводственной документации политических органов. Приводятся выдержки из переписки военнослужащих Красной армии, в которых содержится информация, не прошедшая контроль и охарактеризованная как «антисоветская, провокационная, клеветническая».

В экстремальных условиях войны, под влиянием опасностей, трудностей, постоянного морального и физического напряжения, действие эмоционального фактора приобретает особенно интенсивный характер. При этом в бою с одинаковой вероятностью могли проявиться прямо противоположные коллективные настроения: с одной стороны, наступательный порыв, с другой — групповой страх, уныние, обреченность, способные в определенной ситуации привести к панике. В такой обстановке происходили случаи дезертирства, бегства с поля боя, поэтому был издан приказ наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года, более известный как «Ни шагу назад!». Этот документ был нацелен на поднятие морального духа армии, чтобы солдаты «до последней капли крови защищали каждую позицию, каждый метр советской территории, цеплялись за каждый клочок советской земли и отстаивали его до последней возможности». Но из содержания задержанных цензурой писем вытекает следующее: многие солдаты считали, что приказ никак не отразится на обстановке на фронте, поэтому заявляли: «Не верю этому приказу. Все равно как прошлый год бежали от немцев, так и сейчас будем бежать за Волгу и до Урала». Подобные настроения в рядах армии волновали сталинское партийно-государственное руководство. Письма «упаднического характера» изымались государственными органами, а их авторы находились под строжайшим контролем. Солдаты видели, сколько боевых товарищей погибало каждый день, и понимали, что выжить в таких условиях очень трудно. В своих весточках домой они часто прощались с родными, писали о том, что могут не вернуться. Приведем пример такого письма: «Пишу письмо с похода перед сближением с немцем и, безусловно, это и есть мои последние минуты жизни, потому что я имею сведения о фронте и хочу тебе сообщить, что как эшелон к фронту подвезут, то из 4000 человек остается в живых всего 15—20 человек и то из больших командиров». Это письмо было изъято и не дошло до родных.

Содержание писем во многом зависело от того, кому они адресованы. Солдаты более откровенны в описаниях боевой обстановки со своими товарищами, чем с матерями или женами, которых они стараются успокоить, убедить в том, что на фронте «ничего страшного нет». Недовольство солдат вызывали плохая организация ведения боя, недостаток боеприпасов и вооружения, действия советской авиации.

Письма позволяют выделить следующие причины критического отношения солдат к обстановке на фронте. Во-первых, на начальных этапах войны Красная армия находилась в тяжелом положении: решалась судьба народа, дальнейшее отступление влекло не только территориальные потери, но и проигрывалась «психологическая война». Во-вторых, имелись стратегические просчеты командования, которые повлекли огромные человеческие жертвы. В-третьих, влиял характер войны, когда борьба шла на уничтожение, и от каждого солдата зависел ее исход.

Победа Красной армии в Сталинградской битве положила начало коренному перелому в ходе войны, началось повсеместное отступление немецких войск на всем протяжении советско-германского фронта. Героизм и самоотверженность солдат, проявленные в самые тяжелые дни сражения в городе, стали примером того, как нужно воевать, чтобы освободить страну от угрозы немецко-фашистского порабощения.

Несмотря на массовые репрессии 1930-х годов, советские люди верили в социалистические идеалы, доверяли руководству страны. Большинство писем военнослужащих Красной армии в период Сталинградской битвы пронизаны чувством патриотизма, в них содержатся призывы на защиту Родины, уверенность в победе.

Образ врага — важная составляющая в формировании ненависти к противнику, которая являлась неременным условием боеспособности армии, мощной мотивацией их готовности к самопожертвованию, к битве не на жизнь, а на смерть. В отличие от немецких солдат, которые называли противника нейтральными словами — «враг», «противник», реже — «Иван», «русский»; советские воины применяли в письмах более жесткие, меткие названия: «фрицы», «изверги», «гады». Это связано с тем, что существовало различное отношение к противоборствующей

стороне: военнoслужащие Красной армии защищали свое Отечество, сражались на родной земле, оккупированной захватчиками. Ненависть к немецко-фашистским войскам способствовала единению советских солдат, всего советского народа. В огромной степени на использование таких выражений в письме влияли стиль фронтовых газет, радиопередач, статьи известных писателей и поэтов, бывших военными корреспондентами в период войны. На занятиях мы сравниваем стилевые особенности писем и газетных статей И. Эренбурга, К. Симонова и других.

В Советском Союзе солдатские письма были открытыми для исследований. Но, как правило, печатались в сборниках документов письма патриотического характера, не содержащие критических высказываний. За последнее десятилетие публикуются источники, сохранившие различные настроения, мысли, чувства авторов. Зачастую инициатива исходит от простых людей, у которых дома хранятся весточки времен войны, и они хотят, чтобы правду о ней молодое поколение узнавало из первых уст.

Проект, который я на протяжении 2020 года проводила со студентами Липецкого государственного университета при поддержке Фонда Розы Люксембург в Москве, называется «Память народа. Память семьи». Студенты первых курсов неисторических факультетов, которые изучают курс «История России», работали над изучением истории своей семьи.

Особой волнующей частью работы стали интервью со старшим поколением. В результате студенты составили генеалогическое древо семьи и описание каждой биографии. Подробно, с опорой на документы, на воспоминания старших, они рассказали о фронтовой жизни солдат тяжкого 1941 года; о пленении и жизни в концлагере, о побеге; о конкретных подвигах и о том, что просто «вовремя подвозил обед, снаряды, обеспечивал бесперебойную связь»; о тяжелой ноше женщины в тылу — в колхозе и на рытье окопов, на торфоразработках и в госпиталях, о детях войны; о матерях — героинях, о похоронках и вдовах... Все это вместе о подвигах прадедов, о верности солдатскому долгу, о невероятных усилиях всего народа, приближавшего победу. Среди всех источников, которые ребята приносили на занятия, мы обнаружили только два письма, оставшиеся в семейном архиве. На их

основе родились два очерка об истории семей. Поэтому так важно обращаться к письмам, находящимся на хранении в школьных, краеведческих музеях, государственных архивах, чтобы прикоснуться к подлиннику.

В последние годы мы на занятиях активно используем ресурсы Липецкой областной универсальной научной библиотеки, которая на сайте «Краеведение» в рамках проекта «Память вечного огня» публикует Книги памяти, архивные документы, а также большой комплекс писем «Фронтальная почта». Он постоянно пополняется и содержит письма, переданные родственниками солдат и офицеров, ушедших на войну из Липецкого края.

Я надеюсь, что прикосновение к истории своих прадедов через личные документы, понимание их мыслей и чувств, когда они вставали из окопов и шли на верную смерть, не позволит стать памяти о них короткой. Потому что речь идет не просто об изучении страниц нашей истории, а сохранении правды истории.

УДК 908 (470)

В. В. Возилов

директор, Шуйский историко-художественный и мемориальный музей имени М. В. Фрунзе, председатель, Ивановское областное краеведческое общество (Шуя)

«СОЮЗ ТРУДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» В ШУЕ В 1917 ГОДУ

Статья посвящена истории создания Союза трудовой интеллигенции в Шуе в 1917 году. Рассматривается программа этой организации. Создание Союза было частью процесса образования Советов трудящейся интеллигенции в России в 1917 году.

Ключевые слова: интеллигенция, Советы, революционное движение.

V. V. Vozilov

Director, Shuya History, Art and Memorial Museum named after
M. V. Frunze, Chairman, Ivanovo Regional Local Lore Society (Shuya)

«UNION OF LABOR INTELLIGENTSIA» IN SHUYA IN 1917

The article is devoted to the history of the creation of the Union of Labor Intelligentsia in Shuya in 1917. The program of this organization is being considered. The creation of the Union was part of the process of forming the Soviets of the Working Intelligentsia in Russia in 1917.

Key words: the intelligentsia, the Soviets, the revolutionary movement.

2 октября (19 сентября ст. ст.; далее все даты даются по старому стилю) 1917 года газета «Шуйские известия» помещает коротенькую заметку за подписью «М. Т.», в которой сообщается: «Сегодня в здании Благородного собрания в 8 час. веч. состоится учредительное собрание “Союза трудящейся интеллигенции”. Нужно надеяться, что местная интеллигенция, работники умственного труда не останутся глухи к призыву».

Под инициалами «М. Т.» скрывался, вероятно, один из активных участников проекта создания «Союза трудовой интеллигенции» М. И. Тарасов. Михаил Иванович Тарасов — активный участник событий 1917 года в Шуге. Он известен также как краевед, автор одной из книг о М. В. Фрунзе.

Создание «Союза трудовой интеллигенции» стало неотъемлемой частью стремительных событий 1917 года в Шуйском уезде Владимирской губернии и отражало чаяния и надежды части местной интеллигенции.

В 1917 году кадеты пользовались большой популярностью среди шуйской интеллигенции, мещан и предпринимателей. В местное отделение «Партии народной свободы» входила в основном интеллигенция (инженеры и бухгалтеры предприятий, земские врачи, учителя гимназии). Были в ней и представители других социальных групп, в частности, рабочие. Отметим, что обозначение «кадет» условно, поскольку им часто называют всех местных либералов. Именно либеральная интеллигенция оказалась во главе органов городского самоуправления и ряда общественных организаций после Февральской революции.

2 марта 1917 года Шуйская городская дума признала власть Временного правительства. В тот же день по инициативе кадетов А. А. Анагорского и Н. Д. Агрикова на собрании городской Думы был избран Шуйский городской исполнительный комитет. В апреле на должность комиссара Временного правительства был избран кадет В. А. Невский.

11 апреля 1917 года вышел первый номер газеты «Шуйские известия». Главным редактором газеты стал учитель гимназии, кадет И. В. Кохомский. 13 апреля Исполнительный комитет КОБ отверг требования Совета рабочих и солдатских депутатов об исполнении всех постановлений Совета. В. А. Невский подчеркнул незаконность и необоснованность требования Совета.

Исполком КОБ организовал ряд общественных организаций: союз служащих правительственных и общественных учреждений и организаций; союз инженеров и техников; союз учителей средних и нижних школ и другие.

22 июня в Шуе создается внепартийная трудовая демократическая группа, лидерами которой стали кадеты И. В. Кохомский и И. Е. Чернышев. Внепартийная трудовая демократическая группа пользовалась большой поддержкой среди местной интеллигенции. 23 июня программу группы приняло общее собрание общества служащих государственных учреждений. Затем к этой программе присоединились союз служащих торгово-промышленных предприятий, церковно-приходской совет и другие городские организации. На городских выборах внепартийная группа образовала блок № 4 и составила значительную конкуренцию большевикам и эсерам.

В июле—августе 1917 года проходила кампания по выборам в Шуйскую городскую думу. Выборы состоялись 27 августа, и они принесли следующие результаты: девятнадцать мест набрали социал-демократы (четыренадцать большевиков, один меньшевик и четверо им сочувствующих беспартийных), десять мест — социаллисты-революционеры (из них пять человек им сочувствующих беспартийных), десять мест — представители внепартийной трудовой группы, одно — торгово-промышленник (кадет).

В сентябре 1917 года в Шуе происходили выборы в Уездное земское собрание. 24 сентября состоялись выборы гласных Уездного земского собрания. Явка оказалась невысокой. Больше-

вики выступали в блоке с левыми эсерами и составили список № 1 — социалистический блок, который одержал убедительную победу. В итоге в уездное земство гласными были избраны М. В. Фрунзе, И. Ф. Останин, А. Т. Голубев, А. Ф. Сурков, Ф. И. Лабишевский, М. И. Седов. По списку внепартийной трудовой группы гласными стали: В. А. Невский, И. В. Кохомский и Л. С. Романов.

Именно в этот период идет процесс создания в Шуе «Союза трудовой интеллигенции», первое организационное собрание которого состоялось 19 сентября 1917 года.

24 сентября инициативная группа закончила составление устава Союза и объявила о проведении организационных процедур, созвав «учредительное собрание для рассмотрения и утверждения устава, выбора совета для управления делами союза и решения других вопросов, связанных с организацией союза».

29 сентября «Шуйские известия» сообщают о проведении в этот день учредительного собрания союза трудовой интеллигенции в помещении Шуйской земской управы в 8 часов вечера.

Это собрание проходило под председательством известного шуйского общественного деятеля, лидера местной либеральной интеллигенции И. В. Кохомского при секретаре С. В. Успенском. «Шуйские известия» 5 октября следующим образом описали ход этого собрания «В начале председатель ознакомил собрание с декларацией Московского совета депутатов трудовой интеллигенции, в котором указаны цели, средства означенного совета и призыв интеллигенции к объединению во всероссийском масштабе. Эта же декларация в значительной части легла в основу выработанного устава. Как и нужно было ожидать, при рассмотрении устава собрание горячо обсуждало вопрос о целях, средствах их достижения, политической философии союза. Особенно большое разногласие было по вопросу о признании союза “классовой” организацией, принимающей социальную программу и резко отмежевывающейся от к.-д. — буржуазной интеллигенции. Несмотря на горячую защиту этого пункта некоторыми членами инициативной группы, все же собрание его большинством голосов отвергло. За поздним временем, “ряды пустели, и не досчитались очень многих”».

Итак, уже на первом заседании разгорелись жаркие дебаты об уставе союза, и его формирование было перенесено «оставшимися в собрании» на 1 октября, причем начало заседания было перенесено на более раннее время — 6 час. вечера.

1 октября собрание оказалось немногочисленным, оно «пересмотрело устав вновь, внесло в него примиряющие изменения и поправки, его утвердило и произвело предварительную запись членов». Предварительная запись производилась у М. И. Тарасова в мужской гимназии с 2 до 6 час. вечера. Это позволило М. И. Тарасову заключить следующее: «Таким образом, “Союз трудовой интеллигенции” фактически существует. Теперь дело за самой интеллигенцией». Также он сообщил, что «в самом непродолжительном времени состоится общее собрание союза, на котором будет прочитан устав и решен ряд вопросов организационного характера».

Состоялось ли следующее общее собрание «Союза трудовой интеллигенции» пока установить не удалось.

6 октября «Шуйские известия» публикуют статью «Трудовая интеллигенция», в которой сообщают: «Наконец-то, с большим трудом, у нас в Шуе организовался “Союз Трудовой Интеллигенции”, который согласно выработанному уставу “есть демократическая организация, включающая в свой состав работников интеллигентного труда”».

Фактически эта статья стала изложением устава союза. Она интересна для понимания идейно-мировоззренческой позиции основной части шуйской интеллигенции накануне Октябрьского переворота:

«Под представителями работников интеллигентного труда следует понимать, как это понимают и все другие организации интеллигенции, всю армию врачей, учителей, чиновников, техников, адвокатов, общественных деятелей и т. д.

...Деятельность его распространяется “за пределы интересов своего класса, беря на себя задачу служения интересам общечеловеческой культуры”; он, как таковой, “определяет и общее направление своей политики, укрепляя ее по определенному румбу, что обеспечивает успех политическим выступлениям союза, как целого, благодаря чему союз приобретает политическое значение в государстве”.

Задачами союза являются — “активное и прямое участие в политической и общественной жизни страны и защита государственных и общественных интересов, демократической свободы и социальной справедливости; улучшение экономического и правового положения своих членов; содействие развитию культуры и просвещения” и т. п.».

Возникновение Союза трудовой интеллигенции в Шуе в 1917 году в значительной степени соответствует общероссийским тенденциям. Во 2-й половине 1917 года в России возникают Советы трудящейся интеллигенции. Именно поэтому на учредительном собрании «Союза трудовой интеллигенции» зачитывалась декларация Московского совета трудовой интеллигенции.

В Иваново-Вознесенске общество трудящихся интеллигентов выдвинуло список кандидатов в гласные Городской думы в августе 1917 года. Совместно со списком районно-уличных организаций оно набрало 5,96 % голосов избирателей [1, с. 190—191].

Например, Совет депутатов трудовой интеллигенции возник в Томске: «В начале ноября 1917 г. инициативная группа томичей обратилась к трудовой интеллигенции с призывом объединиться через посредство учреждения особого Совета депутатов трудовой интеллигенции. В результате этого призыва 14 ноября с. г. состоялось Учредительное собрание Совета. На собрании присутствовало 30 депутатов от 16 организаций и учреждений...» [2, с. 5]. При этом содержание программы Совета содержало откровенно антибольшевистские лозунги с целью «спасть воедино все государственно мыслящие элементы страны, которые объективно заинтересованы в существовании республиканской России».

Однако новая организация столкнулась с рядом организационных трудностей, вызванных апатией местной интеллигенции. К сожалению, не имеется сведений о численном составе этой организации и ее руководителях, кроме имен И. В. Кохомского, С. В. Успенского и М. И. Тарасова.

Возможно, что создание Союза трудовой интеллигенции в Шуе рассматривалось его учредителями как первый шаг к созданию Совета трудовой интеллигенции, поскольку в это время в Шуе функционировали три независимых Совета (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). Но Союз трудовой интеллигенции стал

общественной организации, оказавшейся не у дел в стремительно развивающихся политических событиях осени 1917 года.

Библиографический список

1. 1917-й год в Иваново-Вознесенском районе / сост. М. К. Дианова и П. М. Экземплярский. Иваново-Вознесенск, 1927.
2. Совет депутатов трудовой интеллигенции в г. Томске. Томск, 1917.

УДК 791.43/.45

А. В. Зябликов

заведующий кафедрой, Костромской государственной университет (Кострома)

ОБРАЗ ВОЕННОГО В СОВЕТСКОМ КИНО 1930—1940-х ГГ.

В статье выявляются исторические и социальные коннотации, который имел в советском кино 1930—1940-х гг. образ военного. Представитель военной профессии выступал в амплуа эталонного советского человека, воплощающего идею честного и беззаветного служения Родине.

Ключевые слова: советская действительность, интеллигенция, кино, экранный образ, пропаганда, политическая неблагонадежность.

A. V. Zyablikov

Head of the Department, Kostroma State University (Kostroma)

THE IMAGE OF THE MILITARY IN SOVIET CINEMATOGRAPHY OF 1930—1940 s

The article reveals historical and social connotations of a military man image in the Soviet cinematography of the 1930—1940 s. A representative of the military profession acted as a role model for Soviet people, embodying the idea of honest and wholehearted service to the Motherland.

Key words: Soviet reality, intelligentsia, cinematography, screen image, propaganda, political unreliability.

Изучение форм и методов репрезентации советской действительности, социальной структуры советского общества средствами художественного кинематографа — важная составляющая изучения отечественной истории XX столетия [1, 2]. Одной из ключевых фигур кино указанного периода является военный человек, которому отводится особая роль. Если главный идейный посыл эпохи формулирует «партийный работник», то военный, пожалуй, являет собой канонический тип советского человека, беззаветно преданного своей стране, негибаемо-стойкого, дисциплинированного, кристально честного, воплощающего жертвенное служение Родине.

Показательно, что в так называемом «антивредительском» кино люди в военной форме ни разу не появляются в роли врагов или их пособников. Таких прерогатив не имели даже партийные и советские работники. Предатели в армейской среде на советском экране 1930—1940-х гг. отсутствуют — даже с учетом того, сколь яростно выкашивался в предвоенное время командный состав РККА. Бросать тень на армию в кинопропаганде было рискованно. Показательна прокатная судьба фильма «Моя Родина» (1933) Иосифа Хейфеца и Александра Зархи, снятого к 15-й годовщине Красной Армии. Картина смутила публику утрированно-грубым изображением советских бойцов, призванных защищать дальневосточные рубежи СССР. Красноармейцы показаны малообразованными, неэстетично гогочущими людьми, которые огромными ложками в котелках орудуют охотнее и чаще, чем винтовкой. Они не перестают жевать даже тогда, когда в избу вносят тело убитого товарища. Режиссеры позволили себе несколько опасных катахрез, которые в другом историческом и политическом контексте, возможно, не выглядели бы столь раздражающе. Так, командир роты (актер Геннадий Мичурин) произносит наставительный монолог о любви к Родине в тот момент, когда он бреет опасной бритвой неумеху-бойца. Хороша одна из финальных сцен, когда обаятельная шанхайская проститутка (актриса Людмила Семенова) обращается к красноармейцу Василию (актер Александр Мельников) с предложением: «Не интересуетесь отдохнуть? Побаловаться чем бог послал...» А на лице парня — вчерашнего крестьянина — смущение, соблазн и тайный восторг. Словом, понятно, почему фильм «Моя Родина»

вызвал такое возмущение у военного и партийного начальства и через короткое время запрещен к показу.

В кино командир (в 1943 г. в армейский обиход вернулось слово офицер) мог быть показан легкомысленным человеком, карьеристом, горлопаном, даже глупцом, но предателем или шпионом — нет!

Один из немногих фильмов, в котором люди с воинскими петлицами показаны весьма неоднозначно, — «Фронт» (1943) братьев Васильевых, снятый по одноименной пьесе Александра Корнейчука. И пьеса, и фильм для своего времени головокружительно смелы. Мы видим командующего фронтом генерал-лейтенанта Горлова (актер Борис Жуковский), окружившего себя ретроградами и прихлебателями. Самый колоритный в генеральской свите — начальник разведки полковник Удивительный (актер Борис Чирков), интриган и дурак. Горлов умом тоже похвастать не может — старается взять глоткой. Он воюет и командует так, как научила его гражданская война, — по-кавалерийски страстно и тупо. По счастью, Сталин (ему в фильме, как всегда, отведена роль мудрого арбитра) ставит во главе фронта молодого и прогрессивного генерал-майор Огнёва (актер Борис Бабочкин), понимающего толк в современной войне.

Благополучная экранная судьба «Фронта» имеет свое объяснение. К 1942 г. стратегические просчеты в военном планировании и в кадровых вопросах стали очевидными даже для Верховного главнокомандующего. Реальный ход войны сильно отличался от того, что рисовалось бодрой предвоенной пропагандой. Многие витающие в воздухе вопросы на сей счет оставались без ответа. Пьеса Корнейчука давала Сталину отличный шанс языком искусства объяснить людям, кто именно повинен в неудачах первых месяцев войны и в затяжном отступлении Красной Армии. Некоторые командующие фронтами и армиями! Экранные пощечины генералам и полковникам, сатирические шпильки в их адрес — не самая разорительная цена, которую можно заплатить за удачный политический маневр. Однажды Сталин обмолвился, что слишком доверился «кавалеристам», отсюда и неудачи, и потери первого года войны. Показательно, что фильм «Первая конная» (реж. Ефим Дзиган и Георгий Березко), готовившийся к выпуску в 1941 г., был сразу положен на полку. Уж

слишком оголтело проповедовал он «кавалерийские» ценности. Уж слишком молодцевато и незатейливо формулировалась там советская тактика боя: «Шашки вон — и руби!» В «Первой конной» есть эпизод, когда пленный поляк объясняет красным комдивам, дескать, конница будет слаба против техники и «доброй пехоты», а Семен Буденный (актер Александр Хвыля) поднимает поляка на смех. В 1941 г., когда фашист стоял под Москвой, смеяться уже никому не хотелось. Нет, Горлов, Хрипун и Удивительный — не предатели. Они просто мыслят по старинке, не желают учиться военной науке, не могут приноровиться к современной боевой обстановке.

В фильме Василия Журавлева «Мальчик с окраины» (1947) есть глухое упоминание о «врагах», которые в 1930-е гг. пробрались в наркомат обороны (даже мелькают их лица). Оружейный конструктор Андрей Скворцов (актер Евгений Самойлов) долгое время обивал пороги военного ведомства, пытаясь предложить проект авиационного пулемета своей конструкции. В итоге Скворцов получил ответ-отписку, в котором отказ был мотивирован «фантастичностью» нового оружия (3600 выстрелов в минуту). Только спустя время другой работник наркомата объяснил конструктору, что некие люди из отдела вооружений — по счастью, уже разоблаченные! — осознанно не давали хода изобретению.

В картине Сергея Герасимова и Михаила Калатозова «Непобедимые» (1942) выведен образ конструктора оборонного завода Красношеева, способного инженера, но трусливого и малодушного человека. Еще один киноперсонаж, имеющий духовное родство с довоенными экранными «врагами», — заместитель директора танкового завода Козырев в фильме Сергея Герасимова «Большая земля» (1944). Козырев (актер Марк Бернес) — это Красовский из «Шахтеров» С. Юткевича, переживший большой террор и переключившийся с политических диверсий на хозяйственные аферы. Фигура переходная — от сталинских «вредителей» к постсталинским «цеховикам». Козырева ценят за деловую хватку, но директор завода Аникеев (актер Виктор Добровольский) не намерен, закрывать глаза на просчеты «ценного» сотрудника. Когда выясняется, что вместо электрооборудования Козырев отправил в эвакуацию два вагона заводского «барахла»

(директорскую мебель, кресла, плюшевые портьеры), разговор с ним становится коротким. «Тут какая-то нехорошая путаница!» — вслух размышляет Аникеев в присутствии что-то лопочущего в свое оправдание зама, и слова эти не сулят Козыреву ничего хорошего.

Еще раз отметим, что и Красношеев, и Козырев, хоть и работают на военном производстве, но оба — люди штатские. Нечистые на руку, трусоватые, подловатые — но не предатели. Немецкими «агентами» они точно не являются. Впрочем, по крайней мере, у Козырева есть реальный шанс «стать» таковым после соответствующей интерпретации его действий компетентными органами. Социальный и профессиональный статус Красношеева и Козырева не защищал их от самых смелых подозрений. Кадровые военные же — по крайней мере, на киноэкране — находились вне досягаемости охотников за провокаторами и врагами.

Таким образом, экранный военный 1930—1940-х гг. — эталонный советский человек, безупречный идейно и нравственно, настоящий мужчина и достойный гражданин. Военный — единственный представитель советской интеллигенции, кто имел своего рода «охранную грамоту», оберегающую его от всяческих подозрений в политической неблагонадежности.

Библиографический список

1. Зябликов А. В. «Культурные диверсанты»: образ интеллигента в советском кино 1930—1950-х гг. // Интеллигенция и мир. 2017. № 2. С. 73—89.
2. Зябликов А. В. Образ военного в советском кино 1930—1950-х гг. // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы 30-й Междунар. научн.-теорет. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, директора НИИ интеллигентоведения при ИвГУ В. С. Меметова (1939—2019), 26—27 сент. 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 21—24.

И. А. Комиссарова

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

НАЛОГИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД НЭПА

В статье рассматриваются некоторые аспекты налогообложения в годы новой экономической политики интеллигенции. Называются налоги, которые платили люди, преимущественно занимающиеся умственным трудом. Рассматривается законодательная база и размер налогов.

Ключевые слова: Новая экономическая политика, интеллигенция, подоходный налог, «лица свободных профессий».

I. A. Komissarova

Associate professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

TAXES AND INTELLIGENTSIA IN THE YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY

The article examines some aspects of taxation of the intelligentsia in the years of the new economic policy. The taxes paid by people who were mainly engaged in mental labor are named. The legislative base and the amount of taxes are considered.

Key words: New economic policy, intelligentsia, excess profit tax, «people of the free professions».

История налогов насчитывает сотни лет, за это время они стали важной частью государственной системы и играют значимую роль в жизни граждан любой страны. Имущество, доходы, земля, прибыль, даже бороды, соль и многое другое в разное время становились объектом исчисления налога. Так же как субъектом платежа были богатые и бедные, крестьяне и горожане. Есть налоги тяжелые, курьезные, классовые, бесполезные. Наверно, по этой причине исследователей эта тема интересовала всегда. Историки, экономисты, социологи, юристы изучали и писали о налогах много, интересно и подробно. Для российских ученых

судьба обязательных платежей в советском государстве, особенно в годы нэпа, вызывает повышенный интерес, так как в этот период много экспериментировали, отводили налогам особое место в государственном бюджете, в политике и в социальной сфере. В этом материале, мы обозначим лишь некоторые аспекты прямого налогообложения в годы нэпа такой категории плательщиков, как интеллигенция, в терминологии 1920-х годов, «граждане, извлекающие доходы из занятий свободных профессий». Автору не удалось в обилии исторической литературы выявить материалы, где в центре внимания были налоги именно с этой группы населения. Мы не ставим целью дать анализ и динамику налогообложения интеллигенции за весь период нэпа, пока не хватает материала. Поэтому будут обозначены некоторые аспекты и проблемы обложения на основе анализа законодательства и статистики этого периода.

В начале несколько слов о самом подоходном налоге в годы нэпа. В дореволюционный период история подоходного налога практически не началась, попытки ввести были, но общегосударственным этот налог так и не стал. В первые годы советской власти попытались приспособить существующую систему к новым условиям, в частности расширили круг плательщиков за счет сельских жителей. Но в начале 1921 года были вынуждены приостановить взимание всех денежных налогов. Вернулись к возобновлению подоходного обложения только в 1922 году. В условиях новой экономической политики и действия декрета о снятии ограничений денежного обращения, появились «группы населения, чьи доходы выделялись из общей массы» [6, ст. 301]. 19 ноября 1922 года в центральной печати был опубликован декрет о новом прямом подоходно-поимущественном налоге. По нему обложению подлежали все юридические лица и проживающие в городах граждане. В этом первом для периода нэпа положении среди всего 5 категорий граждан обязанных платить налог были перечислены и лица, получающие доход «от занятий свободными профессиями, как-то: вольнопрактикующие врачи, техники, члены коллегии защитников, артисты, литераторы и т. п.» [4]. В этом постановлении для них не устанавливался свой разряд, ставка налога определялась размером дохода. Но, примечателен, в том числе исторически для российской налоговой практики, факт

включения в число плательщиков интеллигенции. Следует заметить, что для этой категории очень непросто определить реальный доход, так как он всегда формировался из разных источников, а собственно гонорары, на которые рассчитывала советская власть, были далеко не единственными ни в бюджете артистов, ни литераторов. На практике этот налог работал плохо, его вводили в спешке, налоговая база была слабая, механизм сбора не продуман. Собственно по этой причине, интересующая нас категория плательщиков налогообложения избегала. Слабый налоговый аппарат все силы направил на учет и обложение доходов от торговли, коммерческой деятельности. Остальные должны были сами предоставлять декларацию в налоговые органы о доходах из всех источников. Судя по налоговой статистике сбора подоходного налога вообще, число плательщиков было небольшим, доход от него в бюджете низкий, а должников много, что интересно, ко второму полугодю первого года сбора число плательщиков еще и сократилось почти на 10 % [5, л. 24].

На 1923—1924 хозяйственный год Госплан предполагал увеличить сумму поступления подоходно-поимущественного налога в бюджет, но при небольших официальных доходах населения и малом числе плательщиков высших разрядов увеличение могло быть достигнуто только за счет расширения круга плательщиков и увеличения ставок. Что и было сделано, 11 ноября было подписано новое положение о подоходно-поимущественном налоге. Теперь, обложению подлежали все лица, имеющие самостоятельные доходы. Плательщики разделялись на 4 категории. «Лица, получающие доход от занятий свободными профессиями» отнесли к категории «Б» — труд не по найму. Если доход превышал определенную в законе сумму, то платили по совокупности доходов и сверх того облагались дополнительным окладом с имущества, всего устанавливалось 17 разрядов по доходу и 10 по имуществу. Взимался налог в твердых червонных рублях [2, ст. 316–317]. В категории «Б» вместе с врачами, инженерами оказались ремесленники и кустари, а также служители религиозного культа и торговые агенты. Ставки налога колебались в пределах от 6 до 20 рублей, это больше, чем платили с дохода по найму (рабочие) от 3 до 15 рублей, но существенно меньше, чем лица, получающие «нетрудовые доходы».

Анализируя это постановление, стоит отметить два момента. Первое, доходы от интеллектуальной деятельности государством были признаны трудовыми. Второе, как минимум государство так считало, что интеллигенция зарабатывала больше рабочих.

Положение о государственном подоходно-поимущественном налоге, принятое в 1923 году стало базовым на весь последующий период нэпа. Были приняты еще постановления в 1924, 1926 и 1927 годах. Позднее была проведена реформа подоходного обложения в 1930-е годы, но это был уже совсем другой по содержанию налог. А вот в 1920-е годы в законодательстве категория интеллигенции уже не менялась. Менялись необлагаемый минимум, разряды и ставки по доходу. Еще с 1926 года в законодательстве не упоминаются доходы от «занятий свободными профессиями», вводится конкретная категория обложения доходов, без расшифровки и комментариев — «от вознаграждения за личный труд не по найму». Государство перестало рассматривать интеллигенцию как особую группу для налогообложения, она попала в число граждан, занимающихся «личным трудом», но при этом нельзя сказать, что интеллигенция перестала платить налоги. Просто исследователю, сложнее вычленить эту группу в общей статистике налоговых органов.

Практику сбора назвать успешной нельзя. Судя по отчетам центрналога, мало, но быстро собирали сумму налога с плательщиков категории «А» (труд по найму). Больше всего инспектора жаловались на сложности учета доходов категории «В». А вот недовольных обложением было больше среди плательщиков категории «Б». «Жалобщики принадлежат к самым разным классам от профессора медицины до служащего учреждения. Процент жалоб к общему числу плательщиков около 20 %» [3, л. 3 об.].

В НКФ и соответствующих налоговых структурах пытались разобраться в причинах слабого учета, еще более слабого поступления, причитающихся сумм налога от «лиц свободных профессий». Признавали слабость налогового аппарата и примитивность самого налога. Плательщиков, которые обязывались предоставлять декларации о доходах, излишне обременяли требованиями дополнительного предоставления документальных доказательств и оправдания в тратах, которые не облагались налогом. Ради выполнения планов, налоговые агенты хитрили и на

бланках деклараций указывали не всю необходимую информацию о порядке налога, как правило, как раз об изъятиях. Пытались, таким образом, сбор увеличить, а хлопоты по уточнениям сократить. Да и излишняя придирчивость при опросе плательщиков работала ради этих же целей. Для лучшего учета планировали привлечь к сбору информации народные комиссариаты здравоохранения, просвещения, коллегии защитников. Но судя потому, что количество плательщиков этой категории с 1924 до 1927 года постоянно сокращалось, достойно организовать работу так и не получилось. Не стоит исключать, как вариант, что сотрудники налоговых отделов и не стремились учесть всех врачей, писателей, адвокатов и др., все-таки суммы налога были не большие, а хлопот много, да и на государственном уровне поощрялось полное выявление и тщательный учет плательщиков категории «В» [1, с. 6—7].

Во второй половине 1920-х годов была предпринята попытка определить тяжесть обложения налогами в СССР, разных категорий населения. Было установлено несколько факторов: первое, уровень доходов, даже по одной категории плательщиков сильно колеблется. Второе, рост доходов отмечается у категории «А» и «В». В интересующей нас группе роста практически не было. Третье, процент сокращения числа плательщиков в категории «Б» был самым большим, для налогового дела эта категория теряла свою актуальность, так как учитывать и взимать становилось все хлопотнее и дороже, а поступления меньше чем по другим группам. Четвертое, доход от «занятий свободными профессиями» все больше приближался к зарплате и по организации, и по размерам, т. е. выделять их в отдельную группу было нецелесообразно [7, с. 33—35].

В заключение стоит отметить, что к 1925 году размер подоходного налога в среднем составлял от 1 % до 3 % от совокупного дохода [7, с. 119].

Итак, в годы нэпа советским правительством был предпринят интересный эксперимент по включению в число плательщиков налогов «лиц, свободных профессий». Можно уверенно утверждать, что это стремление носило скорее фискальный характер, так как пытались обеспечить финансовые поступления в дефицитный бюджет из самых разных источников. Как показа-

ла практика, опыт оказался не самым удачным. Сложно учитывать, сложно организовать сбор, еще сложнее заставить представителей этой категории заявлять о своих доходах в налоговые инспекции. Поэтому эта категория оставалась самой малочисленной, среди привлеченных к платежу, и скорее всего, самой многочисленной среди тех, кто избегал обложения.

Библиографический список

1. Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. М.: Финансовое издательство.
2. Вестник Центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны Союза советских социалистических республик: постановления и распоряжения рабочего и крестьянского правительства Союза ССР. М.: ЦИК СССР, 1923. № 11.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. НК РКИ СССР. Оп. 7. Д. 119.
4. Государственный подоходно-поимущественный налог // Экономическая жизнь. 1922. 6 окт.
5. Российский Государственный архив экономики. Ф. 7733. НКФ РСФСР. НКФ СССР. Оп. 1. Д. 5400.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1922. № 52.
7. Тяжесть обложения в СССР: (Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годах): доклад Комиссии Сов. нар. ком. Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М.: Государственное финансовое издательство Союза ССР, 1929.

А. Н. Кураев

профессор, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет, Москва)

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
В РОССИИ В 1905—1907 ГОДАХ**

В статье рассматривается роль интеллигенции в создании и деятельности массовых организаций в России в период Революции 1905—1907 гг., значение этой деятельности, функционирование Союза союзов и входивших в него профессионально-политические союзы интеллигенции и служащих.

Ключевые слова: Россия, интеллигенция, Революция 1905—1907 гг., массовые организации, Союз союзов, союзы интеллигенции и служащих, общественные организации.

A. N. Kuraev

Professor, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University, Moscow)

**INTELLECTUALS AND MASS ORGANIZATIONS
IN RUSSIA IN 1905—1907**

The article examines the role of the intelligentsia in the creation and activity of mass organizations in Russia during the Revolution of 1905—1907, the significance of this activity, the functioning of the Union of Unions and the professional and political unions of intellectuals and employees that were part of it.

Key words: Russia, intelligentsia, Revolution of 1905—1907, mass organizations, Union of Unions, unions of intellectuals and employees, public organizations.

Небывалое обострение социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, идеологических, национальных противоречий привело к Первой русской революции — революции 1905—1907 гг. В XIX веке в России случались лишь революцион-

ные ситуации, когда массы играли важную, но отнюдь не главную роль. Но в 1905—1907 гг. разразилась революция, важнейшей составной частью которой являлись массовые движения пролетариата, крестьянства, а также низших и средних городских слоев — служащих и интеллигенции, студентов, а также части военнослужащих. Стремительное развитие этих движений привело к созданию внепартийных массовых организаций. Массовые организации — это вторая ступень массовых движений в общественном процессе, это добровольные, организационно оформленные объединения граждан, которые имеют целью удовлетворение и защиту интересов своих членов, действуя на основе принципов самоуправления. Эти объединения имеют долгосрочные цели и программу.

Массовые организации являлись структурами нарождавшегося в России гражданского общества. Подобных организаций раньше не было в истории России и других стран. Их возникновение не смогли предвидеть ни политические партии, ни власти и предприниматели.

Главными отличительными признаками массовых организаций являлись:

1) Независимость в идейном и организационном плане от государственной власти и политических партий. В эти организации входили как беспартийные, так и члены многих партий, то есть люди разных убеждений.

2) Массовые организации не были узаконены (кроме некоторых профсоюзов), но действовали открыто. Поэтому они из-за своей революционной позиции подвергались непрерывным репрессиям со стороны властей и предпринимателей и, в результате, были разогнаны или вынуждены уйти в подполье, что означало невозможность их дальнейшей деятельности.

3) Эти организации не только по названию, но и по своей сути были массовыми. Под последним понимается как их многочисленность (счет шел на сотни тысяч человек), так и то, что члены многих организаций (в первую очередь Советов) являлись депутатами, избранными от народных масс.

Эти три признака отличали массовые организации периода 1905—1907 гг. от т. н. общественных «неполитических» организаций. Последние занимались усовершенствованиями в области экономики, науки, образования, здравоохранения и т. п. Среди них

выделялись: ВЭО, Русское Техническое Общество, различные юридические, педагогические, врачебные общества, МОСХ и др. К тому же массовые организации в условиях того времени были вовлечены в политическую борьбу, в т. ч. борьбу за власть [4].

География деятельности массовых организаций была разнообразна: в масштабе страны (ВКС, Союз союзов и ряд входивших в него союзов), губернии или города (Советы рабочих депутатов), отдельной отрасли или предприятия (профсоюзы), деревни (крестьянские комитеты).

На наш взгляд, массовые организации лучше всего классифицировать по их социальному составу, который, в отличие от состава партий, был достаточно однородным. Таким образом, мы выделяем организации пролетарские (Советы, профсоюзы), крестьянские (ВКС, крестьянские комитеты), а также интеллигенции и низших и средних слоев служащих (Союз союзов и входившие в него союзы) [1]. Активную роль в создании и деятельности всех массовых организаций, особенно в выработке их программ и уставов, сыграла интеллигенция.

В чем же причина возникновения массовых общественных организаций? Этот вопрос до конца так и не исследован.

Западноевропейская социология и политология разработала его в русле теории политических элит, противопоставляя партиям внепартийные организации. Немецкий ученый Р. Михельс в 1911 г. сформулировал «железный закон олигархических тенденций». Он состоит в том, что любая форма социальной организации, особенно партии, вне зависимости от её первоначальной демократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных — олигархию. Причинами существования этого закона Михельс считал объективную необходимость лидерства, стремление лидеров ставить во главу угла свои собственные интересы, доверие толпы к лидерам и общую пассивность масс [2].

Кадетский мыслитель М. Я. Острогорский также считал, что закрытые партии тоталитарного типа изжили себя: борясь за власть и влияние, они раскалывали общество на две непримиримые части, в то время как в нем существует многообразие противоречий, конфликтов и интересов, которые перекрещиваются между собой в различных сочетаниях. Ученый отмечал, что деятельность этих партий ведет к отчуждению от политической жизни

ни большей части населения и формированию партийной элиты (кокуса), оторванной от масс и живущей своими интересами. Поэтому, делал вывод Острогорский, на место политических партий старого типа, имеющих постоянную структуру и организацию, неизбежно приходят свободные общественные организации, движения, лиги и т. п., весьма демократичные и подвижные и ставящие перед собой более конкретные и выполнимые задачи разного рода [3]. Как видим, Острогорский совершенно правильно констатировал нарастание авторитарных тенденций в деятельности политических партий и преимущества перед ними массовых общественных организаций. Однако, на наш взгляд, в целом его теория ориентирована на западную политическую жизнь и не учитывала особенностей самодержавной России, где почти не было политических свобод.

По нашему мнению, главная причина возникновения массовых организаций в России — вовлечение в революционную борьбу против самодержавия широких народных масс. Революция пробудила их к активной общественной жизни, вызвала в них стремление к объединению в борьбе за свои не только экономические, но и политические интересы. В то же время эти слои еще не имели политического опыта и не созрели для вступления в ряды партий, тем более что последние (РСДРП, ПСР, кадеты) в России к 1905 году сами еще находились в стадии становления и не могли или не хотели охватить своим влиянием все народные движения [1].

Действовавшие в 1905—1907 гг. Союз союзов и входившие в него профессионально-политические союзы интеллигенции и служащих (в Союз союзов входили 20 всероссийских союзов численностью около 135 тысяч человек, не считая членов ВКС; наиболее крупные — железнодорожный, почтово-телеграфный, учительский союзы и Союз для достижения полноправия еврейского народа в России) представляли собой особый тип организации, отличный от обычных российских и западных профсоюзов. Во-первых, в своей деятельности они уделяли главное внимание не профессиональным, а политическим задачам. Профессиональные рамки служили для них удобной формой вовлечения в политическую борьбу новых членов и обеспечивали относительную безопасность от репрессий. Т. е. это были политические объеди-

нения, организованные по профессиям. Во-вторых, профессионально-политические союзы функционировали во всероссийском масштабе. Политическая линия данных союзов по мере развития революции все дальше уходила влево от позиции «Союза освобождения», а затем и кадетской партии. Уже III съезд Союза союзов (1—3 июля 1905 г.) высказался за бойкот выборов в Булыгинскую Думу, несмотря на горячие протесты тогдашнего председателя Союза П. Н. Милюкова. А в сентябре 1905 г. его связь с Союзом союзов окончательно оборвалась. Многие союзы интеллигенции и служащих принимали активное участие в организации и проведении общенациональных и местных стачек, митингов, демонстраций, вооруженных восстаний и других акциях протеста. IV съезд Союза союзов (январь 1906 г.) выступил за полный бойкот I Государственной Думы и включил в Устав Союза лозунг созыва Учредительного собрания на основе всеобщего равного прямого и тайного голосования.

Массовые организации являлись альтернативой существовавшим тогда в России земским, сословным учреждениям и легальным обществам. Массовые организации решали те задачи, которые не могли или не хотели решать официальные губернские и городские органы власти и управления: помощь бедным и безработным, решение проблем городского хозяйства, здравоохранение, обеспечение правопорядка. Подлинный демократизм массовых организаций проявлялся и в том, что в них состояли в т. ч. и те лица, которые в Российской империи никогда не могли бы попасть в состав официальной администрации и представительных учреждений: женщины, члены революционных партий, представители национальных и религиозных меньшинств и др. Тем самым обеспечивалось реальное равенство граждан.

Массовые организации — это уникальное явление в Отечественной и мировой истории. В их создании и деятельности интеллигенция успешно взаимодействовала с другими классами и слоями населения. Именно в период Первой революции массовые организации превратились в мощный фактор развития событий и получили ценнейший опыт участия в общественно-политической и социально-экономической жизни России, что пригодилось им в будущем. Они активно применяли в союзе с другими левыми силами, прежде всего РСДРП и ПСР, как радикальные методы

борьбы, так и не революционные — попытки наладить сотрудничество с фабрикантами и органами местного самоуправления, участие в выборах и в деятельности I и II Государственных дум. В тоже время массовые организации тщательно оберегали свою идейную и организационную самостоятельность.

Библиографический список

1. *Кураев А. Н.* Россия на пути к гражданскому обществу. Массовые общественные организации в период революции 1905—1907 годов. М.: Спутник, 2008.
2. *Михельс Р.* Социология политической партии в современной демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2: Зарубежная политическая мысль, XX в. / ред.-сост. Г. К. Ашин, Е. Г. Морозова; предисл. Т. А. Алексеевой. М.: Мысль, 1997. С. 185—198.
3. *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
4. *Туманова А. С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.

УДК 94(438).071

С. В. Панов

магистрант, Институт Филологии и Истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ В ОЦЕНКАХ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ Р. ДМОВСКОГО И З. БАЛИЦКОГО)

В статье рассмотрено отношение таких представителей польской националистически настроенной интеллигенции, как Р. Дмовский и З. Балицкий к национальной политике Российской Империи в Западном крае и Царстве Польском в контексте специфики положения польской интеллигенции в Российской Империи.

Ключевые слова: Царство Польское, Западный край, польская национал-демократия, Роман Дмовский, Зигмунт Балицкий, национальная политика Российской Империи.

© Панов С. В., 2021

S. V. Panov

Master's student, Institute of Philology and History
of the Russian State University for the Humanities (Moscow)

**RUSSIAN EMPIRE'S NATIONALITIES POLICY
IN THE WESTERN REGIONS IN THE POLISH
NATIONALIST INTELLIGENTSIA'S ASSESSMENTS
(BASED ON THE EXAMPLE OF R. DMOWSKY
AND Z. BALICKI)**

The paper discusses the attitude of such representatives of the Polish nationalist intelligentsia as R. Dmowski and Z. Balicki to the Russian Empire's nationalities policy in the Western Krai and the Congress Poland.

Key words: Congress Poland, Western Krai, Polish National Democracy, Roman Dmowski, Zygmunt Balicki, Russian Empire's nationalities policy.

Одной из важных особенностей специфики положения польской национальной интеллигенции в Российской Империи после 1863 года была практически полная оторванность от процесса принятия политических решений в Царстве Польском и Западном крае. Вместе с этим, после разгрома двух польских восстаний стало очевидно, что продолжение радикально-революционной, повстанческой политики не имеет никаких перспектив и третье польское восстание скорее приведёт к большим ограничениям для поляков и новому витку усиления государственного давления, чем к каким-то позитивным достижениям.

В этих реалиях польские интеллектуалы Российской Империи обратились к осмыслению и анализу текущей ситуации в поисках возможности наиболее рационального метода продолжения «национального дела». Методологической основой для них стал британский позитивизм и социал-дарвинизм Дж. Милля и Г. Спенсера. Появившееся к началу 1870-х движение варшавских позитивистов вначале находило выход во внеполитической «органической работе» — развитии польского предпринимательства и образования [4, p. 44—48].

Однако с середины 1880-х польская интеллигенция стала политизироваться вновь. Значительная её идей отказалась от позитивизма и увлеклась социалистическими и марксистскими идеями. Позитивистское же движение стало смещаться в сторону более

радикального национализма. Новое польское националистическое движение, получившее название национал-демократии или «эндэции» было основано тремя польскими активистами — биологом Р. Дмовским, юристом и социологом З. Балицким и юристом Я. Поплавским с созданием Национальной Лиги в 1893 году.

Одной из ключевых задач нового движения был анализ текущей ситуации, политического положения поляков в трёх империях с целью дальнейшего построения реалистической политики, максимально эффективной в текущих условиях. Поэтому З. Балицкий и особенно Р. Дмовский активно занимались осмыслением национальной политики России на западных окраинах.

Важно отметить, что З. Балицкий, как социолог, подходил к данной проблематике с большей опорой на позитивистскую философию и этику.

Так, он отмечал, что «аморальная» политика в отношении других народов (а политика захвата чужих территорий с его точки зрения однозначно являлась аморальным, если захват имел насильственный характер [3, s. 78]) вредит самому же народу-захватчику — так как нарушение международных связей и хаос на международной арене вредят развитию всех участников международных отношений [3, s. 59—60].

С точки зрения З. Балицкого достаточно вредным и бессмысленным является ведение войны (да и вообще любая конфликтная ситуация) с огромными людскими и экономическими потерями «из-за одной квадратной мили» [3, s. 61].

Политика же России, равно как и Германии, в отношении польских земель, с точки зрения З. Балицкого просто нерациональна и является лишь следствием недостаточного уровня развития элит этих стран [3, s. 83—89].

Более дифференцированно подходил к оценкам национальной политики России Р. Дмовский. Он по-разному относился к политике русских властей в Западном крае и в Царстве Польском.

Русская политика в Западном крае им признавалась вполне осмысленной и по своей направленности отвечающей национальным интересам русского народа. С его точки зрения, Россия руководствовалась стремлением «округлить свои границы», создав своим образом выгодное геополитическое положение. Он

был убеждён, что земли Западного края России жизненно необходимы, и она никогда от них не сможет отказаться [1, с. 39].

Она считает Западный край исторически русским и проводит там политику русификации. Р. Дмовский отмечает, что задача русификации в принципе вполне выполнима и он признаёт, что с момента подавления Январского восстания 1863 года культурное влияние поляков (представленных в основном дворянами-землевладельцами) в регионе практически сведено к нулю. Однако он считает, что край удалось деполонизировать (в том числе благодаря применению жёстких мер, на которые, с его точки зрения, не решились бы западноевропейские государства), но не русифицировать, ибо Россия, с его точки зрения, не располагает такими возможностями к колонизации, как Германия, успешно заселявшая на тот момент немцами Познанскую провинцию [1, с. 53—56]. Таким образом, политика России в Западном крае признаётся им рационально обоснованной и частично успешной.

Более критичным Р. Дмовский был к русской политике в Царстве Польском. Он не считал эту территорию геополитически необходимой для России [1, с. 49—50]. Он был убеждён, что политика «защиты русского дела» в Царстве имеет своей целью ассимиляцию поляков [1, с. 31—33]. Р. Дмовский считал, что русская власть имеет спланированный метод для этого — настроить польское крестьянство против собственной культурной элиты, после чего русифицировать его. Тем не менее, он отмечал, что и русские власти считают невозможным русификацию Царства [1, с. 39]. Продолжение же политики, которую он интерпретировал как русификаторскую и вредную для самих же русских (так как русскому народу невыгодно иметь в составе своей страны деградирующую территорию), он относил на счёт следования интересам узких кругов чиновничества, занимающего высокооплачиваемые должности в Царстве [1, с. 75]. Последствиями же этой политики он считал культурный упадок и рост социальных бедствий (неграмотности и преступности) в Царстве [2, с. 565—567].

Таким образом, в оценках русской политики в Царстве Польском Р. Дмовский практически полностью солидаризировался с З. Балицким.

Библиографический список

1. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос / под ред. Д. С. Буневича, Г. В. Холодова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 208 с.
2. Стенографические отчеты / Гос. дума, третий созыв, 1907—1908 гг., сессия первая. Санкт-Петербург: Государственная типография: 1908. 28 см.
3. *Balicki Z.* Egoizm narodowy wobec etyki; wyd. 2. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze, 1903. 94 s.
4. *Porter B.* When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. New York: Oxford University Press, 2002. 320 p.

УДК 94(47).084.6

К. А. Юдин

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ (КОНЕЦ 1920-х — 1930-е гг.)

В статье рассматривается специфика политических технологий — репрессивно-цензурного воздействия на советскую кинематографическую интеллигенцию — режиссеров, работников кинопромышленности. На материалах творческих биографий делаются выводы о целенаправленном структурировании кинополитики, ее подчиненности идеологическим приоритетам сталинского режима.

Ключевые слова: кинематографическая интеллигенция, кинополитика, идеология, цензура, сталинизм, репрессии.

K. A. Yudin

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

POLITICAL CONTROL OVER THE SOVIET CINEMA INTELLIGENTSIA (LATE 1920's — 1930's)

The article deals with the specifics of political technologies — repressive and censorious influence on the Soviet cinema intelligentsia such as directors, employees of the film industry. Based on the materials of creative

biographies, conclusions are drawn about the purposeful structuring of film policy, its subordination to the ideological priorities of the Stalinist regime.

Key words: cinema intelligentsia, cinema politics, ideology, censorship, Stalinism, repression.

На рубеже 1920—1930-х гг. происходит усиление партийно-идеологического контроля над всеми формами культуры. Начинает доминировать «фактор Сталина». Кремлевский диктатор выступал главным «экспертом», судьей-арбитром и «патриархом-цензором», приобретавшим исключительное право «интервенций без правил» [8, с. 13] в рамках осуществляемой, как мы показывали ранее, непрерывной «онтологической режиссуры», предполагавшей идеологическую сегрегацию, разделение общества на «своих» и «чужих» [10], представителей подлинной советской интеллигенции и носителей буржуазных интеллектуально-политических «извращений». «Вредительство буржуазной интеллигенции, — заявил И. В. Сталин, — есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма» [6, с. 387—388].

Важную роль в установлении данных политико-технологических параметров сыграло первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии, состоявшееся в марте 1928 г. Еще до свершения «звуковой революции» категорически подчеркивалось, что «кино, как и всякое другое искусство, не может быть аполитичным» [5, с. 430—431]. Перед советской кинематографией была поставлена грандиозная цель — превратить художественный фильм в «средство коммунистического просвещения и агитации, орудие партии в деле воспитания и организации масс вокруг основных задач строительства социализма...» [5, с. 436]. В проекте постановления Президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП (б) и коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) от 13 сентября 1931 г. устанавливались императивы по искоренению «политически слабой» кинопродукции, содержащей в себе «формалистские, реакционно-попутнические тенденции» [3, с. 431]. Аналогичные установки были озвучены и зафиксированы в Уставе Российской ассоциации работников революционной кинематографии (РОСАРПК), закрепленные специальным постановлением ЦК ВКП (б) «О советской кинематографии» от 8 декабря 1931 г. [3, с. 421—429, 440].

Таким образом, можно говорить *о конструировании желаемого и предпочтительного для властей, сталинского режима, облике кинематографического интеллигента*, верифицирующего свой статус на основании главного критерия — умения сочетать «высокохудожественное мастерство и технику с выдержанным политическим содержанием» [3, с. 441] результатов творчества. Как отметил в своем докладе, сделанном на VI Всесоюзном производственном совещании по художественному фильму в январе 1935 г. начальник Главного управления кинофотопромышленности (ГУКФ при СНК СССР) Б. З. Шумяцкий, советские кинематографисты должны были стремиться к созданию «больших произведений», а также «монументальности главенствующего образа» [9, с. 5, 21]. В качестве достойных примеров успешной реализации подобных требований приводились картины: «Чапаев», «Юность Максима», «Летчики», «Пышка», «Три песни о Ленине» [9, с. 19]. Однако, не меньшее (если не большее) значение придавалось советской комедии как и ее конкурентоспособности по сравнению с американским / голливудским кинопроизводством. *Комедиографическая состоятельность выступала, фактически, конвенционально установленным индикатором идейно-художественной и политической благонадежности режиссера.*

Показательным в этом отношении можно считать ситуацию, связанную с резонансом, вызванным кинофильмом Г. В. Александрова «Веселые ребята» (СССР, 1934). Картина, как известно, была одобрена И. В. Сталиным, который высказался следующим образом: «Вот здорово продумано. А у нас мудрят и ищут нового в мрачных „восстановлениях“, „перековках“. Я не против художественной разработки этих проблем. Наоборот. Но дайте так, чтобы было радостно, бодро и весело» [2]. В результате, Г. В. Александров надолго получил бессрочную «индულгенцию», даже когда его поздний к/ф «Весна» (1947) в годы «холодной войны» был объявлен эпигонски-американским. Ведомственной гиперреактивности, проявленной некоторыми членами кинокомиссии, неосмотрительно назвавшими картину «контрреволюционной», «дрянной, хулиганской, насквозь фальшивой» [4, с. 246], был дан решительный отпор как проявлению «самого отвратительного заушательства, заезжательства», «пуританской ограниченности» [9, с. 24].

Поэтому 1930-е гг. стали ареной серьезных испытаний, жесткой проверки на психополитическую устойчивость многих ведущих советских кинематографических интеллигентов, уже к тому времени признанных мэтров, таких как С. М. Эйзенштейн, А. П. Довженко, Ф. М. Эрлер, И. А. Савченко и некоторых других. Одним из первых «инсталляционных» политических «дел» в отношении кинематографической интеллигенции стало «разоблачение» сотрудника Союзкино А. В. Данашевского, который был объявлен участником «контрреволюционной вредительской группы в кинопромышленности РСФСР» [4, с. 147]. Несмотря на отсутствие прямой связи, «тень подозрений» в «злоупотреблении доверием партии» легла на С. М. Эйзенштейна, который в это время находился за пределами СССР, в зарубежной командировке и собирал различные материалы, вел переговоры о финансировании кинопроизводства с американским писателем Э. Синклером. Однако, превышение материального лимита и информационные запросы Синклера — все это было расценено как следствие чрезмерной «антисоветской» лояльности Эйзенштейна, компрометирующей его и советскую кинополитику. 31 ноября 1931 г. Сталин отправил телеграмму следующего содержания: «Эйзенштейн потерял доверие его товарищей в Советском Союзе. Его считают дезертиром, который порвал со своей страной. Боюсь, люди здесь скоро потеряют к нему интерес...» [7, с. 101].

И действительно, после возвращения С. М. Эйзенштейна в СССР вопрос о его творческой деятельности был поставлен очень резко-угрожающе. 5 марта 1937 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О запрете постановки кинофильма “Бежин луг”» ввиду «антихудожественности и явной политической несостоятельности фильма», поскольку режиссёр С. М. Эйзенштейн «давал в нем явно ошибочные, формалистические трактовки» [1, с. 352, 354]. Л. М. Каганович высказал самое радикальное мнение, солидаризируясь с Б. З. Шумяцким о невозможности дальнейшего использования С. М. Эйзенштейна на режиссерской работе. «Я думаю, — заявил Каганович, — что нельзя верить Эйзенштейну. Он опять истратит миллион и ничего не даст, потому что он против социализма» [4, с. 420]. Тем не менее, во избежание подтверждения «слухов» об аресте Эйзенштейна, которые якобы распространяла «троцкистско-зиновьевско-белогвардейско-фашистская

сволочь» [4, с. 375] и, безусловно, признании профессиональной полезности, не исчерпанности потенциала, способности реабилитироваться, ему был дан шанс «исправиться». Так, в 1938 г. появился кинофильм «Александр Невский», также подвергавшийся контролю на всех стадиях его подготовки.

Не меньший стресс пережили в это время и другие кинематографисты. В 1936 г. подвергся суровой критике кинофильм И. А. Савченко «Гармонь». «Картина глупая, пошловатая, чужая, — заключил В. М. Молотов в телеграмме, адресованной Б. З. Шумяцкому и П. М. Керженцеву. — Настаиваю на полном снятии ее с экранов, безусловно, отозвав ее из-за границы» [4, с. 342]. 9 декабря 1936 г. И. В. Сталин высказал следующие суждения о проекте кинофильма «Щорс» (реж. А. П. Довженко): «Щорс вышел слишком грубоватым и малокультурным. Нужно восстановить действительную физиономию Щорса» [4, с. 371]. За 10 дней до этого А. П. Довженко написал письмо, в котором спешил признать свои «ошибки»: «Простите меня, дорогой Иосиф Виссарионович, но если я не верю, чтобы Вы увидели в моем несовершенном, правда, труде, протаскивание эсеровской идеологии» [4, с. 368]. В январе 1937 г., как раз на фоне второго московского процесса «Параллельного антисоветского троцкистского центра» И. В. Сталин давал ценные указания по репрезентации власти в сценарии кинофильма Ф. М. Эрмлера «Великий гражданин», резюмировав, что «сценарий придется переделывать, сделав его по своему содержанию более современным», а именно: воспроизведение сущности троцкизма не как одной из «котерий», а как враждебной программы, которая «противоречит интересам революции и отвергается народом» [4, с. 383].

Подводя итоги, отметим, что политический контроль над творческим полем, интеллектуальным пространством приобретал сложноорганизованный, системно-институциональный характер. Это предполагало самые различные способы и технологии воздействия на кинематографическую интеллигенцию — от адресного, прямого цензурно-ревизионного давления, до — превентивно-упреждающего агитационно-пропагандистского воздействия, а также апелляции к имманентной «мягкой силе» как ресурса-опции самоконтроля, исходившей непосредственно от самой кинопродукции и ее создателей. При этом в 1930-е гг. доминировали

репрессивно-дисциплинирующие «атаки» на кинематографическую интеллигенцию, представителей «мелкобуржуазной богемы» [4, с. 409], «распоясавшихся киносамостийников (сценаристов и режиссеров») [4, с. 373, 409]. На интенсивность подобного «штурма» влияла личностно-персональная конкуренция между руководителями контролирующих ведомств — Б. З. Шумяцким, С. С. Дукельским, П. М. Керженцевым, А. С. Бубновым и другими.

Библиографический список

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б)-ВКП (б)-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917—1953. М.: МФД, 1999. 872 с.
2. В зрительном зале Сталин, или «записки Шумяцкого». URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/54736> (дата обращения: 04.05.2021).
3. Кино: организация управления и власть. 1917—1938 гг.: Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 606 с.
4. Кремлевский кинотеатр. 1928—1953: Документы. М: РОССПЭН, 2005. 1120 с.
5. Пути кино: Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии / под ред. Б. С. Ольхового. М.: Теа-кино-печать, 1929. 467 с.
6. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М.: Партийное изд-во, 1932. 618 с.
7. Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.
8. *Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с.
9. *Шумяцкий Б. З.* Пути мастерства. Статьи и доклады. М.: Кинофотоиздат, 1935. 135 с.
10. *Юдин К. А.* Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 56—73.

ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС ПО ТЕМЕ «ЖУРНАЛЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ»

1. Описание выборки и социально-демографические характеристики респондентов

Методологической основой исследования выступил анкетный опрос экспертов по проблемам современных социально-гуманитарных рецензируемых журналов. Всего опрошен 51 эксперт из 20 регионов России (Архангельск, Владивосток, Волгоград, Бийск, Иваново и Ивановская область, Казань, Киров, Кострома, Липецк, Москва и Московская область, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Симферополь, Сочи, Сыктывкар, Тула, Челябинск, Ярославль). Также в опросе приняли участие эксперты из Республики Беларусь.

Период длительности опроса: март 2021 года.

Форма проведения опроса: индивидуальная рассылка анкеты.

В опросе приняли участие 57,7 % мужчин и 34,5 % женщин, соответственно (n=47). 4 (7,8 %) участника опроса решили сохранить конфиденциальность и не указали некоторые данные о себе.

По возрасту опрошиваемые разделились на три группы:

до 35 лет — 4 респондента,

36—54 лет — 16 респондентов,

56 лет и старше — 31 респондент.

Распределение респондентов в зависимости от ученого звания представлено на рис. 1.

Далее проанализируем распределение респондентов в зависимости от ученой степени (табл. 1). Отметим, что все опрошиваемые являются представителями социально-гуманитарных наук. Большинство имеет степень доктора, либо кандидата исторических наук.

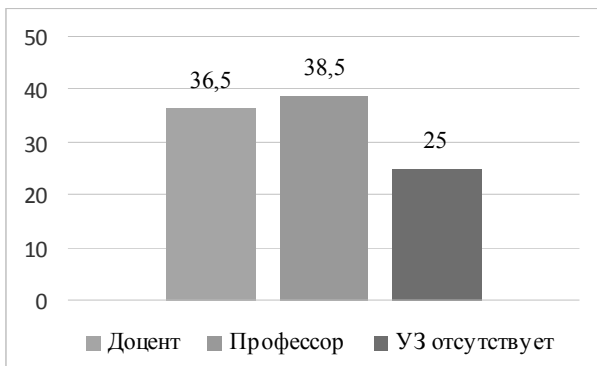

Рис. 1. Ученое звание респондента, % (n = 51)

Таблица 1

Ученая степень респондента, % (n = 51)

Ученая степень	% от опрошенных респондентов
Пропуски	3,8
Доктор педагогических наук	1,9
Доктор исторических наук	46,4
Доктор социологических наук	1,9
Доктор филологических наук	1,9
Доктор философских наук	7,7
Кандидат психологических наук	1,9
Кандидат исторических наук	21,2
Кандидат наук, культурология	1,9
Кандидат социологических наук	1,9
Кандидат наук, теология	1,9
Кандидат философских наук	1,9
Кандидат юридических наук	1,9
Аспирант	3,8
Итого	100,0

Для более детального изучения проблемы исследования, для начала респондентам было предложено рассказать, как часто они публикуются в научных рецензируемых журналах социально-гуманитарных наук, а также есть ли у участника опроса опыт редакционно-издательской деятельности.

В ходе исследования было выяснено, что большинство респондентов (45,1 %) публикуются 2—3 раза в год. Проанализируем ответы респондентов в зависимости от возрастной группы (рис. 2).

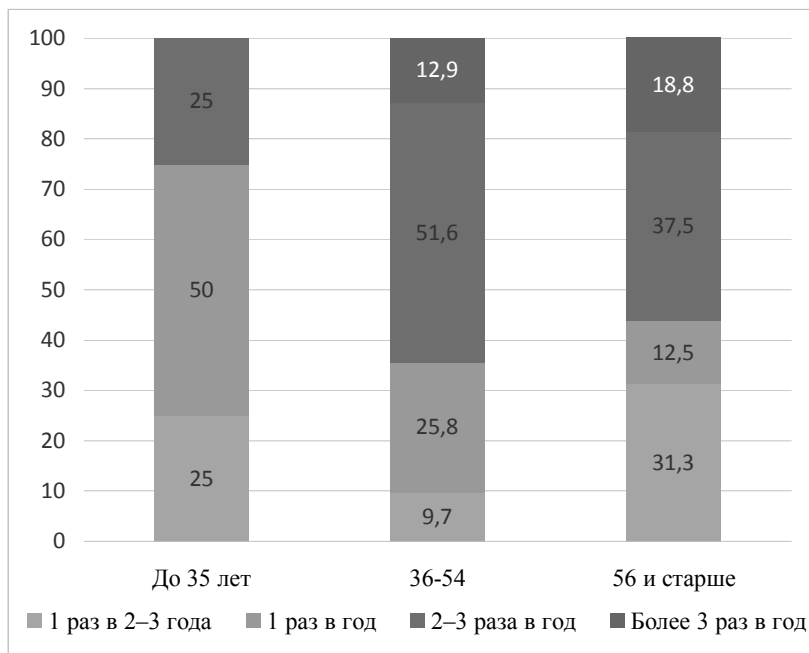

Рис. 2. Публикационная активность респондентов в зависимости от возраста, % (n = 51)

Респонденты до 35 лет чаще (в 50 % случаев) публикуются в научных рецензируемых журналах 1 раз в год. Большинство (51,6 %) ученых в возрастной группе от 36—54 лет публикуются 2—3 раза в год. Респонденты 56 лет и старше имеют более высокую публикационную активность, чаще всего выпускают публикации в рецензируемых журналах 2—3 раза в год. Отметим, что в данной возрастной группе в отличие от других 18,8 % ученых публикуются более 3 раз в год. Доценты и профессора в основном публикуются 2—3 раза в год, а респонденты, которые не имеют ученого звания чаще публикуются 1 раз в 2—3 года.

В таблице 2 представлены результаты ответа на вопрос «Есть ли у Вас опыт редакционно-издательской деятельности?».

Таблица 2

Опыт редакционно-издательской деятельности ученых, % (n = 51)*

Опыт редакционно-издательской деятельности	% от опрошенных
На профессиональной основе работал в издательстве	3,9
Имею опыт работы главным редактором научного журнала	15,7
Имею опыт работы ответственным секретарем научного журнала	3,9
Имею опыт работы членом редколлегии научного журнала	54,9
Участвовал в рецензировании статей в научных журналах	58,8
Имею опыт работы ответственным редактором (председателем оргкомитета) сборника статей или материалов научной конференции	45,1
Имею опыт работы членом редколлегии или оргкомитета сборника статей или материалов научной конференции	70,6
Не имею опыта редакционно-издательской деятельности	5,9
Итого	258,8

В ходе исследования было определено, что самыми популярными видами редакционно-издательской деятельности среди респондентов являются: опыт работы членом редколлегии научного журнала (54,9 %), рецензировании статей в научных журналах (58,8 %), опыт работы членом редколлегии или оргкомитета сборника статей или материалов научной конференции (70,6 %). Можно отметить, что у профессоров опыт работы по предложенным позициям больше, чем у доцентов. Особенно опыт работы главным редактором научного журнала и членом редколлегии научного журнала.

2. Оценка экспертным сообществом изменений в месте и роли научных рецензируемых журналов социально-гуманитарных наук за последние десятилетия

Одной из задач исследования было выяснить, какими параметрами должен обладать научный журнал, чтобы ученый предпочел в нем опубликоваться.

Так, было выяснено, что определяющим в выборе журнала для публикации является качество публикуемых статей и репутация издания (56,9 %), а также тематика издания (64,7 %). С точки зрения организационных форм наиболее эффективными социально-гуманитарными журналами, по мнению ученых, принявших участие в опросе, являются академические издания (38 %) и университетские издания (34 %).

Далее респондентам было предложено охарактеризовать основные черты журналов, в которых исследователи предпочитают публиковаться. Из названных респондентами были следующие:

- *солидность издания,*
- *коммерческая доступность/бесплатность публикации,*
- *тематика,*
- *междисциплинарность,*
- *простота в оформлении,*
- *рецензирование,*
- *индексация,*
- *публикационная этика,*
- *экспертное рассмотрение,*
- *научная достоверность,*
- *открытость данных,*
- *серьёзный и уважаемый состав редколлегии,*
- *высокий научный уровень,*
- *входят в базы РИНЦ, Web of Science, Scopus, ВАК,*
- *оперативность,*
- *уровень интерактивной связи с авторами и читателями,*
- *стремление редколлегии дать возможность авторам опубликовать результаты исследований именно в авторской трактовке,*

- авторитет данного издания среди специалистов в той области науки, в которой я работаю,

- корректность работы редакторов журнала с авторами.

В ходе исследования были выявлены оценки респондентов относительно систем цитирования, которые объединяют наиболее качественные журналы социально-гуманитарных наук.

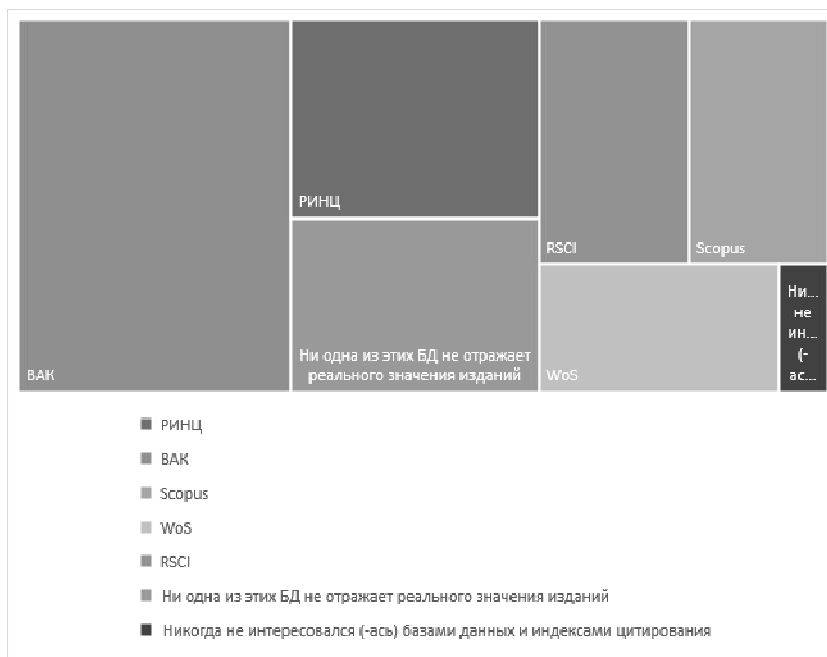

Рис. 3. Базы данных объединяющие наиболее качественные журналы социально-гуманитарных наук, в пропорциях

Так, большинство ученых отмечают, что реальное значение изданий отражает перечень ВАК (мнение 64,7 % респондентов). Стоит заметить, что более четверти респондентов придерживаются мнения, что ни одна из БД не отражает реального значения изданий социально-гуманитарной направленности.

Далее респонденты высказали свое мнение относительно междисциплинарности журналов. Был задан следующий вопрос «Как Вы видите соотношение междисциплинарности и ограни-

чения научных изданий по отраслям и специальностям?», результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Соотношение междисциплинарности и ограничения научных изданий по отраслям и специальностям, % (n = 51)

Вариант ответа	Кол-во опрошенных	% от опрошенных респондентов
Научный журнал должен иметь четкую специализацию в рамках группы научных специальностей, не печатать материалы, выходящие за ее рамки	9	17,6
Научный журнал должен иметь отраслевую и предметную определенность, но может принимать к публикации статьи по смежным дисциплинам	13	25,5
Научный журнал должен быть междисциплинарным, но в рамках определенной отрасли знания	18	35,3
Научный журнал должен объединять несколько отраслей знания, так как только на стыке различных наук возможны перспективные открытия	10	19,6
Научный журнал не должен ограничивать себя отраслевыми и дисциплинарными рамками	1	2
Итого	51	100

Отметим также, что все респонденты, придерживаются общей тенденции, но в разрезе, при анализе в зависимости от учебного звания респондента, можно заметить, что, по мнению профессоров, научный журнал должен иметь четкую специализацию в рамках группы научных специальностей, не печатать материалы, выходящие за ее рамки.

Респонденты отмечают, что основными функциями социально-гуманитарных изданий на современном этапе являются: представление результатов новых научных исследований (80 %), функция научной коммуникации (70 %), научная критика (46 %).

3. Анализ ситуации в сфере редакционно-издательской деятельности

3.1. Оценка респондентов наукометрической индексации социально-гуманитарных изданий

Следующей задачей исследования было изучить насколько объективна современная наукометрическая индексация социально-гуманитарных изданий, а также выделить ее положительные и отрицательные черты.

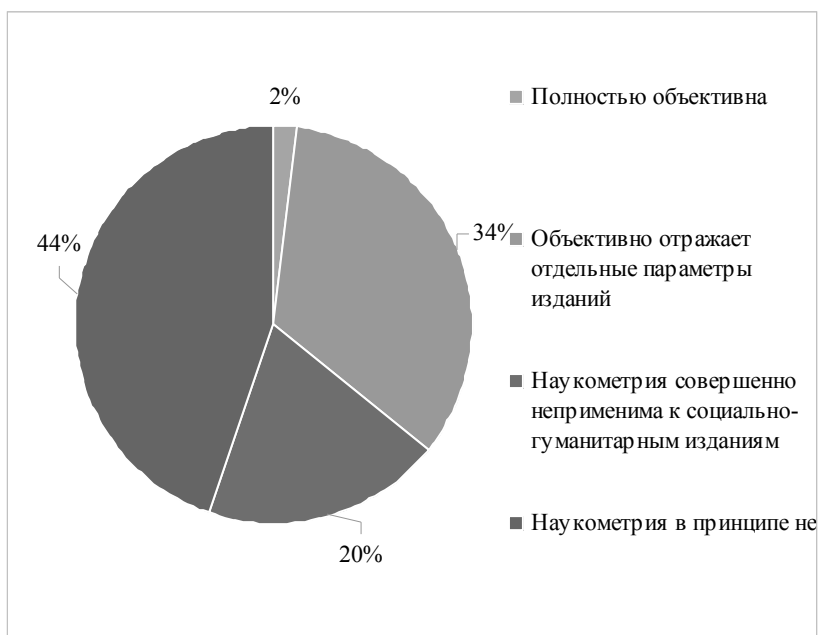

Рис. 4. Объективность современной наукометрической индексации социально-гуманитарных изданий, % (n = 51)

Так, большинство респондентов считают, что наукометрия в принципе не отражает реальных показателей, представляет собой элемент манипулирования данными (44 %).

Проанализируем какие тогда положительные и отрицательные черты современной наукометрической индексации социально-гуманитарных журналов выделяют ученые, а также какие параметры, на их взгляд, наиболее полно отражаются в наукометрических индексах.

Таблица 4

Оценка современной наукометрической индексации социально-гуманитарных журналов

Положительные черты	Отрицательные черты
Положительной чертой современной наукометрической индексации можно считать то, что она дает возможность ориентироваться в огромном потоке издаваемой научной информации и отслеживать тенденции ее изменения	Слишком высокая цена для публикационных материалов, возможность включения в перечень авторов, не причастных к написанию труда, погоня за статусом журнала
Помогают определить более качественные издания по общероссийской истории	Необходимость иметь личные контакты, чтобы статья была принята для опубликования
Дает выбор для публикаций начинающих исследователей	Выборочная оценка, приоритет англоязычных изданий и статей
Стимулирует значительную часть исследователей к публикационной активности	Индекс Хирша весьма субъективен
Мотивирует ученых публиковаться в журналах наряду с авторитетными учеными России и/или зарубежья	Сбор крупных сумм денег за публикацию
Возможность ознакомления с актуальной публикацией в сети Интернет	Искусственное завышение некоторыми научно-образовательными структурами в РФ научной ценности некоторых журналов, которые имеют большие импакт-факторы и длинные индексы Хирша
Позволяют находить информацию о важных публикациях, которые появляются не в центральных изданиях	Явное преобладание количественных показателей над качественными

Отражение публикационной активности авторов	Излишняя формализация данных, наличие критериев, усложняющих работу над подготовкой исследования, непонятных с точки зрения дальнейшего применения в достижении цели исследования
Можно узнать, кто из ученых имеет доступ к мировым базам данных (и кто не имеет и иметь не будет) и кто имеет финансовые ресурсы (из гос. и частных фондов) для публикации	Тотальная оценка качества публикации, исходя из количественных показателей, не отражающих глубины исследования
Позволяют продвигать научные работы российских исследователей в международное пространство	Манипуляции с самоцитированиями, цитированиями по договоренности, за плату и т. п.

Можно сделать вывод, что основным преимуществом наукометрической индексации является стимулирование и мотивация ученых к публикационной активности, а также возможно отследить, какие темы и какие авторы находятся в научном тренде. Главной отрицательной чертой данной системы является уход к тотальной количественной оценке, тем самым возникновению субъективности индекса Хирша и сложность конкуренции социально-гуманитарных изданий с естественными.

3.2. Форма и структура статьи в представлениях респондентов

Одной из задач исследования было изучить отношение респондентов к современной форме статьи в социально-гуманитарных изданиях, а также выявить степень удовлетворенности ученых современным требованиям к оформлению научно-справочного аппарата.

Так, большинство респондентов считают, что статья в социально-гуманитарных изданиях должна иметь четкую структуру, которая может меняться в зависимости от содержания и тематики материала (56,9 %). Более трети (37,3 %) респондентов придерживаются мнения, что статья в социально-

гуманитарных изданиях в принципе не может быть формализуема подобно публикациям в естественнонаучных и технических изданиях, должны соблюдаться только общие требования по стилю.

По мнению респондентов должны быть следующие формальные требования к статьям в социально-гуманитарных изданиях, представленные на рис. 5.

Рис. 5. Облако тегов «Обязательные требования к статье»

В ходе исследования было выявлено, что большинство участников опроса (54,9 %) считают, что современные требования к оформлению научно-справочного аппарат перегружены лишними элементами, которые усложняют подготовку статей, поиск нужных ссылок; сами по себе требования не влияют на качество материала.

Респондентам была представлена возможность высказать свои пожелания к оформлению научно-справочного аппарата в социально-гуманитарных изданиях. Представим некоторые из них:

1. Постраничные сноски (напр.: «На мой взгляд, можно было бы применять постраничные ссылки. Это удобно при написании и чтении статьи», «Постраничные сноски — удобнее».)

2. Упрощение (напр.: «Меньше формализма!», «На мой взгляд, ее следует в некоторой степени упростить»).

3. Унифицировать требования (напр.: «Урегулировать стилистику оформления и стили оформления библиографии и ссылок», «Они должны быть единообразными во всех журналах и материалах конференций», «унифицировать», «Единый подход к его оформлению на основе одного ГОСТа»).

4. Сокращение научно-справочного аппарата (напр.: «Минимизация научно-справочного аппарата, включающая необходимые универсальные ссылки на источники и литературу»).

5. Стандартизация оформления сносок (напр.: «Необходимо создание постоянно обновляемой «Российской базы правильных сносок на отечественные и зарубежные публикации» (в двух или трех форматах, имеющих в требованиях редакций), например, в E-library», «Минимальная, понятная, универсальная стандартизация... набор требований обций для всех журналов данного профиля»).

4. Прогноз перспектив развития социально-гуманитарных рецензируемых изданий

Блок вопрос относительно социально-гуманитарных изданий завершается вопросом о перспективности таких научных журналов в целом. В ходе исследования было выяснено, что большинство ученых в возрасте до 35 лет придерживаются мнения, что журналы по-прежнему будут одним из основных способов самоорганизации и институционализации науки. Респонденты в возрастной группе от 36 до 54 лет в 68,8 % случаев считают, что журналы останутся, но будут потеснены другими способами обмена научной информацией. Представители возрастной группе 56 лет и старше почти в равной степени придерживаются двух позиций.

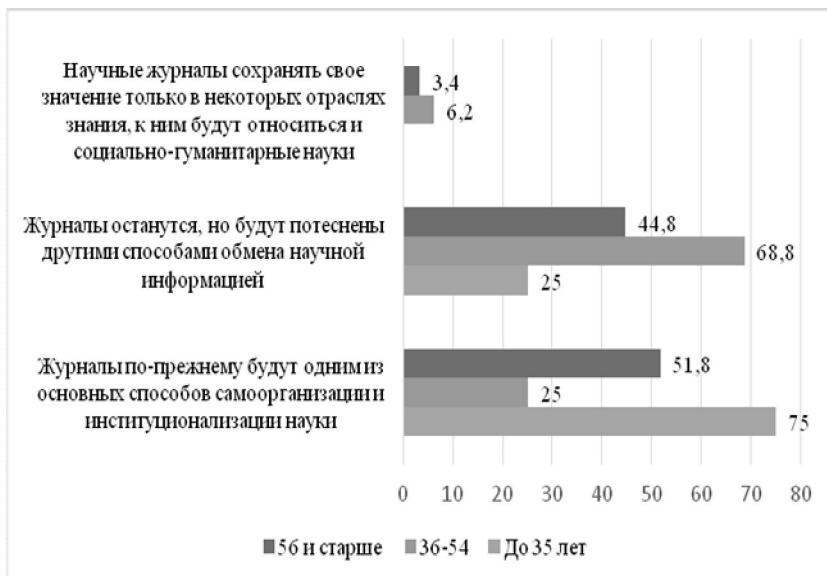

Рис. 6. Перспективы социально-гуманитарных журналов, % (n = 51)

В ходе исследования были выделены перспективы электронных журналов на современном этапе, а также определены их сильные и слабые стороны по мнению респондентов.

Таблица 5

**Перспективы электронный изданий по мнению респондентов,
% (n = 51)**

Перспективы	Кол-во опрошенных	% от опрошенных респондентов
Электронные журналы — магистральный путь развития научной прессы	8	15,7
Электронные журналы не смогут вытеснить традиционные издания, но займут приоритетное место в системе научных публикаций	19	37,3
Электронные журналы будут сосуществовать с традиционными изданиями на равноправной основе	24	47,1
Итого	51	100,0

Так, 47,1 % считают, что электронные журналы будут существовать с традиционными изданиями на равноправной основе, 37,3 % полагают, что электронные журналы не смогут вытеснить традиционные издания, но займут приоритетное место в системе научных публикаций и 15,7 % — электронные журналы — магистральный путь развития научной прессы.

При анализе результатов ответов респондентов в зависимости от ученого звания можно выделить, что доценты все-таки в большей степени выделяют, что электронные журналы не смогут вытеснить традиционные издания, но займут приоритетное место в системе научных публикаций (47,4 %) в разрезе.

Преимуществами электронных изданий, по мнению респондентов, является доступность, открытость, скорость распространения, интерактивность, медийность, экологичность, дешевизна, масштабность распространения. Недостатки участники опроса видят следующие: потеря актуальности веб-ссылок на издания, сложность проверить наличие искажений, не всегда тщательный отбор материала, слабая работа редколлегии, возможность быстрого прямого заимствования.

Далее представим как распределились ответы на вопрос «Ваше отношение к деятельности вольного сетевого общества «Диссернет» по экспертизе научных изданий (т. н. «Диссеропедия журналов»)»?» (табл. 6).

Таблица 6

Отношение респондентов к деятельности вольного сетевого общества «Диссернет» по экспертизе научных изданий, % (n = 50)

Отношение к деятельности «Диссернет»	Кол-во опрошенных	% от опрошенных респондентов
Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий полезна, т.к. позволяет выявить некачественные издания, повысить качество журналов и журнальных публикаций	8	16,0
Деятельность «Диссернета» полезна, но обладает отдельными существенными недостатками	15	30,0
Деятельность «Диссернета» крайне двойственна и противоречива, ей сложно дать четкую и однозначную оценку	8	16,0

Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий скорее вредна, так как давно выродилась в кампанейщину, страдает субъективизмом, не учитывает объективные факторы и реальные условия	4	8,0
Никогда не интересовался (-ась) деятельностью «Диссернета» и «Диссеропедией журналов»	15	30,0
Итого	50	100,0

Таким образом, из тех, кто знаком с сетевым обществом «Диссернет» 30 % считают, что деятельность «Диссернета» полезна, но обладает отдельными существенными недостатками.

Приложения

Анкета экспертного опроса по теме «Журналы социально-гуманитарных наук на современном этапе: ожидание и реальность»

Уважаемые коллеги!

Научно-образовательный центр «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» при Ивановском государственном университете обращается к Вам с просьбой принять участие в **экспертном опросе** по проблемам современных социально-гуманитарных рецензируемых журналов. Опрос приурочен к 20-летию журнала «Интеллигенция и мир». Данный опрос имеет **следующие цели**:

- анализ ситуации в сфере редакционно-издательской деятельности;
- оценка экспертным сообществом изменений в месте и роли научных рецензируемых журналов социально-гуманитарных наук за последние десятилетия;
- прогноз перспектив развития социально-гуманитарных рецензируемых изданий.

Обращаем Ваше внимание на последний раздел анкеты с биографическими данными респондентов. Хотя опрос носит **анонимный характер, и фамилии опрашиваемых упоминаться не будут**, для организаторов важны сведения о возрасте, научной и ученой степени, месте работы и занимаемой должности респондентов. Обобщенные результаты опроса **предполагается напечатать в сборнике конференции**, которую планируется провести в сентябре 2021 г. в Ивановском государственном университете, а также в журнале «Интеллигенция и мир».

Анкета содержит **вопросы двух видов**:

- закрытые вопросы, предполагающие выбор варианта ответа, который следует обозначить в квадратике напротив любым знаком или выделив вопрос в электронной версии любым доступным способом (полужирным, курсивом, подчеркиванием, цветом);
- открытые вопросы, предполагающие ответ, который можно вписать в распечатанную версию анкеты или впечатать в электронный вариант в объеме нескольких строк.

Анкету предпочтительно заполнить в электронном варианте и выслать до 15 апреля 2021 года по e-mail: vlchernopetrov@rambler.ru.

Также анкету можно заполнить и в печатном виде и отправить традиционной почтой по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, Ивановский государственный университет, НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике». Чернопелову В. Л.

Заранее благодарим за участие в нашем экспертном опросе.

1. Как часто Вы публикуетесь в научных рецензируемых журналах социально-гуманитарных наук:

- 1) 1 раз в 2—3 года;
- 2) 1 раз в год;
- 3) 2—3 раза в год;
- 4) Более 3 раз в год.

2. Есть ли у Вас опыт редакционно-издательской деятельности?

- 1) На профессиональной основе работал в издательстве.
- 2) Имею опыт работы главным редактором научного журнала;
- 3) Имею опыт работы ответственным секретарем научного журнала;
- 4) Имею опыт работы членом редколлегии научного журнала;
- 5) Участвовал в рецензировании статей в научных журналах;
- 6) Имею опыт работы ответственным редактором (председателем оргкомитета) сборника статей или материалов научной конференции.
- 7) Имею опыт работы членом редколлегии или оргкомитета сборника статей или материалов научной конференции;
- 8) Не имею опыта редакционно-издательской деятельности.

3. Что для вас является определяющим в выборе журналов для публикации?

- 1) Качество публикуемых статей и репутация издания;
- 2) Показатели издания в наукометрических базах данных;
- 3) Тематика издания;
- 4) Личные контакты с издателями и редакторами;
- 5) Учредитель и организационная форма издания (академическое, вузовское, коммерческое и т. д.)
- 6) Сочетание всех приведенных подходов;
- 7) Что-то иное (Укажите).

4. Охарактеризуйте основные черты журналов, в которых Вы предпочитаете публиковаться.

5. Насколько объективна, по Вашему мнению, современная наукометрическая индексация социально-гуманитарных изданий:

- 1) Полностью объективна;
- 2) Объективно отражает отдельные параметры изданий;
- 3) Наукометрия совершенно неприменима к социально-гуманитарным изданиям;
- 4) Наукометрия в принципе не отражает реальных показателей, представляет собой элемент манипулирования данными;

6. Какие базы данных и системы цитирования, на Ваш взгляд, объединяют наиболее качественные журналы социально-гуманитарных наук (можно выбрать несколько вариантов ответа):

- 1) Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- 2) Перечень ВАК;
- 3) Scopus;
- 4) Web of Science;
- 5) Russian Science Citation Index (Ядро РИНЦ);
- 6) Что-то иное;
- 7) Ни одна из этих БД не отражает реального значения изданий;
- 8) Никогда не интересовался (-ась) базами данных и индексами цитирования.

7. Назовите положительные и отрицательные черты современной наукометрической индексации социально-гуманитарных журналов, укажите параметры, наиболее полно отражаемые в наукометрических индексах.

8. Как Вы видите соотношение междисциплинарности и ограничения научных изданий по отраслям и специальностям (выберите один вариант ответа):

- 1) Научный журнал должен иметь четкую специализацию в рамках группы научных специальностей, не печатать материалы, выходящие за ее рамки;
- 2) Научный журнал должен иметь отраслевую и предметную определенность, но может принимать к публикации статьи по смежным дисциплинам;
- 3) Научный журнал должен быть междисциплинарным, но в рамках определенной отрасли знания;
- 4) Научный журнал должен объединять несколько отраслей знания, так как только на стыке различных наук возможны перспективные открытия;
- 5) Научный журнал не должен ограничивать себя отраслевыми и дисциплинарными рамками.

9. Ваше отношение к современной форме статьи в социально-гуманитарных изданиях:

- 1) Статья в социально-гуманитарных изданиях должна иметь четкую структуру, аналогичную статьям в естественнонаучных и технических изданиях, предполагающую деление на структурные элементы в соответствии с требованиями редакции;

--

2) Статья в социально-гуманитарных изданиях должна иметь четкую структуру, которая может меняться в зависимости от содержания и тематики материала;

3) Статья в социально-гуманитарных изданиях в принципе не может быть формализуема подобно публикациям в естественнонаучных и технических изданиях, должны соблюдаться только общие требования по стилю;

4) Публикации в социально-гуманитарных изданиях более близки к беллетристике, поэтому не могут быть ограничены четкими требованиями к структуре и форме подачи материала.

10. Назовите минимальный набор формальных требований к статьям в социально-гуманитарных изданиях.

11. Насколько Вас удовлетворяют современные требования к оформлению научно-справочного аппарата в социально-гуманитарных изданиях?

1) Полностью удовлетворяют;

2) В целом удовлетворяют, но есть недостатки;

3) Современные требования к оформлению научно-справочного аппарата перегружены лишними элементами, которые усложняют подготовку статей, поиск нужных ссылок; сами по себе требования не влияют на качество материала;

4) Современные требования к оформлению научно-справочного аппарата недостаточны, так как не позволяют полноценно отразить ссылки в международных БД и осуществлять библиографический поиск;

12. Выскажите свои пожелания к оформлению научно-справочного аппарата в социально-гуманитарных изданиях.

13. Перспективы электронных журналов на современном этапе (выберите один вариант ответа):

1) Электронные журналы – магистральный путь развития научной прессы;

2) Электронные журналы не смогут вытеснить традиционные издания, но займут приоритетное место в системе научных публикаций;

3) Электронные журналы будут сосуществовать с традиционными изданиями на равноправной основе;

4) Электронные журналы будут играть исключительно вспомогательную роль;

5) Электронные журналы – временное явление, мода на них скоро пройдет.

14. Назовите сильные и слабые стороны электронных изданий.

15. Какие из функций социально-гуманитарных изданий сохраняют свою актуальность на современном этапе.

- 1) Функция научной коммуникации;
- 2) Представление результатов новых научных исследований;
- 3) Социальная критика (обсуждение социально-политических идей);
- 4) Научная критика;
- 5) Статусная функция (придание статуса авторам публикаций).
- 6) Институциональная функция (одна из форм самоорганизации науки)

16. Устраивает ли Вас качество рецензирования и научной экспертизы в социально-гуманитарных журналах? Аргументируйте Вашу точку зрения.

17. Ваше отношение к деятельности вольного сетевого общества «Диссернет» по экспертизе научных изданий (т.н. «Диссеропедия журналов»):

- 1) Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий полезна, так как позволяет выявить некачественные издания, повысить качество журналов и журнальных публикаций;
- 2) Деятельность «Диссернета» полезна, но обладает отдельными существенными недостатками
- 3) Деятельность «Диссернета» крайне двойственна и противоречива, ей сложно дать четкую и однозначную оценку;
- 4) Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий скорее вредна, так как давно выродилась в кампанейщину, страдает субъективизмом, не учитывает объективные факторы и реальные условия;
- 5) Никогда не интересовался (-ась) деятельностью «Диссернета» и «Диссеропедией журналов».

18. Какие социально-гуманитарные журналы с точки зрения их организационных форм наиболее эффективны? (выберите один вариант ответа):

- 1) Академические издания;
- 2) Университетские и вузовские издания;
- 3) Журналы, издаваемые независимыми издательствами;
- 4) Журналы, где учредителем выступает сама редакция;
- 5) Журналы, издаваемые коммерческими структурами;
- 6) Совершенно не интересуюсь учредителем и организационной формой изданий.

19. Как Вы видите перспективы социально-гуманитарных журналов и научных журналов в целом:

- 1) Журналы по-прежнему будут одним из основных способов самоорганизации и институционализации науки;
- 2) Журналы останутся, но будут потеснены другими способами обмена научной информацией;
- 3) Научные журналы сохранять свое значение только в некоторых отраслях знания, к ним будут относиться и социально-гуманитарные науки;
- 4) Научные журналы сохранять свое значение в некоторых отраслях знания, прежде всего, обладающих специфическим научным языком, социально-гуманитарные науки к ним не относятся;
- 5) Научные журналы исчерпали себя как способ научной коммуникации и форма организации науки.

В завершении опроса просим указать свои биографические данные, которые предназначены исключительно для внутреннего использования, без опубликования.

<i>Фамилия</i>	
<i>Имя</i>	
<i>Отчество</i>	
<i>Год рождения</i>	
<i>Ученая степень (с указанием области знания)</i>	
<i>Ученое звание</i>	
<i>Место работы</i>	
<i>Должность</i>	
<i>Сфера научных интересов</i>	

ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРИМ ЗА ВАШИ ОТВЕТЫ!

Анализ данных закрытых вопросов анкеты эксперта

1. Как часто Вы публикуетесь в научных рецензируемых журналах социально-гуманитарных наук?

Вариант ответа	Частота	Процент
1 раз в 2—3 года	9	17,6
1 раз в год	12	23,5
2—3 раза в год	23	45,1
Более 3 раз в год	7	13,7
Итого	51	100,0
Системные пропущенные	1	
Итого	52	

1 группа (до 35 лет) n = 4 респондента.

2 группа (36—54 лет) n = 16 респондентов.

3 группа (56 лет и старше) n = 31 респондент.

Распределение ответов по возрастным группам

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше	Итого
1 раз в 2—3 года	11,1	55,6	3,3	100
1 раз в год	16,7	16,7	66,7	100
2—3 раза в год	4,3	26,1	69,6	100
Более 3 раз в год	0	42,9	57,1	100

Распределение в зависимости от ученого звания. Доценты и профессора в основном публикуются 2—3 раза в год, а респонденты, которые не имеют ученого звания чаще публикуются 1 раз в 2—3 года.

2. Есть ли у Вас опыт редакционно-издательской деятельности?

(n = 51, множественный вопрос)

Вариант ответа	Процент наблюдений
На профессиональной основе работал в издательстве	3,9
Имею опыт работы главным редактором научного журнала	15,7
Имею опыт работы ответственным секретарем научного журнала	3,9
Имею опыт работы членом редколлегии научного журнала	54,9
Участвовал в рецензировании статей в научных журналах	58,8
Имею опыт работы ответственным редактором (председателем оргкомитета) сборника статей или материалов научной конференции	45,1
Имею опыт работы членом редколлегии или оргкомитета сборника статей или материалов научной конференции	70,6
Не имею опыта редакционно-издательской деятельности	5,9
Итого	258,8

Распределение ответов по возрастным группам (по строке)

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
На профессиональной основе работал в издательстве	50	0	50
Имею опыт работы главным редактором научного журнала	0	25	75
Имею опыт работы ответственным секретарем научного журнала	0	0	100
Имею опыт работы членом редколлегии научного журнала	0	21,4	78,6
Участвовал в рецензировании статей в научных журналах	3,3	33,3	63,3
Имею опыт работы ответственным редактором (председателем оргкомитета) сборника статей или материалов научной конференции	4,3	39,1	56,5

Имею опыт работы членом редколлегии или оргкомитета сборника статей или материалов научной конференции	0	36,1	63,9
Не имею опыта редакционно-издательской деятельности	66,7	0	33,3

Распределение в зависимости от ученого звания. Можно отметить, что у профессоров опыт работы по предложенным позициям больше, чем у доцентов. Особенно опыт работы главным редактором научного журнала и членом редколлегии научного журнала.

3. Что для вас является определяющим в выборе журналов для публикации?

(*n = 51, множественный вопрос*)

Вариант ответа	Процент наблюдений
Качество публикуемых статей и репутация издания	56,9
Показатели издания в наукометрических базах данных	13,7
Тематика издания	64,7
Личные контакты с издателями и редакторами	27,5
Учредитель и организационная форма издания (академическое, вузовское, коммерческое и т. д.)	3,9
Сочетание всех приведенных подходов	23,5
Итого	190,2

Распределение ответов по возрастным группам (по столбцу)

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Качество публикуемых статей и репутация издания	50	43,8	64,5
Показатели издания в наукометрических базах данных	0	18,8	12,
Тематика издания	25	68,8	67,7
Личные контакты с издателями и редакторами	0	37,5	25,8
Учредитель и организационная форма издания (академическое, вузовское, коммерческое и т. д.)	0	6,3	3,2
Сочетание всех приведенных подходов	25	25	22,6

Нет различий при распределении по УЗ

5. Насколько объективна, по Вашему мнению, современная наукометрическая индексация социально-гуманитарных изданий?

($n = 51$, множественный вопрос)

Вариант ответа	Процент наблюдений
Полностью объективна	2,0
Объективно отражает отдельные параметры изданий	37,3
Наукометрия совершенно неприменима к социально-гуманитарным изданиям	21,6
Наукометрия в принципе не отражает реальных показателей, представляет собой элемент манипулирования данными	49,0
Итого	109,8

Распределение ответов по возрастным группам (по столбцу)

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Полностью объективна	0	0	3,2
Объективно отражает отдельные параметры изданий	100	31,3	32,3
Наукометрия совершенно неприменима к социально-гуманитарным изданиям	0	12,5	29
Наукометрия в принципе не отражает реальных показателей, представляет собой элемент манипулирования данными	0	56,3	51,6

Можно отметить, что профессора и исследователи без ученого звания оптимистичнее относятся к объективности современной наукометрической индексации социально-гуманитарных изданий. По их мнению, некоторые параметры изданий отражены объективно. Респонденты, имеющие ученое звание доцента, в большинстве случаев считают, что наукометрия в принципе не отражает реальных показателей, представляет собой элемент манипулирования данными.

6. Какие базы данных и системы цитирования, на Ваш взгляд, объединяют наиболее качественные журналы социально-гуманитарных наук (можно выбрать несколько вариантов ответа)?
(n = 51, множественный вопрос)

Вариант ответа	Процент наблюдений
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);	31,4
Перечень ВАК	64,7
Scopus	21,6
Web of Science	19,6
Russian Science Citation Index (Ядро РИНЦ)	23,5
Ни одна из этих БД не отражает реального значения изданий	27,5
Никогда не интересовался (-ась) базами данных и индексами цитирования	3,9
Итого	192,2

Распределение ответов по возрастным группам (по строке)

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);	0	18,8	81,3
Перечень ВАК	9,1	30,3	60,6
Scopus	9,1	27,3	63,6
Web of Science	10	20	70
Russian Science Citation Index (Ядро РИНЦ)	0	25	25
Ни одна из этих БД не отражает реального значения изданий	0	37,5	25,8
Никогда не интересовался (-ась) базами данных и индексами цитирования	50	0	50

Если проанализировать распределение ответов респондентов на данный вопрос в зависимости от их ученого звания, то можно обнаружить различия. Так, по мнению доцентов, наиболее качественные журналы социально-гуманитарных наук объединяет перечень ВАК. Профессоры выделяют также базу РИНЦ.

8. Как Вы видите соотношение междисциплинарности и ограничения научных изданий по отраслям и специальностям (выберите один вариант ответа)?

Вариант ответа	Частота	Процент
Научный журнал должен иметь четкую специализацию в рамках группы научных специальностей, не печатать материалы, выходящие за ее рамки	9	17,6
Научный журнал должен иметь отраслевую и предметную определенность, но может принимать к публикации статьи по смежным дисциплинам	13	25,5
Научный журнал должен быть междисциплинарным, но в рамках определенной отрасли знания	18	35,3
Научный журнал должен объединять несколько отраслей знания, так как только на стыке различных наук возможны перспективные открытия	10	19,6
Научный журнал не должен ограничивать себя отраслевыми и дисциплинарными рамками	1	2,0
Итого	51	100,0
Системные пропущенные	1	
Итого	52	

Распределение ответов по возрастным группам

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Научный журнал должен иметь четкую специализацию в рамках группы научных специальностей, не печатать материалы, выходящие за ее рамки	25	6,1	22,6
Научный журнал должен иметь отраслевую и предметную определенность, но может принимать к публикации статьи по смежным дисциплинам	0	31,3	25,8
Научный журнал должен быть междисциплинарным, но в рамках определенной отрасли знания	50	31,3	35,5

Научный журнал должен объединять несколько отраслей знания, так как только на стыке различных наук возможны перспективные открытия	25	31,3	12,9
Научный журнал не должен ограничивать себя отраслевыми и дисциплинарными рамками	0	0	3,2
Итого	100	100	100

Отметим, что все респонденты, придерживаются общей тенденции, но в разрезе ученого звания респондента, можно заметить, что, по мнению профессоров, научный журнал должен иметь четкую специализацию в рамках группы научных специальностей, не печатать материалы, выходящие за ее рамки.

9. Ваше отношение к современной форме статьи в социально-гуманитарных изданиях?

(*n = 51, множественный вопрос*)

Вариант ответа	Процент наблюдений
Статья в социально-гуманитарных изданиях должна иметь четкую структуру, аналогичную статьям в естественнонаучных и технических изданиях, предполагающую деление на структурные элементы в соответствии с требованиями редакции	7,8%
Статья в социально-гуманитарных изданиях должна иметь четкую структуру, которая может меняться в зависимости от содержания и тематики материала	56,9%
Статья в социально-гуманитарных изданиях в принципе не может быть формализуема подобно публикациям в естественнонаучных и технических изданиях, должны соблюдаться только общие требования по стилю	37,3%
Публикации в социально-гуманитарных изданиях более близки к беллетристике, поэтому не могут быть ограничены четкими требованиями к структуре и форме подачи материала	2,0%
Итого	103,9%

Распределение ответов по возрастным группам (по столбцу)

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Статья в социально-гуманитарных изданиях должна иметь четкую структуру, аналогичную статьям в естественнонаучных и технических изданиях, предполагающую деление на структурные элементы в соответствии с требованиями редакции	25	6,3	6,5
Статья в социально-гуманитарных изданиях должна иметь четкую структуру, которая может меняться в зависимости от содержания и тематики материала	50	62,5	54,8
Статья в социально-гуманитарных изданиях в принципе не может быть формализуема подобно публикациям в естественнонаучных и технических изданиях, должны соблюдаться только общие требования по стилю	25	31,3	41,9
Публикации в социально-гуманитарных изданиях более близки к беллетристике, поэтому не могут быть ограничены четкими требованиями к структуре и форме подачи материала	0	0	3,2

При анализе результатов исследования можно отметить, что популярной позицией среди профессоров является вариант ответа 3 «Статья в социально-гуманитарных изданиях в принципе не может быть формализуема подобно публикациям в естественнонаучных и технических изданиях, должны соблюдаться только общие требования по стилю».

11. Насколько Вас удовлетворяют современные требования к оформлению научно-справочного аппарата в социально-гуманитарных изданиях?

Вариант ответа	Частота	Процент
Полностью удовлетворяют	8	15,7
В целом удовлетворяют, но есть недостатки	15	29,4
Современные требования к оформлению научно-справочного аппарата перегружены лишними элементами, которые усложняют подготовку статей, поиск нужных ссылок; сами по себе требования не влияют на качество материала	28	54,9
Итого	51	100,0
Системные пропущенные	1	
Итого	52	

Распределение ответов по возрастным группам (по столбцу)

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Полностью удовлетворяют	25	6,2	19,4
В целом удовлетворяют, но есть недостатки	0	31,3	32,2
Современные требования к оформлению научно-справочного аппарата перегружены лишними элементами, которые усложняют подготовку статей, поиск нужных ссылок; сами по себе требования не влияют на качество материала	75	62,5	48,4
Итого	100	100	100

Нет различий в зависимости от УЗ.

13. Перспективы электронных журналов на современном этапе (выберите один вариант ответа)?

Вариант ответа	Частота	Процент
Электронные журналы — магистральный путь развития научной прессы	8	15,7
Электронные журналы не смогут вытеснить традиционные издания, но займут приоритетное место в системе научных публикаций	19	37,3
Электронные журналы будут сосуществовать с традиционными изданиями на равноправной основе	24	47,1
Итого	51	100,0
Системные пропущенные	1	
Итого	52	

Распределение ответов по возрастным группам

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Электронные журналы — магистральный путь развития научной прессы	25	12,5	16,1
Электронные журналы не смогут вытеснить традиционные издания, но займут приоритетное место в системе научных публикаций	50	56,3	25,8
Электронные журналы будут сосуществовать с традиционными изданиями на равноправной основе	25	31,3	58,1
Итого	100	100	100

При анализе результатов ответов респондентов в зависимости от ученого звания можно выделить, что доценты все-таки выделяют, что электронные журналы не смогут вытеснить традиционные издания, но займут приоритетное место в системе научных публикаций (47,4 %) в разрезе.

15. Какие из функций социально-гуманитарных изданий сохраняют свою актуальность на современном этапе?

(*n = 51, множественный вопрос*)

Вариант ответа	Процент наблюдений
Функция научной коммуникации	70
Представление результатов новых научных исследований	86
Социальная критика (обсуждение социально-политических идей)	26
Научная критика	46
Статусная функция (придание статуса авторам публикаций)	36
Институциональная функция (одна из форм самоорганизации науки)	40
Итого	304

Распределение ответов по возрастным группам (по столбцу)

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Функция научной коммуникации	75	53,3	77,4
Представление результатов новых научных исследований	75	80	90,3
Социальная критика (обсуждение социально-политических идей)	25	13,3	32,3
Научная критика	50	40	48,4
Статусная функция (придание статуса авторам публикаций)	75	20	38,7
Институциональная функция (одна из форм самоорганизации науки)	25	40	41,9

Распределение в зависимости от УЗ: топ три 1, 2, 4 в соответствии с общей тенденцией. У доцентов еще выделяется 6 позиция (57,9 % из доцентов ее отмечают).

17. Ваше отношение к деятельности вольного сетевого общества «Диссернет» по экспертизе научных изданий (т. н. «Диссеропедия журналов»):

Вариант ответа	Частота	Процент
Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий полезна, так как позволяет выявить некачественные издания, повысить качество журналов и журнальных публикаций	8	16,0
Деятельность «Диссернета» полезна, но обладает отдельными существенными недостатками	15	30,0
Деятельность «Диссернета» крайне двойственна и противоречива, ей сложно дать четкую и однозначную оценку	8	16,0
Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий скорее вредна, так как давно выродилась в кампанейщину, страдает субъективизмом, не учитывает объективные факторы и реальные условия	4	8,0
Никогда не интересовался (-ась) деятельностью «Диссернета» и «Диссеропедией журналов»	15	30,0
Итого	50	100,0
Системные пропущенные	2	
Итого	52	

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше	Итого
Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий полезна, т. к. позволяет выявить некачественные издания, повысить качество журналов и журнальных публикаций	12,5	25	62,5	100
Деятельность «Диссернета» полезна, но обладает отдельными существенными недостатками	0	46,7	53,3	100
Деятельность «Диссернета» крайне двойственна и противоречива, ей сложно дать четкую и однозначную оценку	12,5	25	62,5	100
Деятельность «Диссернета» по экспертизе научных изданий скорее вредна, т. к. давно выродилась в кампанейщину, страдает субъективизмом, не учитывает объективные факторы и реальные условия	0	25	75	100
Никогда не интересовался (-ась) деятельностью «Диссернета» и «Диссеропедией журналов»	13,3	26,7	60	100

Нет различий в зависимости от УЗ.

18. Какие социально-гуманитарные журналы с точки зрения их организационных форм наиболее эффективны? (Выберите один вариант ответа):

Вариант ответа	Частота	Процент
Академические издания	19	38,0
Университетские и вузовские издания	17	34,0
Журналы, издаваемые независимыми издательствами	7	14,0
Журналы, где учредителем выступает сама редакция	1	2,0
Совершенно не интересуюсь учредителем и организационной формой изданий	6	12,0
Итого	50	100,0
Системные пропущенные	2	
Итого	52	

Распределение ответов по возрастным группам

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше	Итого
Академические издания	10,5	36,8	52,6	100
Университетские и вузовские издания	0	17,6	82,4	100
Журналы, издаваемые независимыми издательствами	0	57,1	42,9	100
Журналы, где учредителем выступает сама редакция	100	0	0	100
Совершенно не интересуюсь учредителем и организационной формой изданий	16,7	33,3	50	100

Нет различий в зависимости от УЗ.

19. Как Вы видите перспективы социально-гуманитарных журналов и научных журналов в целом?

Вариант ответа	Частота	Процент
Журналы по-прежнему будут одним из основных способов самоорганизации и институционализации науки	22	44,9
Журналы останутся, но будут потеснены другими способами обмена научной информацией	25	51,0
Научные журналы сохраняют свое значение только в некоторых отраслях знания, к ним будут относиться и социально-гуманитарные науки	2	4,1
Итого	49	100,0
Системные пропущенные	3	
Итого	52	

Распределение ответов по возрастным группам

Вариант ответа	До 35 лет	36—54	56 и старше
Журналы по-прежнему будут одним из основных способов самоорганизации и институционализации науки	75	25	51,8
Журналы останутся, но будут потеснены другими способами обмена научной информацией	25	68,8	44,8

Научные журналы сохранять свое значение только в некоторых отраслях знания, к ним будут относиться и социально-гуманитарные науки	0	6,2	3,4
Итого	100	100	100

Доцентам ближе 2 позиция, профессорам 1 позиция, исследователям без ученого звания 1 позиция.

Анализ выборочной совокупности

Ученая степень	Проценты
Пропуски	3,8
Доктор педагогических наук	1,9
Доктор исторических наук	46,4
Доктор социологических наук	1,9
Доктор филологических наук	1,9
Доктор философских наук	7,7
Кандидат психологических наук	1,9
Кандидат исторических наук	21,2
Кандидат наук, культурология	1,9
Кандидат социологических наук	1,9
Кандидат наук, теология	1,9
Кандидат философских наук	1,9
Кандидат юридических наук	1,9
Аспирант	3,8
Итого	100,0

Ученое звание	Проценты
нет	25,0
доцент	36,5
профессор	38,5
Итого	100,0

В опросе приняли участие 57,7 % мужчин и 17 % женщин, соответственно (n = 47). Средний возраст респондентов составил 55 лет.

Анализ данных открытых вопросов анкеты эксперта

4. Охарактеризуйте основные черты журналов, в которых Вы предпочитаете публиковаться.

1. а) профессионализм и в подборе статей и в рецензировании их б) журнал должен быть хорошо известен в научном сообществе в) отсутствие в журнале проплаченных публикаций (подобные публикации часто снижают уровень самого журнала).

2. Предпочитаю публиковаться в профессиональных журналах, с редакторами которых имею личные контакты.

4. Солидность издания, коммерческая доступность, тематика, междисциплинарность.

5. Соответствующая тематика и адресная аудитория журнала. Либеральная редакционная политика.

6. Простота в оформлении.

7. Рецензирование, индексация, публикационная этика, экспертное рассмотрение.

9. В идеале публикация в рецензируемых журналах верхнего квартиля, затем журналы с устоявшимся авторитетом (Российская история, Новая и новейшая история), и наконец, журналы с настойчивым редактором, который обращается ко мне, зная мои научные интересы и предлагая дать статью по теме, которая мне действительно интересна и по силам.

10. Научная достоверность, открытость данных, участие журнала в общественной и политической деятельности, полезность за пределами научного сообщества.

11. Чаще всего это вестники университетов, есть опыт сотрудничества с «Вестниками» Ивановского, Владимирского, Костромского, Воронежского, Волгоградского государственных университетов, Северного Поморского федерального университета.

Это должно быть солидное издание с устоявшимися традициями, причем не обязательно рецензируемое. Уже несколько лет публикуюсь в «Православном Палестинском Сборнике», это старейший научный сборник России, существует с 1880-х годов, между тем не входит не только в список ВАК, но даже в РИНЦ.

12. Качество публикаций.

13. Журналы специализирующиеся на кривоветческой тематике.

14. Аналитичность статей, исторический профиль материалов журнала, тематика, близкая к моим темам научных интересов и исследова-

ний, нахождение журнала в РИНЦ, списке ВАК и международных базах данных, импакт-фактор журнала.

17. Чтобы подходил по: тематика; точность и регулярность выхода издания; базы данных и системы цитирования (РИНЦ; Перечень ВАК; Ядро РИНЦ; Scopus; Web of Science).

18. Тематика издания, статус, индекс цитирования.

20. Соответствие тематики журнала научным интересам, качество публикуемых материалов, репутация издания.

21. Профессионализм, Научная этика.

22. Состав редакции, история журнала и его общественно-историческая значимость.

24. Наличие интересных публикаций по близкой тематике, Наличие публикаций критически мыслящих авторов, Наличие дискуссии по отдельным вопросам.

25. Издается или вузом или научным учреждением (организацией).

Авторитетная редколлегия (в ней есть знакомые имена).

У издания есть история и традиции.

26. 1) Научная значимость журнала, выраженная в тематике статей и рецензий;

2) Серьёзный и уважаемый состав редколлегии, имеющий чёткое представление о тематике публикуемых в журнале статей;

3) Объективная оценка редколлегии публикуемых статей и их авторов.

27. Четкие, прозрачные требования для авторов, налаженная обратная связь.

28. Представление различных точек зрения, в том числе не совпадающих с позицией редакционной коллегии, междисциплинарные связи, интеллектуальная честность.

29. Высокий научный уровень. Бесплатность публикации.

30. 1. Журналы, в которых публикуются хорошие научные статьи; 2. Не взимается плата за публикацию; 3. Входят в базы Web of Science, Scopus, ВАК.

31. Научность, объективность, включенность в базы данных, уважение к автору.

32. Журнал должен быть по духу академическим изданием.

33. Узаконенные рецензируемые журналы, которые читают и в которых публикуются специалисты моего профиля.

Я уже решила, что эта стратегия себя больше не оправдывает и мне придется пересмотреть свои позиции и больше думать о показателях издания в наукометрических базах данных, как один из журналов, с которым я сотрудничаю, вошел в базу «Скопус».

34. Доброжелательное отношение к авторам, в том числе при выработке пожеланий по доработке их содержания.

35. Из предложенных характеристик — первые три в большей степени определяют мой выбор, хотя на первом месте все же «тематическая профильность», а потом «узнаваемость».

36. Конечно, предпочитаю журналы тематические, в которых публикуются статьи, близкие по тематике и проблематике. Но часто для выполнения формальных требований наукометрии отправляю материалы в Вестники, часто не разделенные даже на самые общие направления (Гуманитарные науки, Естественные науки и пр.). Стало проще благодаря им статья, опубликованная в «смешанных изданиях», имеет шанс не пропасть и быть прочитанной специалистами.

39. Оперативность, уровень интерактивной связи с авторами и читателями.

40. В качественных журналах, где присутствует высокий уровень научных статей;

В журналах, которые соответствуют тематике моего исследования;

В журналах, где присутствует объективная оценка статей, нет системы продвижения статей по знакомству, или исходя из принципа известности ученого. Хорошие статьи могут писать и начинающие исследователи.

41. Тематика журнала, его репутация и количество публикуемых статей.

43. Оригинальность, свобода выбора жанра статьи, отсутствие идеологических претензий, умение остановиться в претензиях по доработке текста.

45. Четкое проблемное поле журнала (отсутствие признаков «братской могилы»), открытость (оперативность) журнала в коммуникационном отношении, научность (политическая / идеологическая ангажированность) журнала, редколлегия, качество контента.

46. Они выходят регулярно, поддерживают профессиональный уровень и не затягивают с публикациями статей.

47. Качество публикуемых в издании текстов и тематика издания.

48. РИНЦ или ВАК, доступность цены, оперативность.

49. Показатели издания в наукометрических базах данных, Личные контакты с издателями и редакторами.

51. Любые тематические журналы, открытые для внешних (не входящих в круг «своих») авторов, в которых статьи содержательно изучаются и рецензируются.

52. 1. Стремление редколлегии дать возможность авторам опубликовать результаты исследований именно в авторской трактовке; 2. Авторитет данного издания среди специалистов в той области науки, в которой я работаю; 3. Корректность работы редакторов журнала с авторами.

7. Назовите положительные и отрицательные черты современной наукометрической индексации социально-гуманитарных журналов, укажите параметры, наиболее полно отражаемые в наукометрических индексах.

1. Ничего положительного я в этом не вижу. Но жизнь заставляет «выполнять план», который спускается на отдел.

2. Представляется весьма спорным оценивать качество и значимость работы социально-гуманитарных журналов только с помощью количественных показателей. Положительной чертой современной наукометрической индексации можно считать то, что она дает возможность ориентироваться в огромном потоке издаваемой научной информации и отслеживать тенденции ее изменения.

4. Слишком высокая цена для публикационных материалов, возможность включения в перечень авторов, не причастных к написанию труда, погоня за статусом журнала.

5. Ничего, кроме цитируемости издания и публикаций, придумать не смогли, но это ставит гуманитариев в неравное положение с естественниками.

6. Положительное: помогают определить более качественные издания по общероссийской истории. Отрицательное: национальные журналы, которые публикуют материалы по малым народам и местной истории, не имеют рейтинга.

9. В наукометрии отражаются интересы руководства вузов и министерской бюрократии, погоня за рейтингами и наполненными отчетами приводит к формализованным статьям, часто на одну и ту же тему. Это скорее стимул подтянуться для лентяев и середнячков, нежели фактор, стимулирующий глубокий научный поиск.

10. Положительные: дает выбор для публикаций начинающих исследователей. Отрицательные: выборочная оценка, приоритет англоязычных изданий и статей. Параметры – под вопросом

11. С одной стороны, она стимулирует значительную часть исследователей к публикационной активности, с другой стороны индекс Хирша весьма субъективен.

12. Количество публикаций, цитирование в науке являются важными наукометрическими показателями. Однако, погоня за количеством и практика цитирования в большинстве отечественных социально-гуманитарных журналах порочна, а самоцитирование превратилось в болезнь.

13. Отрицательными чертами являются: сбор крупных сумм денег за публикацию; необходимость иметь личные контакты, чтобы статья была принята для опубликования.

14. К положительным чертам можно отнести мотивацию ученых публиковаться в журналах наряду с авторитетными учеными России и/или зарубежья. К отрицательным чертам отношу искусственное завышение некоторыми научно-образовательными структурами в РФ научной ценности некоторых журналов, которые имеют большие импакт-факторы и длинные индексы Хирша. Часть таких журналов представляет собой привлечение денег с авторов.

15. Она интересна, но не должна быть самоцелью.

17. Положительные черты: позволяет давать оценку журналу в соответствии с предъявляемыми требованиями и для сравнения с другими журналами. Отрицательные черты: явное преобладание количественных показателей над качественными. Это особенно относится к индексу ХИРШ, когда учитывается лишь количество упоминаний о публикации, без учета оценок качества упоминаемой работы. Наука превращается в шоу-бизнес, где главное — привлечь к себе внимание!

18. Индексация нужна (+), но не уверена, что она полностью объективна.

20. Современная система наукометрической индексации (особенно в социально-гуманитарной сфере) вряд ли объективно отражает научный потенциал, как вузов, научных изданий, так и отдельных исследователей. Поэтому неприемлемо ее некритическое использование при оценке их деятельности. Фактически научную работу оценивают не по качеству и глубине исследований, а по формальным признакам. Что заставляет тратить время только на то, что будет оценено системой (во многом это выливается в имитацию научной деятельности и стремление к искусственному завышению формальных показателей). А вот, такую важную составляющую научной деятельности, как подготовка и издание монографических исследований наукометрическая система не учитывает в должной степени.

Нельзя сбрасывать со счетов и политический фактор (например, чтобы опубликовать статью по политологии или российской истории в иностранном издании, исследователь вынужден придерживаться господствующих в западной историографии мнений).

21. Порочная система, особенно для узких специалистов.

22. Я против внедряемой сверху практики индексации и цитирования, которая меняется постоянно и заставляет ученых не заниматься своей темой, а «соответствовать» цитируемости. Причем эти критерии в отчетах меняются. Нас оценивают по цитируемости за 5 лет, самые свежие публикации должны цитироваться и т. д. Что в корне неверно. Что тогда составляет научную школу ученого, если его первые работы (монографии) исключаются из отбора цитирования за «устарелостью»!!

24. + Создание базы данных качественных научных публикаций. Излишняя формализация данных, Наличие критериев, усложняющих работу над подготовкой исследования, непонятных с точки зрения дальнейшего применения в достижении цели исследования

25. Как любой системой, основанной на измерениях, наукометрической индексацией можно манипулировать и подстраиваться под нужные показатели. Общую картину популярности (нужности) получить можно, из данных по количеству просмотров и скачиваний, включения/не включения в соответствующие базы.

26. Не анализировала, так как не интересовалась этими показателями.

27. Индекс цитирования отражает использование только в научной среде, однако именно в социально-гуманитарных науках — использование материалов статей гораздо шире, таким образом, индексы относительно этой сферы необъективны. Отражают в большей степени ситуацию в точных науках и ученых, занимающихся глобальными проблемами. Как противоположность, наименьшее отражение — регионалистика в социально-гуманитарном знании. Исключения бывают и в точных науках, если исследователь обращается к сфере не интересующей в данный момент магистральный путь науки.

28. + возможность ознакомления с актуальной публикацией в сети интернет; «-« тотальная оценка качества публикации, исходя из количественных показателей, не отражающих глубины исследования

Параметры наукометрических индексов — количественный объем публикационной активности

30. Положительные черты: позволяют находить информацию о важных публикациях, которые появляются не в центральных изданиях. Отрицательные: манипуляции с самоцитированиями, цитированиями по договоренности, за плату и т. п.

32. Не вижу в них ничего положительного. Наукометрическая индексация вынуждает ученых заниматься не наукой, а приспособлением к существующей системе взаимоотношений ученого и государства.

33. Наиболее полно отражается количество, а не качество статей.

34. Не полностью отражает результаты исследований, часть работ оказывается за пределами наукометрической индексации

35. А) побуждение к выверенности по форме и содержанию представляемых текстов; В данном параметре положительно само «побуждение», хотя оно само по себе должно быть натуральной частью авторского научно «Я».

Б) предельная формализация творческих параметров, структуры и содержания текста; «Предельная формализация» творчества всегда отрицательна, особенно в работе гуманитария, но положительно то, что

это требование дисциплинирует, заставляет не «растекаться мыслью по древу».

В) лапидарность, доступность в восприятии, схематизм и пр. Подобные установки позитивны, вот только самому автору требуется чувство меры.

36. Положительные: думаю, важно видеть востребованность статьи через цитирование (без учета самоцитирования).

Отрицательные: увлекает, заставляя думать о показателях, а не о содержании работ.

39. Плюс в доступности, минус — в недостаточной ретроспекции индексации.

40. С одной стороны, позволяют продвигать научные работы российских исследователей в международное пространство. С другой — начинается погоня за наукометрическими показателями. Авторы начинают писать статьи, далекие от непосредственной темы их исследования. Начинается работа по увеличению индекса цитирования собственных статей.

41. Положительные черты — постоянное требования к ученым заниматься научной работой, что отражается в наукометрических индексах. Этаким «дамоклов меч».

Отрицательная — для повышения личного рейтинга необходимость публикации в журналах из высокорейтинговых баз (1 и 2 квартили WOS, Scopus), что не редко предполагает высокую оплату. Ученый фактически становится заложником сложных отношений. С одной стороны, государство требует от него для участия в грантовых проектах публикаций в изданиях WOS и Scopus. С другой, ученый вынужден вступать в отношения с разного рода финансовыми посредническими структурами, которые не редко заинтересованы исключительно в прибыли, а не в качестве материалов.

43. Положительная черта — можно узнать, кто из ученых имеет доступ к мировым базам данных (и кто не имеет и иметь не будет) и кто имеет финансовые ресурсы (из гос. и частных фондов) для публикации.

Отрицательная черта – насаждаемый «сверху» «научный расизм» для бедных стран и «бедных ученых».

45. Положительный момент: отражение публикационной активности авторов, отрицательный момент: гиперболизация количественной стороны научной работы; индекс рисует эскиз автора, детального портрета он не дает ни при каком раскладе.

46. Они отражают пристрастия их руководителей.

48. Положительных не вижу. Отрицательные: доступность манипуляциям (заплатить, договориться...), имитация научной ценности.

49. В базе РИНЦ формируется гораздо больше показателей, чем в международных. Импорт-фактор рассчитывается там в трёх вариантах: 1) по базе индексируемых журналов, 2) с привлечением ссылок на неиндексируемые в базе журналы из списков цитированной литературы, 3) по ядру РИНЦ.

Индекс Хирша может быть «накручен» и не отражает реальный вклад ученого в науку, поскольку учитываются количественные показатели.

50. С учетом того, что западные форматы наукометрической индексации достаточно идеологизированы, они не могут являться объективной формой оценки качества научных публикаций социально-гуманитарного характера, имеющих какую-либо идеологическую составляющую в содержании.

51. Сугубо формальный подход и полное игнорирование содержания и состава авторов, чьи работы публикуются. Это открывает простор для манипуляций данными.

52. Положительная черта и одновременно наиболее полно отражаемый параметр — частотность публикаций. Отрицательная черта — излишнее внимание к коэффициенту цитируемости.

10. Назовите минимальный набор формальных требований к статьям в социально-гуманитарных изданиях.

1. а) актуальность; б) методология исследования; в) источниковая база.

2. Оригинальность, наличие исследовательских выводов и обстоятельного научно-справочного аппарата.

4. Классические требования к написанию и оформлению статьи в социально-гуманитарных изданиях достаточны.

5. Указание на степень новизны исследования; определение оригинального вклада автора; наличие научно-справочного аппарата.

6. Актуальность, историографический обзор, источниковый анализ, цель и задачи, методология, основное содержание и вывод. Использование новейших исследований (не менее трех) и архивных материалов.

9. Скорее могу сказать о том, чего не должно быть: библиографического списка в английской транслитерации

10. Структура: название, аннотация, ключевые слова, библиография.

11. Научность, объективность, наличие аннотации, ключевых слов, библиографического списка на русском и английском языках

12. Качество. Изложение научного материала требует использование профессионального научного языка. Наукообразия не может скрыть отсутствие теоретического или практического смысла в исследовании.

13. Новизна используемой научной базы для публикации (историческая статья должна быть основана на архивных источниках).

14. Эти требования зависят от отрасли научного знания. В исторических статьях должны присутствовать источники, обращение к историографии, работа с терминами, выявление исторических закономерностей, научная новизна текста.

15. Постановка проблемы, обоснование актуальности, историография (кратко), источники, методы, цель, основное содержание, выводы.

17. Ответ: тематика; актуальность; новизна; объективность; структура.

18. Традиционные: научность, объективность, новизна, возможно (в зависимости от темы) дискуссионность, логичность и стилевая грамотность изложения.

20. Издание должно быть, по меньшей мере, междисциплинарным, хотя и придерживаться определенной тематики исследований. От публикаций необходимо требовать наличие четкой структуры, которая должна зависеть от содержания и тематики статьи.

21. Опора на источники, новизна, ясность изложения.

22. Актуальность, современная российская и зарубежная историография, фундированность новым архивным материалом.

24. Объективность изложения материала, достоверность, введение в оборот новых источников.

25. Научно-справочный аппарат, стиль и язык (сочетание академичного и научно-популярного стиля).

26. 1) Содержание статьи должно отвечать избранной теме научного исследования или интересной автору по другому социально-гуманитарному направлению; 2) В статье должны быть четко отражены цели, задачи исследования, разработанность темы и её неисследованные проблемы, аргументированы подходы к исследованию: доказательность необходимыми данными (архивными, документальными, авторскими и т. д.), на основе которых даны полные выводы о раскрытии самой темы исследования.

27. Ключевые слова. Аннотация. Введение, основная часть, заключение. Сноски, примечания, список литературы в соответствии с действующими библиографическими требованиями.

28. Доказательная база, опирающаяся на источники, собственные суждения, актуализирующие научное поле исследования.

29. Отсутствие плагиата и автоплагиата, доказанная научная новизна, наличие аннотации на русском и английском языках, наличие введения, основной части, заключения.

30. Новизна (введение в научный оборот новых источников, фактов, интерпретаций), язык изложения должен быть понятен не только узким специалистам.

32. Научная новизна, прочная доказательная база, ясный стиль изложения, новые выводы.

33. Научная новизна, профессионализм текста, логичность, объективность, стилевое соответствие. В структуре статьи должны выделяться актуальность, цель, изложение результатов, их аргументация и интерпретация, перспективы исследования, список литературы.

35. Источниковая и историографическая доказательность, авторская компетентность, владение языком и стилем на достойном уровне («читабельность»).

36. Постановка проблемы и определение новизны, наличие справочного аппарата, показывающего работу с источниками и литературой (историографией), выводы в конце статьи, соотносящиеся с поставленной проблемой.

39. Научность.

40. Актуализация проблемы, присутствие степени изученности проблемы, обоснование теоретической основы исследования, анализ и обоснование источниковой базы исследования, значимые научные результаты.

41. Научная новизна, фундированная источниковая база, логика в изложении материала, доказательность, литературный язык, новые выводы.

43. Новизна, культура мышления, высокое качество текста, широта кругозора, индивидуальность стиля.

44. Актуальность, признаки новизны / новизна, логичность, наличие выводной части, знакомство с актуальной библиографией.

45. Статьи должны быть правильно оформлены в соответствии с ГОСТом.

46. Научный стиль. Чётко обозначена цель исследования. Указана новизна исследования, Доказательность (обоснованность). Четкие выводы исследования.

48. Актуальность. Методология. Результаты исследования. Выводы.

49. Отсутствие плагиата (цитирования чужих работ без указания сносок), соответствие темы статьи тематике журнала, оформление ее в соответствии с требованиями журнала.

50. Имя автора и сведения о нём (место работы, должность, научная степень и звание), название, аннотация и ключевые слова, фиксация в структуре предметного поля; состояния его изученности; авторской позиции; выводов, справочный аппарат: примечания и сноски.

51. Актуальность. Использование разнообразных источников. Обращение к историографии. Применение новых методологических подходов и теоретических конструкций. Работа с терминами. Выявление исторических закономерностей. Научно-справочный аппарат.

12. Выскажите свои пожелания к оформлению научно-справочного аппарата в социально-гуманитарных изданиях.

1. Требования меня устраивают.
2. На мой взгляд, можно было бы применять постраничные ссылки. Это удобно при написании и чтении статьи.
5. Хотелось бы видеть единые требования к оформлению перевода литературы и транслитерации.
6. Не требовать: общее количество страниц, издательство, транслитерацию.
8. Меньше формализма! Почему нельзя ссылаться на учебники, даже если этого требует содержание статьи.
9. В целом устраивает, хотелось бы менее формальной процедуры как при ссылках на интернет (дата обращения и проч.).
10. Урегулировать стилистику оформления и стили оформления библиографии и ссылок.
11. Лучше бы вообще убрать аллитерацию из обязательных требований. Сделать требования едиными, т. к. в разных журналах требования разные, не успеваешь перестраиваться.
14. В целом требования к оформлению удовлетворяют. Однако может быть, эти правила оформления следует как-то унифицировать и стандартизировать, потому что в реальности разные журналы выдвигают к авторам различные требования по оформлению статьи.
17. На русском и английском языке — аннотация, ключевые слова. Список источников и литературы. Ссылки и сноски.
18. Они должны быть единообразными во всех журналах и материалах конференций.
20. На мой взгляд, ее следует в некоторой степени упростить и, главное, унифицировать (недопустимо, когда в разных изданиях совершенно различные требования к оформлению).
21. Введение единых требований.
23. Обычные подстрочные ссылки с минимальными требованиями ГОСТа.
24. Оформление должно быть единообразным по всей стране, оформление библиографического списка не должно быть отягощено дополнительными дублирующими сведениями, отсутствующими в выходных данных на контртителе.
25. Единый подход к его оформлению на основе одного ГОСТа, а так любой вариант устроит на усмотрение редакции.
26. Научно-справочный аппарат в социально-гуманитарных изданиях должен полностью подтверждать все данные, использованные автором в статье, включая даже воспоминания людей, живших в разное вре-

мя, но знавших то, что когда-то происходило, бывших свидетелями тех событий, о которых говорит автор в своем исследовании с обязательным указанием источников.

27. Обоснованность, краткость, понятность.

28. Минимизация научно-справочного аппарата, включающая необходимые универсальные ссылки на источники и литературу.

29. Сокращения, аббревиатура должны стоять в самом начале, предметный, именной, географический указатели — в конце.

30. Они должны быть достаточны для того, чтобы при необходимости можно было найти необходимую публикацию. Например, для этого не всегда нужно указание издательства (особенно у иностранных изданий XIX в. и ранее) и никогда — общее количество страниц в книге.

31. Упрощение аппарата.

32. Самые разумные требования были в советских научных изданиях: сноски в конце статьи, а все остальное — наукообразие.

33. Принцип «разумно и достаточно».

35. В идеале каждый автор хотел бы использовать некий почти единый «договорный вариант» оформления научно-справочного аппарата, а не чуть не каждый раз вникать в те или иные «изыски», исходящие от редакций журналов и сборников.

36. Ко всему можно привыкнуть и приспособиться, но важно, чтобы была возможность использовать развернутые примечания-пояснения, которые раньше (в каких-то журналах до сих пор) помещались в подвалах страниц. Кроме того, ссылки в форме цифровой информации в квадратных скобках (типа [2, p. 243; 5, p. 16]) не очень наглядны. При ссылках внизу страницы читатель сразу может соотносить тезис статьи и источник информации, не листая до конца страницы в поисках того, что обозначает та или иная цифра.

39. Упростить.

42. Необходимо создание постоянно обновляемой «Российской базы правильных ссылок на отечественные и зарубежные публикации» (в двух или трех форматах, имеющих в требованиях редакций), например, в E-library.

44. Те же, что и прочих.

47. Упростить.

48. Постраничные сноски — удобнее.

49. В конце 20 века требования к оформлению научно-справочного аппарата в социально-гуманитарных изданиях были вполне выверенными и удачными.

50. В этих вопросах лучше ориентируются библиографы: важен лишь принцип разумной достаточности... Например, убрать указание на

общее количество страниц в издании или на страницы, занимаемые цитируемой статьёй в журнале.

51. Минимальная, понятная, универсальная стандартизация... набор требований общий для всех журналов данного профиля.

14. Назовите сильные и слабые стороны электронных изданий.

1. Не думала об этом. Пользуюсь и электронными и бумажными изданиями.

2. Преимуществами электронных изданий являются быстрое и всемирное распространение, а также доступ ко всем выпускам издания. Но приходилось сталкиваться с проблемой сохранения в сети электронного издания. Иногда издания меняют электронный адрес, что затрудняет осуществлять их последующий поиск.

3. Сильная сторона — неограниченный просмотр в отличие от печатных экземпляров.

4. Доступность для коллеги и читателей, более быстрые сроки публикации, возможность трансляции, в том числе за рубеж.

5. Сильная сторона — легкая доступность для читателя.

6. Требуют меньше затрат от издателя, позволяют оперативно делиться номером с авторами. Слабых нет.

9. Сила традиции в гуманитарных дисциплинах — большее доверие напечатанному слову, это минус. Плюс — публикации не ограничены жестким объемом, Более доступны для коллег в регионах, легкость поиска нужных статей и нужного контента в них.

10. Сильные — быстрота оформления выпусков, скорость передачи информации, скорость распространения, техническая простота. Слабые — возможность слома сервера или распространения вирусов, ложных фактов, крепления рассылок.

11. Трудно сказать, надо долго над этим размышлять.

12. Сильные стороны — доступность и масштаб аудитории. Слабые стороны — качество.

14. Сильные стороны — доступность в любом регионе России и возможность быстро использовать новейшие публикации в своих научных исследованиях. Слабые стороны — сложность верифицировать подлинность текста и проверить наличие искажений.

17. Сильные стороны: оперативность, быстрота и частота издания; дешевле, чем печатное издание. Слабые стороны: в области психологии — трудности в восприятии, прочтении, хранении. Без печатного аналога — часто не включаются в базы данных.

18. Сильные стороны: доступность, Слабые стороны: не всегда тщательный отбор материала.

20. Главное достоинство электронных изданий — доступность (имеется в виду доступность для читателя). Главный недостаток — качество публикуемых материалов.

21. Доступность, Качество.

22. Доступность, Быстрота появления материала

23. Бумага все стерпит, и даже сохранит научные глупости на полке в библиотеке.

24. Возможность сделать журнал медийным и интерактивным, а также расширить научной дискуссии, кроссплатформенность для просмотра, удобство цитирования и анализа содержания. Отсутствие «классической» бумажной наглядности и удобства использования при чтении, для чтения требуется наличие компьютера или телефона.

25. Доступность — самый большой плюс. Слабая работа редколлегий — минус.

26. Не публиковала свои статьи в подобных изданиях, и потому нет ответа на этот вопрос.

27. Сильные стороны: экологичность, быстрота публикации, стоимость. Слабые стороны: сложно воспринимается, если вырос в «бумажную» эру; копирайтинг.

28. Сильные стороны: оперативность, актуальность, охват аудитории. Слабые стороны: чрезмерная политизация и идеологизация, увлеченность сиюминутным в ущерб глубине проработки материала, стремление к увеличению наукометрических показателей любой ценой

29. Главная сильная сторона — оперативность. Главная слабая сторона — возможность быстрого прямого заимствования.

30. С точки зрения подачи информации, электронное издание — это лишь форма. Содержание электронного издания может ничем не отличаться от традиционного журнала. При этом электронное издание более доступно. Это является его значительным преимуществом. Материалы, опубликованные в электронных изданиях, со временем могут оказаться недоступны. Например, если журнал перестанет публиковаться и закончится оплата сервера.

32. Дешевизна содержания и приобретения издания, высокая скорость его распространения. Все остальное — недостатки.

34. Удобство в тиражировании результатов исследований. Ослабевает визуальная полновесность издания.

35. Сильная сторона: широченная доступность, оперативность, унифицированность хранения. Слабая сторона: потеря объема восприятия всего издания, общей визуальности текста, что для гуманитариев весьма важно.

36. Мало обращался к такого рода изданиям, поэтому не могу дать точной оценки. По-моему, они не хуже и не лучше бумажных, и благо от них только в экономии на типографии.

39. Плюс в доступности, минус в отсутствии единых требований.

40. Печатные издания приятнее читать, лучше осваивается содержание. Электронные — делают доступнее статьи, отпадает необходимость ходить в библиотеку, опубликованные в них статьи, повышают индекс цитирования.

41. Высокая скорость распространения и широкий охват аудитории. В остальном у статей могут быть те же недостатки, что и у печатных изданий.

43. Устраивает. В хорошем журнале (т. е. в нечастном, некоммерческом, неангажированном) работают профессионально подготовленные люди, поэтому они умеют организовать научный процесс. В «журналы для своих» посылать материалы бессмысленно, даже отвечать не будут.

45. Сильная сторона: доступность. Слабые стороны: фактически отсутствуют (если макеты / форма представления статей совпадают с печатным вариантом).

46. Экологическая целесообразность, экономия ресурсов, доступность для издателей и для пользователей, удобство в использовании в научных целях

47. Сильные стороны: большая распространяемость, Слабые — у некоторых электронные журналов ниже качество статей.

49. Сильная — больше возможностей выхода на широкую читательскую аудиторию, распространения идей через эл. издание. Слабая — больше рисков полной утраты всего архива материалов (в бумажном сохраняется хотя бы в основных библиотеках, в случае осуществления обязательной рассылки редакцией).

50. В них не публиковался: публиковался в обычных изданиях, имеющих электронную версию.

51. Сильная сторона — оперативность при публикации статей. Слабая — проблемы с восприятием текста

16. Устраивает ли Вас качество рецензирования и научной экспертизы в социально-гуманитарных журналах? Аргументируйте Вашу точку зрения.

1. Не всегда. Часто рецензент смутно представляет себе объект и предмет Вашего исследования и его «претензии» вызывают мягко сказать недоумение.

2. В целом устраивает. Экспертные рекомендации зачастую позволяют доработать статью наилучшим образом.

3. Для названной работы привлекаются профессионалы, поэтому качество рецензирования не вызывает сомнений.

4. Сложно ответить на этот вопрос. В ряде коммерческих изданий, рецензирование нередко носит номинальный характер. А вот в университетских журналах рецензирование осуществляется более качественно. Поэтому однозначно не ответить на этот вопрос.

5. Это зависит от редакционной политики. Сталкивалась с рецензиями абсолютно необъективными, основанными именно на формализованном подходе. Поговаривают о «чёрных рецензентах». Охотно верю.

6. Вполне устраивает, помогает «подогнать» под требования журнала, исправить ошибки и внести смысловые уточнения, при этом не меняя содержания.

7. Устраивает.

9. Нет, к сожалению рецензии либо имеют оттенок вкусовщины и носят комплиментарный характер, либо сделаны формально и наспех, что связано с тем, что все больше «коммерческо-научных» журналов платят рецензентам мизерные деньги, и те из них, для кого это является формой дополнительного заработка, берут количеством, не обращая внимания на качество.

10. Не всегда, особенно это относится к междисциплинарным статьям, когда сложно найти эксперта в данном вопросе, а эксперты «смежники» не всегда разбираются в материале и возникает конфликт между автором, журналом и рецензентом.

11. В тех журналах, в которых я публикуюсь, рецензирование в целом объективное. Но иногда мне из солидного ВАКовского журнала порой посылают такие статьи, в которых не то что обзоров литературы и методологии нет, но даже порой и нормальные введение и выводы отсутствуют.

12. Нет, не устраивает. До тех пор, пока будет сохраняться порочная практика написания рецензии самими авторами статьи за подписью якобы рецензента повысить качество отечественных научных статей нереально.

13. Любая рецензия осуществляется человеком и, следовательно, есть элемент субъективного восприятия рецензируемого материала (по принципу «а вот я бы написал вот так»).

14. Сталкивался с предвзятым отношением рецензентов к своим статьям. Без научной аргументации, на основании мелких замечаний и редакционных придинок отклоняли мои статьи в 2—3-х журналах. Одна статья «пролежала» в журнале 5 лет и все-таки после некоторых лоббистских усилий была опубликована.

17. В целом устраивает. Так как социально-гуманитарные журналы выходят, в них публикуется много интересных статей. Главное — чтобы рецензирование и научная экспертиза были объективными, понятными и не долгими по времени.

20. К сожалению, оно нередко носит формальный характер.

21. Все зависит от конкретного журнала.

22. В разных журналах — по-разному.

23. А судьи кто? Определять характер издания и его содержание должен главный редактор.

24. Нет, не устраивает. Кажется достаточно формализованной, нет полной уверенности, что материалы, подготовленные для публикации, действительно читают, и если читают, то читает специалист близкого профиля.

25. Устраивает, так как работаю и читаю, журналы, в которых грамотная и компетентная редколлегия.

26. 1). На личном примере могу сказать, что относилась к рецензируемым статьям объективно, соответственным тем факторам, о которых написано выше. 2). Другой вопрос состоит в том, что авторы зачастую не знают своих рецензентов, так как им при отказе в публикации статьи просто говорят, что она не отвечает требованиям научного издания. Самой не пришлось такое получать, ибо все статьи принимались в тех журналах, в которые я их подавала. Но от многих исследователей слышала жалобы на непонимание того, почему их статью не приняли к публикации.

27. 50/50. Зависит от конкретного издания. В целом проблема упирается в финансирование рецензента. Коммерческое издание перекладывает вопрос финансов на автора, что изначально создает зависимую основу взаимодействия. В других изданиях сохраняется стремление с одной стороны соблюсти правила игры, с другой сэкономить в данном вопросе. В капиталистическую эру вряд ли возможна 100 % объективность в данном вопросе.

28. Рецензирование и научная экспертиза носит закрытый характер, поэтому входить в ее оценочные суждения не корректно.

29. Здесь важна дифференциация. В топ-журналах это качество выше. Главный аргумент — собственное участие в рецензировании и научной экспертизе.

30. Устраивает не всегда. Я сталкивался с тем, что рецензентами иногда являются люди, не достаточно компетентные в тематике рецензируемых ими материалов. Уважающие себя издания должны предоставлять авторам рецензируемых статей возможность аргументированно отвечать на необоснованную критику.

31. Чаще всего экспертиза формальна либо преследует цели отсеять «не своих» авторов.

32. Не всегда устраивает: много формализма.

33. Если в целом говорить обо всех журналах, скорее нет. Есть журналы, которые, назвавшись ваковскими, печатают всё подряд, даже материалы со 100-процентным плагиатом. Но есть и приличные рецензируемые издания. Качество рецензирования зависит от установок редколлегии, от профессионализма и культуры рецензентов. Задача научной экспертизы — отбор и поддержка наиболее перспективных публикаций, помощь авторам интересных статей, а не самоутверждение. В июне 2020 г. мне «посчастливилось» получить из профильного журнала такую слепую рецензию на статью моей аспирантки, в которой вместо конструктивной критики научных положений и стиля оформления статьи вылились ушат категоричных высказываний с целью заклеить вечным позором именно автора, а не только самые мелкие его просчеты. Рецензию аспирантке не показала. Пересказала основные замечания, по большей части технического характера, в деликатной форме. После минимальной правке статью напечатали в ближайшем номере того же журнала.

34. Очень щекотливый вопрос, может быть основан на личной неприязни.

35. Сложно обобщенно давать оценку. Все зависит от конкретики (традиции издания, автор рецензии и авторство рецензируемого издания, его тема). Но в целом, как представляется, в последние годы утрачивается культура рецензирования, когда идет некая «гонка написательства», но нет спокойной, системной, профессиональной оценки значимых работ, нет дискуссий...

36. Скорее не устраивает. Либо экспертиза не проводится вовсе, либо экспертиза проводится формально. В частности, в 2021 году получил рекомендации эксперта уважаемого журнала по улучшению статьи; рецензия, содержа правильные советы, включала рекомендации, которые показывают довольно примитивный уровень прочтения материала. Кроме того, часто оценка зависит от уровня требовательности конкретного эксперта. Получая рецензии сам, могу сказать, что эксперты часто изначально делятся на «апологетов» и «инквизиторов» (привожу только крайности). В результате часть публикаций проходит серьезную проверку, часть (в том же издании) — формальную.

39. Не задумывался об этом, поскольку считаю это выбором редакции, а не авторов.

40. Иногда они бывают субъективны, автору статьи навязывается концептуальное видение рецензента. В целом, если четко обозначен алгоритм рецензирования, рецензии могут быть вполне объективными

41. В известных мне издания качество вполне устраивает. Прежде всего, потому, что рецензированием материалов занимаются профессионалы — специалисты в той области, по которой представлена статья. Кроме того, рецензирование «слепое», что снижает влияние так называемого «личностного фактора» при отборе материалов.

45. В целом устраивает. Одной из проблем видится все же некоторая ангажированность отдельных рецензентов. Это касается не только публикационных рецензий, но и экспертизы проектов / грантов. Будучи действующим экспертом, скажу, что страдает и система распределения статей между рецензентами (тематика иногда не соответствует профилю). Удивляют требования к использованию часто нерелевантной иностранной библиографии.

46. Не всегда. Часто проводится формально или субъективно. Иногда рецензент менее компетентен в теме, чем автор.

48. Устраивает в высокорейтинговых журналах, Не устраивает в англоязычных, журналах базы Scopus, в публикациях, касающихся исламизма и экстремистской деятельности.

49. Есть элемент субъективности в оценках, который, впрочем, преодолевается через форму рецензирования, когда рецензент не знает, кто автор.

50. Нет. Статьи рецензируются и отбираются для публикации, исходя из принадлежности авторов к кругу «своих». Часто встречаются формальные отписки без какого-либо содержательного анализа, а также оценки, исходящие из личных вкусов и пристрастий рецензентов.

51. Устраивает. Те эксперты, кто рецензировал мои публикации практически всегда четко объясняли свою позицию.

Сведения об авторах

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, kebaldin@mail.ru

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Россия, г. Иваново, budn@inbox.ru

Васильев Николай Николаевич — заместитель директора по информационным технологиям, АО «Саратовский полиграфический комбинат», Россия, г. Саратов, vnn111@mail.ru; vnn@sarpk.ru

Вашкау Нина Эмильевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Россия, г. Липецк, vaschkau@mail.ru

Возилев Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, директор, Шуйский историко-художественный и мемориальный музей имени М. В. Фрунзе, председатель Ивановского областного краеведческого общества, Россия, г. Шуя, vozilov@list.ru

Баженов Анатолий Матвеевич — кандидат исторических наук, доцент, профессор Российской академии естествознания, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, Россия, г. Тула, bajenov.anatol@yandex.ru;

Баканова Марина Владимировна — главный врач больницы «Duaa Hospital», журналист периодических изданий и интернет-сайтов «Ислам-Инфо», «Ас-салам», «Медина», «Восточная коллекция» и других (творческий псевдоним — Фатима Манзур), Пакистан, г. Исламабад, mari-ina@mail.ru

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель исторического клуба, Совет ветеранов Академического района города Москвы, Россия, г. Москва, elvira40@inbox.ru

Жульков Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, mzh1@mail.ru

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, Институт истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Россия, г. Сыктывкар, oleg-zolotarev@mail.ru

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей РФ, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет, Россия, г. Кострома, a.zyablikov@yandex.ru

Кареев Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, areevdimitri@yandex.ru

Климович Людмила Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; старший научный сотрудник, Ульяновский государственный технический университет, Россия, г. Ульяновск, lusek84@yandex.ru

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д. К. Беляева, Россия, г. Иваново, cosh-kin@mail.ru

Комиссарова Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт гуманитарных наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, komissarova.ir.an@gmail.com

Копылов Артем Александрович — магистр истории, студент 3 курса аспирантуры Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Россия, г. Москва, koryartyom@yandex.ru

Корников Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, histgerb@mail.ru

Королева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Россия, г. Иваново, kor_tv@mail.ru

Котлова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, доцент, проректор по воспитательной работе и связям с общественностью, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Россия, г. Иваново, kbtb@ispu.ru

Кривопалова Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Россия, г. Самара, krin-31@mail.ru

Кривошеева Юлия Александровна — старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Россия, г. Ярославль, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Кузнецов Алексей Андреевич — кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела, Научно-исследовательский институт (военной истории), Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Россия, г. Москва, ofnp@yandex.ru

Купцова Ирина Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, ivkuptsova@mail.ru

Куряев Алексей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных процессов, СМИ и рекламных технологий, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, г. Москва, cool.kuraev@mail.ru

Марасанова Виктория Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Россия, г. Ярославль, vmm@uniyar.ac.ru

Муромцева Людмила Петровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий России, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, muromtseva_mila@mail.ru

Околотин Владимир Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, okolotin.vladimir@yandex.ru

Оришев Александр Борисович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, Россия, г. Москва, Orishev71@mail.ru

Панов Сергей Валерьевич — магистрант, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, г. Москва, rontonak@gmail.com

Петрова Сильвия Григоровна — ведущий библиотекарь научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги), Российская государственная библиотека, магистрант кафедры регионоведения и международных отношений Института стран Востока, магистрант Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, г. Москва, petrova.silvja@yandex.ru

Польвянный Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, заведующий Научно-образовательным центром интеграции науки и образования, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, dipol53@mail.ru

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, г. Пермь, va-porozov@mail.ru

Раскатова Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культурологи, Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия, г. Иваново, elenaraskatova@mail.ru

Санникова Татьяна Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Музей истории города-курорта Сочи, Россия, г. Сочи, sannikova_t@mail.ru

Сафолов Диловар Сандварович — аспирант кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, ger.safokl@yandex.ru

Семененко Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, директор, Государственный архив Ивановской области, Россия, г. Иваново, smuta.cohma@yandex.ru

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной и зарубежной истории, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, Россия, г. Челябинск, sibirjkovig@mail.ru

Соловьев Андрей Авенирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, Россия, г. Кострома, anh7@rambler.ru;

Страшнов Сергей Леонидович — доктор филологических наук, профессор, профессор отделения журналистики, рекламы и связей с общественностью, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, sstrashnov@yandex.ru

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, orvozi@rambler.ru

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, vlchernoperov@rambler.ru

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры геометрии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов, shim.ov@mail.ru

Широкалова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии и социологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, г. Нижний Новгород, shirokalova@list.ru

Шушунова Татьяна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь, г. Минск.

Яновский Олег Антонович — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск, helgoleg@mail.ru

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново, kirill-yudin.hist@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово от организаторов конференции</i>	5
Редакция журнала в разные годы	6

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Васильев Н. Н. (Саратов) Новая интеллигенция против государства и общества	7
Ершова Э. Б. (Москва) Процессы генезиса и эволюции системы духовно-нравственных ценностей интеллигенции России в 1990—2000-е годы (авторский взгляд на проблему)	15
Золотарев О. В. (Сыктывкар) Социальный статус советского учительства	20
Купцова И. В. (Москва) Проблема генезиса интеллигенции в современной отечественной истории и историографии	26
Порозов В. А. (Пермь) Цифровизация и интеллигенция	31
Раскатова Е. М. (Иваново) Кухня как культурное пространство в постсталинскую эпоху	38
Семенов А. М. (Иваново) «Красное» или «белое» в прошлом, в настоящем и в будущем города Иваново	43
Сибиряков И. В. (Челябинск) Феномен «интеллектуальной миграции» глазами профессионального историка	48
Соловьев А. А. (Кострома) Сингулярность интеллигенции в контексте апокалиптического дискурса	54
Усманов С. М. (Иваново) Некоторые размышления об изучении интеллигенции	59
Черноперов В. Л. (Иваново) Государство, школа и наука в гумбольтовской модели университетского образования	65
Широкалова Г. С. (Нижний Новгород) Студенты поколения Z: особенности исторической памяти	72
Яновский О. А. (Минск) Проект «Белорусский университет» в осмыслении и реализации интеллектуалов Беларуси и России	78

Секция 1
ГЕНЕЗИС, ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Жульков М. В. (Иваново) Интеллигенция в современном мире: между национальным и глобальным	85
Комиссаров В. В. (Иваново) Общественная самокритика как функция интеллигенции в советском обществе	91
Кузнецов А. А. (Москва) Научно-технические организации РККА в 1918—1923 гг.	96
Муромцева Л. П. (Москва) Роль эмигрантской интеллигенции в создании музеев Русского Зарубежья	103
Петрова С. Г. (Москва) Об особенном пути формирования китайской интеллигенции	109
Страшнов С. Л. (Иваново) Телеканал «Россия К» и его аудитория	115
Шимельфениг О. В. (Саратов) Интеллигенция и проблема бессмертия	120
Шушунова Т. Н. (Минск) Воспитание интеллигента сквозь призму деятельного подхода М. Вебера	125

Секция 2
ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Баженов А. М. (Тула) Портрет социолога Юрия Александровича Левады	131
Баканова М. В. (Исламабад) Интеллигент Британской Индии — сэра Саид Ахмад Хан	137
Кареев Д. В. (Иваново) Историк IV века Секст Аврелий Виктор: провинциал, ставший столичным интеллигентом	142
Климович Л. В. (Ульяновск) Штрихи к портрету К. Д. Померанцева (1906—1991): по новым архивным материалам	147
Копылов А. А. (Москва) Основные темы переписки Патриарха Алексия I (Симанского) с председателями Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карповым и В. А. Куроедовым в 1958—1964 гг.	152
Корников А. А. (Иваново) Идеино-политические искания русского интеллигента в эпоху войн и революций. И. Ф. Наживин: писатель и публицист	157

Кривопалова Н. Ю. (Самара) Личный фонд адвоката А. Г. Елшина как источник по изучению самарской интеллигенции в начале XX в.	162
Марасанова В. М., Кривошеева Ю. А. (Ярославль) А. Ф. Грязнов как представитель технической интеллигенции дореволюционной России	168
Околотин В. С. (Иваново) Борис Алексеевич Борисов — штрихи к творческому портрету	173
Оришев А. Б. (Москва) Образ ученого-интеллигента академика И. А. Каблукова: легенды и реальность	179
Польвянный Д. И. (Иваново) Палехский художник Федор Каурцев: становление идентичности	184
Санникова Т. О. (Сочи) Подвижник сочинского краеведения — Никанор Кирпич	190
Сафолов Д. С. (Иваново) Спецкор газеты «Известия» К. Я. Финн о трудовых достижениях ивановцев в годы Великой Отечественной войны	195

Секция 3

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА

Балдин К. Е. (Иваново) Кружок технологов в Иваново-Вознесенске в начале XX в. — организация технической интеллигенции	201
Будник Г. А., Котлова Т. Б., Королева Т. В. (Иваново) Инженерно-техническая интеллигенция в годы Великой Отечественной войны	206
Вашкау Н. Э. (Липецк) Солдатские письма как исторический источник для изучения повседневной жизни в период Великой Отечественной войны	211
Возиллов В. В. (Шуя) «Союз трудовой интеллигенции» в Шуе в 1917 году	217
Зябликов А. В. (Кострома) Образ военного в советском кино 1930—1940-х гг.	223
Комиссарова И. А. (Иваново) Налоги и интеллигенция в период НЭПа	228
Кураев А. Н. (Москва) Интеллигенция и массовые организации в России в 1905—1907 годах	234
Панов С. В. (Москва) Национальная политика Российской империи на западных окраинах в оценках польской националистической интеллигенции (на примере Р. Дмовского и З. Балицкого)	239

Юдин К. А. (<i>Иваново</i>) Политический контроль над советской кинематографической интеллигенцией (конец 1920-х — 1930-е гг.)	243
--	-----

**ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС ПО ТЕМЕ
«ЖУРНАЛЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ»**

1. Описание выборки и социально-демографические характеристики экспертов	249
2. Оценка экспертным сообществом изменений в месте и роли научных рецензируемых журналов социально-гуманитарных наук за последние десятилетия	253
3. Анализ ситуации в сфере редакционно-издательской деятельности	256
3.1. Оценка респондентов наукометрической индексации социально-гуманитарных изданий	256
3.2. Форма и структура статьи в представлениях респондентов	258
4. Прогноз перспектив развития социально-гуманитарных рецензируемых изданий	260
<i>Приложения</i>	264
Анкета экспертного опроса по теме «Журналы социально-гуманитарных наук на современном этапе: ожидание и реальность»	264
Анализ данных закрытых вопросов анкеты эксперта	270
Анализ данных открытых вопросов анкеты эксперта	284
<i>Сведения об авторах</i>	303

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ:
ГЕНЕЗИС, ФОРМИРОВАНИЕ,
РАЗВИТИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**Материалы
XXXI Международной
научно-теоретической конференции**

**Конференция приурочена к 20-летию журнала
«Интеллигенция и мир»**

Иваново, 23—24 сентября 2021 г.

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 11.08.2021 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 18,14.
Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 100 экз. Заказ 15. Цена свободная.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

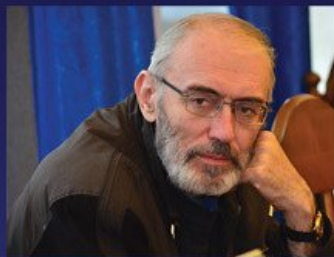
ООО «Принткарт»

✉ 153045 Иваново, м. Афанасово, ул. Новосельская, 5

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР» В РАЗНЫЕ ГОДЫ

В.С. Меметов

С.М. Усманов

В.Л. Черноперов

Ю.М. Воронов

Г.С. Смирнов

В.П. Раков

С.С. Садина

Г.А. Будник

Н.Г. Юркин

В.В. Комиссаров

И.К. Лашина

А.К. Калинин

Д.А. Смирнов